

МИР

№ 3. 1925 г.

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
«КРОВАВЫЙ КОРАЛЛ ПРОФ. ОЛЬДЕНА». Рассказ П. Аландского.	1
«НА ФРАНЦУЗСКОЙ КАТОРГЕ В ГВИАНЕ». Рассказы Луи Мерлэ.	
I. «ПРОКАЖЕННЫЙ».	19
II. «КОЛОКОЛЬНЫЙ СИГНАЛ ДЛЯ АКУЛ».	27
«ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ».	
II. «МАШИНА СНОВИДЕНИЙ». Рассказ К. Фезандие. С англ.	31
«КОЛЕСО» Фантастич. рассказ А. Ульянского. Иллюстр. М. Мизернюк».	49
«ЧЕЛОВЕК НА МЕТЕОРЕ». Повесть Рей Кёммингса. Часть II. С англ. .	77
ЗАДАЧА № 1 «ЛАБИРИНТ». Сост. П. В. Мелентьев.	99
«ПОРТРЕТ». Рассказ Н. Ивановича.	101
«НАД БЕЗДНОЙ». Рассказ В. Г. Левашова.	113
«ПИАНИНО». Рассказ Б. Вильямс. С англ. перев. Ф. Ньютона. . . .	127
«ЕГО ТАЙНА». Рассказ Сигурда. Со шведского.	147
«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ». — Откровения науки и чудеса техники:	
«ИСКУССТВЕННЫЕ КЛЕТКИ». Статья акад. проф. В. Л. Омелянского.	153
«ВЛИЯНИЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО СВЕТА НА РОСТ РАСТЕНИЙ».	155
«ИСКУССТВО ЧЕЛОВЕКА 25000 ЛЕТ НАЗАД».	157
«ПРОЕКТ ПОЛЕТА НА ВЫСОТЕ 15 ВЕРСТ».	159
ЗАДАЧА № 2, П. В. Мелентьева.	160
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.	на 3-й стр. обложки
О подписке на журнал «ВЕСТНИК ЗНАНИЯ» на 4-й странице обложки.	
Обложка исполнена художником М. Я. Мизернюком.	

ПОДПИСКА НА 1925 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ

«МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ» выходит ежемесячно книгами, со множеством иллюстраций русских и иностранных художников.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 год с доставкой и пересылкой 6 руб., на 6 мес. — 3 рубля, на 3 мес. — 2 руб. Отдельный № — 50 к., с пересылкой — 70 коп. При коллективной подписке допускается рассрочка подписной платы, за поручительством кассиров, по 50 коп. в месяц. Необходимо обозначать, на что посылаются деньги и с какого № надлежит высылать журнал.

ПОДПИСКУ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ: Ленинград, Издательство «П. П. Сойкин», Стремянная, 8.

«МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ» за прежние годы распродан. Имеются сборники №№ 1, 2 и 3 за 1924 г. Цена каждого № 50 коп., с пересылкой 70 коп.

КРОВАВЫЙ КОРАЛЛ

ПРОФ. ОЛЬДЕНА

Corallus sanguineus Oldensis.

РАССКАЗ П. АЛАНДСКОГО.

Огромный зал Лондонского Королевского Общества Экспериментальных Наук был ярко освещен.

Он был переполнен самой разнообразной публикой, — здесь сидели почтенные, убеленные сединами ученые в старомодных сюртуках, было много и начинающих ученых, которые с уважением смотрели на тех, чьи имена были известны всему миру.

Но больше всего набралось в зале посторонней публики, явившейся сюда из любознательности, а может быть, и из любопытства. Газетный и журнальный шум, поднявшийся в последнее время около имени профессора Ольдена, химика, хорошо известного в ученом мире, привлек эту публику, которая была науке собственно чужда.

Все ждали с нетерпением начала доклада.

Вдруг в зале воцарилась тишина. На кафедру твердой походкой взойшел высокий худой человек. Это и был профессор Ольден.

Прошло несколько секунд. Проф. Ольден обвел присутствующих долгим взглядом. Но на его бесстрастном лице нельзя было прочесть, доволен ли он видом переполненного зала, или нет.

Промолчав немного, проф. Ольден начал:

— Милостивые государыни и милостивые государи!

Мой доклад не будет продолжителен. Основной интерес его — усовершенствованная мною световая демонстрация последних достижений в области искусственного выращивания растений-кристаллов.

В конце доклада я продемонстрирую перед присутствующими мое собственное открытие в этой мало-исследованной области.

Я вижу, что, кроме уважаемых коллег, мой доклад почтила своим посещением публика, не имеющая прямого отношения к чистой науке.

Ее, повидимому, привлекла сюда любознательность.

Высоко ценю это побуждение, так как вижу в этом проявление той культурности, которая всегда и везде является показателем роста просвещения. Но, с другой стороны, присутствие этих «непосвященных» заставляет меня быть более элементарным, чем, быть может, я сам хотел. Надеюсь, мои уважаемые коллеги простят за то небольшое отступление, которое я должен сделать в интересах широких кругов публики.

Проф. Ольден поправил роговые очки и продолжал:

—...Основными задачами физиологической химии являются: 1) изучение химических процессов в нашем организме и 2) выяснение химического состава и структуры отдельных веществ нашего тела: жира, белка, сахара и пр. Изучая свойства некоторых перепонки организма, ученые химики совершенно случайно открыли удивительную, неисследованную область. Оказалось, что эти, так называемые полупроницаемые «перепонки», обладают свойством пропускать через свои поры целый ряд растворенных кристаллических веществ (соль, сахар) и задерживать некристаллические коллоидальные вещества (крахмал, клей).

Благодаря этому свойству получилась возможность отделять из смеси растворов тех и других веществ — одни вещества от других.

Химики долго не находили объяснения этому явлению, пока, наконец, Грем, в конце прошлого столетия, не разъяснил сущности этого процесса. Он доказал, что величина молекулы кристаллов меньше отверстия пор перепонки, а потому они легко проходят через нее. Молекулы же коллоидных веществ, как более крупные по размерам, пройти не могут и остаются за перепонкой.

Получилось то же, что после просеивания муки через сито. Мука, как вещество более мелкое, легко просеивается, — отруби остаются на сите.

Этот процесс диализирования продолжается до тех пор, пока концентрация раствора и за перепонкой не делается одинаковой. Ученым удалось приготовить такие перепонки чисто химическим путем. Стали делать опыты. Целый ряд ученых увековечил свои имена в этой интересной области. Одно открытие сменяло другое. И вот перед физиолого-химиками открылась странная, удивительная область — область искусственного выращивания цветов - кристаллов...

Проф. Ольден остановился, налил в стакан воды и отпил несколько.

—...Если взять раствор кристаллической соли и поместить туда вещество органического характера, то в первый момент получается взаимодействие веществ, результатом чего является иногда преобразование всего вещества в полупроницаемую перепонку. Потом начинается явление диализа. Молекулы кристаллов начинают проникать через поры внутрь. Проходят. Вследствие различия концентрации веществ снаружи и внутри перепонки молекулы начинают оказывать давление в сторону наименьшего сопротивления.

Под влиянием этого давления перепонка растягивается до тех пор, пока степень концентрации, а, следовательно, и давления, не уравниваются.

Растягиваясь, перепонка часто принимает удивительно неожиданные формы, напоминающие растения.

Я продемонстрирую вам несколько таких кристалло-растений.

— Мистер Пирсен! — обратился он к ассистенту: — будьте любезны, приступите к демонстрации.

Свет в зале погас. Огромный экран за спиной профессора вдруг засветился ослепительным светом. Послышалось легкое жужжание кино-аппарата, и на экране стали проходить чудные представители этого вновь открытого растительного мира.

Промелькнул какой-то голубой кристалл с прямыми отходящими ветками... молочно-белое гигантских размеров растение, похожее на причудливый мох...

— Пирогалловый декстрин в смеси с роданистым стронцием... — прозвучал в темноте голос проф. Ольдена.

Промелькнули какие-то воздушные сетки, пучки, клубки...

...— Фенол теллуиновый, раствор гликогена с хлористым барием, — бесстрастно пояснил Ольден.

...— Бензалиден с альфа-амилово-пропионовой кислотой. Открыт Гербертом Дротингом в 1919 году...

Голос профессора звучал холодно и бесстрастно.

С каждой минутой возрастал интерес присутствующих... Формы кристаллов делались все необычайнее и необычайнее... Тонкие стебли, с густыми, похожими на листья, отростками, необыкновенные цветы, бутоны...

Прозрачные, серебряные, бледно-розовые, зеленовато-желтые — они мелькали дивной чередой перед восхищенными взорами присутствующих.

И вдруг — все замерло... На экране появилось новое поразительное растение... Оно было рубинового цвета. От основного слегка изогнутого ствола отходили во все стороны кровавые ответвления. Резко рассеченные листья покачивались, перегибались, сверкали и переливались на экране всеми цветами радуги. Лучи света, казалось, просвечивали через необычайный кристалл и вдыхали жизнь в эти длинные колеблющиеся ветки.

Голос профессора поднялся на одну ноту выше.

— Это мой коралл... мое создание...

я назвал его *Corallus sanguineus Oldensis*.

Публика не могла сдержать своего восторга. По всему залу пронесся шопот тихих восторженных восклицаний. Но прошла минута, другая, и вдруг наступила гробовая тишина... Что-то зловещее было в живом чудесном растении, прихотливые рубиновые ветки которого медленно двигались, словно щупальцы гигантского спрута...

Профессор спокойно продолжал:

— Я почти год работал над его созданием. Я опубликую способы выращивания, его состав и формулу только после того, как приду к тем результатам, которых я хочу и надеюсь достичь. Свое открытие я буду считать лишь тогда законченным, когда мне удастся разгадать тайну создания тех живых существ, которые известны всему научному миру. Я далек от самообольщения, но я утверждаю, что стою на пути к разрешению этой задачи. Я создал чудесное растение, свойства которого еще неизвестны научному миру. Я заставляю это красивое существо оторваться от основного ствола... я дам ему возможность свободно перемещаться... Может быть, я сумею одухотворить его сознанием... Я знаю, это очень трудно, однако, не невозможно. Я думаю, что мне удастся, и притом очень скоро, из моего коралла создать живое существо более совершенное. Будет ли это нечто вроде спрута, я не знаю, но что это будет, я в этом уверен.

Доклад, господа, я считаю окончательным. Прошу желающих задавать мне вопросы.

Зал осветился. Профессор Ольден стоял бесстрастный и спокойный.

Посыпались вопросы, главным образом, узко-специального содержания.

Проф. Ольден предупредительно отвечал. Однако, на многие вопросы он давал уклончивые ответы.

Наконец, кончились прения. Публика медленно направилась к выходу, очарованная всем виденным и слышанным. Она была под обаянием великого, гениального творчества.

Ученые тотчас же окружили профессора Ольдена. Вообще его недолюбливали за его необщительность, сухость

и даже высокомерие. Но его гениальность признавалась даже его врагами.

Проф. Ольдену жали руки. Но это не были горячие дружеские рукопожатия. Это был молчаливый знак глубокого, но холодного уважения.

Вдруг из толпы ученых выделился молодой человек лет 30. Он, уловив момент, обратился к профессору.

— Простите мою смелость, г. профессор. Я доцент Гамбургского университета — Дит Генрих Моор. Я прислан факультетом специально на ваш доклад. Я хотел бы, с вашего позволения, познакомиться с вашей лабораторией и с методами вашей работы. Если вы не будете иметь ничего против, я буду вам чрезвычайно благодарен.

Проф. Ольден холодно посмотрел на говорившего и сухо ответил:

— Рад вам услужить, мистер Моор, и с удовольствием исполню вашу просьбу. Буду вас ждать завтра в 12.

Молодой ученый поблагодарил и направился к выходу.

У самых дверей он оглянулся и увидел, что проф. Ольден продолжает стоять на месте, не сводя с него глаз.

Этот пристальный взгляд поразил Моора. Всю дорогу, идя домой, он не мог отделаться от какого-то тяжелого впечатления.

Какие у него странные глаза! — думал он. — Глаза ненормального человека. Впрочем, ведь утверждают, что между гениальностью и безумием нет резкой границы. Странно. Зачем он так пристально смотрел на меня?..

Придя домой, Дит Моор сел за стол и задумался. Потом он достал бумажник и стал читать письмо своего друга, Отто Креслинга, исчезнувшего месяца три тому назад.

15 января.

Дорогой Дит!

Наконец, я добился разрешения поехать в святое святых величайшего чародея нашего столетия, проф. Ольдена. Завтра я явлюсь, с его разрешения, в его лабораторию и, может быть, попылю край того занавеса, который так упорно задерживает профессор Ольден. Странный... зловещий старик!..

Не говори никому ни слова о моих планах. Если мне удастся что-нибудь узнать, это будет большим сюрпризом для всех наших. Если не удастся, меня твоя нескромность поставит в неловкое положение.

Передай всем нашим привет.

Твой *Отто*.

Потом он достал другое письмо, посланное две недели спустя.

... Друг мой — писал Креслинг, — мне кажется, что я раскрыл тайну профессора Ольдена. Она настолько ужасна, что я не решаюсь даже передать ее тебе в письме. Надо быть вполне уверенным в том, что говоришь и думаешь. А у меня этой уверенности пока нет... Есть одни лишь подозрения...

Неприятно, что Ольден, повидимому, заметил, что я слишком пылливо всматриваюсь в то, что ему почему-то хотелось бы скрыть от других.

Прости.

Твой *Отто*.

Дит Моор решил заносить в свою записную книжку все впечатления, все события, начиная с того дня, когда он встретился с проф. Ольденом.

Из записной книжки.

Дита Генриха Моора.

27 августа.

Был на докладе проф. Ольдена. Удивительное открытие, которое приближает к разрешению тайны мироздания.

Сам Ольден не понравился. Завтра в 12 должен быть у него в лаборатории.

28 августа.

Я сегодня был у проф. Ольдена. Он принял меня сухо. Мне кажется, я ему мешаю и стесняю его. Но я решил не замечать его холодности. Профессор представил меня своим сотрудникам. Отто Креслинг между ними не оказался. Я не решился спросить профессора о моем друге. Наведу справки стороной.

29 августа.

Я осмотрел лаборатории проф. Ольдена. Громадные залитые светом залы сплошь уставлены препаратами чудных растений-кристаллов, теми, кото-

рые я видел на экране во время доклада.

Их очень много. Многие чрезвычайно ценны и интересны. К моему великому изумлению *Corallus sanguineus* я между другими препаратами не нашел. Мне сказали, что он находится в кабинете профессора, куда доступ для всех закрыт, кроме старшего ассистента.

Профессор в лабораториях бывает редко. Большую часть времени он проводит у себя в святом святых, как выразился в своем письме Отто.

30 августа.

Я перезнакомился со всеми ассистентами и лаборантами проф. Ольдена. Между ними некоторые очень симпатичны. Сегодня долго разговаривал с Самуилом Пирсеном, старшим ассистентом проф. Ольдена.

Это — суровый, еще не старый человек с резкими чертами лица. Он очень недружелюбно относится ко мне. Его разговор был очевидно экзаменом. Повидимому, здесь новых лиц не особенно любят.

1 сентября.

Мне дали кропотливую работу, требующую знания дела и усидчивости. У меня почему-то создалось впечатление, что проф. Ольден меня испытывает, действительно-ли я тот, кем я хочу себя представить.

2 сентября.

Работа моя быстро подвигается вперед. Я уже достаточно пригляделся за эти пять дней к лаборатории проф. Ольдена.

Около меня работает молодой лаборант из Христиании, Оскар Оксен.

4 сентября.

Разговорились с Оскаром Оксеном. Удивительный человек. Он рассказал мне много интересного. Оказывается к нему относятся так же недоверчиво и недружелюбно. Он работает здесь два месяца, и за это время отношение к нему изменились очень мало.

Вообще, если верить его словам, в полном доверии у профессора только один Пирсен, с которым профессор

проводит целые дни, с утра до ночи, в кабинете.

Иногда профессор по целым дням не бывает в лаборатории. Разговору помещал подошедший m-r Лажери, смуглый француз, кажется, из Бордо. Он попросил меня произвести анализ марганцевых солей. Мне так хотелось спросить Оксена о Креслинге, но я решил быть осторожным.

6 сентября.

Я стал расспрашивать Оксена о его работе. Оказывается, что и он, и все прочие недовольны своими занятиями. Проф. Ольден никого не подпускает к своим собственным работам и потому обычно у всех занятия в его лаборатории оканчиваются внезапным разрывом и таким же внезапным отъездом.

Я задал Оксену мучивший меня вопрос — не знал ли он Отто Креслинга.

Оксен пытливо посмотрел на меня и потом сказал.

— Креслинга? Действительно, я его знаю, но чень мало... Он уехал через неделю после моего приезда.

— Он уехал... вы не знаете куда? — спросил я.

— Нет, не знаю... — ответил Оксен. Он даже ни с кем не простился. У него было, кажется, бурное объяснение с профессором, который вызвал его в кабинет, куда, как вы знаете, доступ нам, простым смертным, закрыт. Я даже позавидовал вашему другу.

В кабинете он оставался так долго, что все мы разошлись по домам. Шли и рассуждали о чести, которая выпала на долю Креслинга. Признаться, мы совершенно не понимаем, почему Отто Креслинг удостоился ее... а утром нам Пирсен сказал, что Креслинг уехал, так как его вызвали экстренно телеграммой...

Что все это значит?

Если бы Отто действительно уехал, он дал бы о себе знать. Ничего не понимаю...

7 сентября.

Работа моя кончена. Представил подробный отчет профессору. Он сухо меня поблагодарил и попросил подождать со следующей работой.

— У нас, к сожалению, нет нужных

препаратов, — сказал он мне при расставании.

Я спросил Оксена, видал ли он *Corallus sanguineus* в натуре. Он ответил отрицательно.

— Только на экране, во время доклада, — сказал он недовольным тоном.

10 сентября.

Я недоумеваю, отчего проф. Ольден так бережет свой коралл. Оксен говорит, что стоит кому-нибудь пожелать увидеть это фантастическое растение, как немедленно происходит разрыв с профессором и отъезд. Подобный случай был незадолго до вашего приезда, — сказал он.

Нет ли здесь связи с исчезновением Отто Креслинга?

13 сентября.

Сегодня ночью не спалось. Пошел побродить по городу и как то невольно пришел к дому проф. Ольдена. Его огромный особняк был погружен во мрак. Только в двух окнах виднелся свет. Через плотную гардину мне удалось, однако, заметить две тени. Я долго стоял и глядел на освещенные окна. Я не мог оторвать глаз. Возможно, что там находится тот чудный коралл, который профессор так старательно прячет от всех. В конце концов мне стало чудиться, что на занавес падает отблеск чего-то красного.

Вероятно, мои глаза устали смотреть.

14 сентября.

Я теперь более, чем убежден, что профессор скрывает какую то ужасную тайну, имеющую, повидимому, связь с кораллом. Мне сегодня удалось проникнуть в кабинет профессора. Я отправился сегодня в 7 часов вечера (работы у нас кончаются в 10) к профессору за небольшой справкой. На мой стук никто не отозвался. Я машинально толкнул дверь, и она, вопреки обыкновению, оказалась незапертой. Изумленный, я сразу не знал, что собственно предпринять. Наконец, я решился и вошел в кабинет. В кабинете никого не было. Не было и *Corallus sanguineus*, который я ожидал здесь увидеть. Небольшая лампа, стоявшая тут

на письменном столе, бросала слабый свет из-под абажура. В кабинете царил полумрак. Я нерешительно оглянулся, не зная, что предпринять. После минутного размышления я сделал было несколько шагов к письменному столу, как вдруг услышал голоса. Инстинктивно я бросился назад и спрятался за портьерой. В тот же момент часть стены за письменным столом профессора подалась вперед и открылась настежь... Из отверстия показался профессор Ольден. На нем был белый халат, испачканный чем-то красным. За ним следовал Пирсен, тоже в перепачканном халате, с колбой в руках.

Проф. Ольден оглянулся, закрыл дверцы и задумчиво сказал:

— Что же нам делать, Пирсен?

Тот пожал плечами.

— Надо еще материала профессор. Повидимому, опыты надо вести в более широких размерах.

Оба задумались. Потом Ольден попросил колбу. Пирсен молча протянул ее профессору. Они поставили колбу на стол и долго разглядывали ее содержимое. Потом профессор откинулся на спинку кресла и сказал:

— Будем продолжать работу, что бы с нами ни случилось...

Конец фразы я не расслышал. Пирсен кивнул головой и подошел к стенке. Я видел, как он нажал какой-то гвоздь... Дверцы открылись. Пирсен шагнул вперед и исчез в темноте.

Профессор облокотился на стол и, устремив тяжелый, неподвижный взгляд в угол кабинета, замер.

Я осторожно проскользнул в полуотворенную дверь. Профессор меня не заметил.

Я ломаю себе голову, стараясь найти объяснение всему происшедшему, и не нахожу этого объяснения.

15 сентября.

Спросил у старшего ассистента, светится ли *Corallus sanguineus*?

Он посмотрел на меня и, помолчав некоторое время, сухо ответил:

— Иногда... когда он получает питание, он, действительно, испускает лучи...

Я выразил восторг и воскликнул:

«Вот бы посмотреть!»

Пирсен что-то пробормотал и ушел.
16 сентября.

Решительно, схожу я с ума. Опять бродил ночью по улице против освещенных окон до тех пор, пока свет в них не погас. Я убежден, что в темноте там светилось что-то красным светом. Теперь я уверен, что этот свет испускает коралл, что он получает питание.

17 сентября.

Сегодня, по обыкновению, ходил сколо окон профессора. Подъехала к дому какая-то телега. Лица возницы узнать я не мог. Из телеги вынули ящик и внесли в дом. Я спрятался за ствол дуба, боясь быть замеченным.

18 сентября.

Сегодня произошло необычайное происшествие. Ко мне вечером постучали в дверь. Я отворил. К моему величайшему удивлению, я увидел перед собою Оскара Оксена.

Он заявил мне, что хочет со мною переговорить. Я спросил его, чем могу быть ему полезным.

Он помолчал, потом пристально посмотрел на меня и вдруг спросил:

— Скажите, пожалуйста, мистер Моор, почему вы дежурите по ночам у окон профессора Ольдена?

Вопрос застал меня врасплох; я не знал, что сказать, и пробормотал только:

— А вы... почему вы это знаете?

— Потому, что я тоже дежурю, — ответил он. — Только делаю это более осторожно, чем вы.

Я совершенно растерялся. Язык мой прилип к гортани. Оксен посмотрел на меня улыбаясь и потом добавил:

— Вы напрасно меня опасаетесь. Кажется, мы союзники. — Он так прямо смотрел на меня, что я почувствовал к нему доверие. Однако, сначала решил быть настороже.

— Может быть, вы хотите узнать, почему я дежурю у окон проф. Ольдена. Я вам скажу. Я хочу видеть во что бы то ни стало *Corallus sanguineus*. Не правда ли, какое дьявольское название... Отчего профессор назвал его так? Отчего он скрывает коралл? Я

должен это знать. Я узнаю. Я влезу в окно, в трубу, я пролезу сквозь крышу, но я его увижу!

Потом, переменив тон, он с улыбкой обратился ко мне.

— Вот видите, я раскрыл свои карты. Будьте же и вы откровенны со мной. Союз? — добавил он, протягивая руку.

Я больше не колебался.

— Союз! — ответил я, крепко пожимая его руку.

— Viribus unitis, — засмеялся он.

После этого я рассказал Оксену все, что знал про исчезновение Отто Креслинга, показал ему письма Отто. Оксен был поражен, не зная, что и сказать.

Ночью мы дежурили вместе.

20 сентября.

Мы выработали план действия. Оксен постарается пробраться к таинственному кораллу. Я останусь на улице. В случае успеха предприятия Оскар Оксен выйдет ко мне, и мы решим, что делать дальше. В случае, если его захватят, или ему будет угрожать какая-нибудь опасность, он известит меня револьверными выстрелами в окно. Как он хочет забраться в кабинет профессора, он мне не сказал.

Что-то готовит нам предстоящая ночь?

На улице никого не было. Стояла полная тишина. Бледные лунные лучи обливали все своим холодным светом.

Было около трех часов ночи.

Оскар Оксен сказал:

— Я хочу пробраться в угловую лабораторию. Я сломал у окошка задвижку, и достаточно толкнуть раму, как окошко откроется. Оттуда я думаю пробраться в кабинет профессора. Это будет нетрудно.

— Труднее, чем вы думаете, — задумчиво произнес Моор, — а кроме того, каким образом вы думаете достать до окошка боковой лаборатории? Ведь она на втором этаже.

Оскар Оксен улыбнулся.

— До окошка добраться нетрудно. Я хороший гимнаст и влезу по водосточной трубе. С кабинетом профессора обстоит дело, конечно, труднее. Вы, ве-

Дит Моор увидел черную фигуру, поднимающуюся по водосточной трубе.

роятно, никогда не имели дела со слепками с замков. Не смотрите на меня так изумленно! Мне пришлось как-то изучать слесарное мастерство. Я сумел снять слепок с двери в кабинет Ольдена и приготовить по нему ключ.

Дит Моор с удивлением посмотрел на собеседника.

— Однако... вы предусмотрительны.

Оскар Оксен засмеялся и направился к дому.

— Итак, будьте внимательны. Если услышите мои выстрелы, поднимайте тревогу.

Дит Моор посмотрел ему вслед.

Так прошло несколько минут.

Дит Моор при лунном свете увидел черную фигуру, осторожно поднимающуюся по водосточной трубе.

щуюся по водосточной трубе. Выше... выше... второй этаж... фигура остановилась, махнула на прощанье рукой и исчезла в черном окне.

Невольный вздох вырвался из груди Дита Моора. Время шло страшно медленно. В мрачном доме все было тихо. Одиноко горели два окна во втором этаже. Ни один звук не долетал до Моора. Все как-будто вымерло. Чтобы убить время Моор стал ходить взад и вперед перед домом. Прошло еще несколько минут. Какое то смутное чувство охватило Дита Моора. Он стал беспокоиться. Вдруг, он вздрогнул...

Резкий револьверный выстрел прорезал тишину ночи... еще... еще... и, кажется, какой-то крик...

Дит Моор бросился на противоположную панель.

Все смолкло. Окна попрежнему были освещены. Казалось, ничто не нарушало покоя улицы.

Дит Моор почувствовал шум в висках: может быть револьверные выстрелы ему показались... может быть, их и не было...

Он впился глазами в мрачное здание и ясно увидел, как вдруг одно из окон открылось во втором этаже и появилась фигура в чем-то белом. Она оглядела улицу... прислушалась... потом тихо окошко закрылось, и все погрузилось в прежний покой. Сомнений больше нет: с Оскаром Оксеном что-то случилось.

В фигуре, появившейся в окне, Дит Моор узнал проф. Ольдена.

Добежать до полиции было делом нескольких минут. Его испуганный и взволнованный вид убедил больше слов дежурного помощника начальника полиции, что случилось что-то необычайное.

В бессвязном рассказе объяснил Моор свои подозрения... показал письма... представил удостоверение личности... и через полтора часа дом проф. Ольдена был оцеплен полицией.

Разбудили перепуганного швейцара.. открыли двери в лабораторию... вошли... Дит Моор показывает дорогу... Кабинет профессора... Дверь открыта...

Бесшумно тонут ноги полицейских в мягком ковре...

— Сюда... потайная дверь... Дит Моор ищет гвоздь... Кажется этот... Что то дрогнуло, зачернело впереди пространство... Дит Моор бросился вперед в сопровождении полицейских... Полнейшая темнота... Какие то ступеньки... Они ведут вниз. Несколько шагов вперед... Издали слышится голос Пирсена... Поворот... тусклая лампочка... Небольшая обитая войлоком дверь... Толчок... Дверцы мягко поворачиваются вокруг оси...

От ослепительного света невольно Моор замуривает глаза.

Когда он снова открыл их, то увидел странное зрелище.

Они находились в большой высокой лаборатории. Кругом у стен стояли странные колбы, реторты...

В самом центре лаборатории стоял огромный стеклянный сосуд с голубоватой жидкостью. В жидкости, переливаясь бесконечным количеством тонов, рос рубиновый коралл проф. Ольдена. Да, Дит Моор его сразу узнал. Но то, что он видел три недели тому назад на экране, казалось жалкой пародией на то, что предстало теперь перед его взором. Это было что-то сверхъестественное... Никогда природа не была так щедра на формы и краски, как в данном случае.

От толстого, прихотливо изгибающегося пурпурового ствола отходили во все стороны сверкающие огненные красные ветви... Ветки делились... изгибались... Целая сеть более тонких веточек, прихотливо изогнутых, изящно, тихо колебалась в голубоватой массе... Ветки кончались большими расщепленными листьями... Но ни один лист, ни одна веточка не была похожа друг на друга. На странный коралл снизу и сверху падали два снопа света, исходящие из двух мощных прожекторов... Ослепительные лучи света падали на кровавое растение, преломлялись, отражались, скользили по веткам, как бы вдыхая жизнь в это странное создание человеческого гения... Эти потоки света оно, казалось, впитывало в себя и флуоресцировало пурпуровым цветом.

Это было восхитительное, потрясающее зрелище!..

Как очарованный, стоял Дит Моор, не смея оторвать глаз от сказочного растения...

Вдруг раздался протяжный стон. Удивленный Дит Моор бросил взор в сторону.

На столе, крепко привязанный к доске, лежал мальчик лет 10—12-ти. На его бледном обескровленном лице виднелось ужасное страдание... Казалось, силы покидали его. От его правой руки шла длинная эластическая трубка. Конец ее находился в сосуде с голубой жидкостью. Тонкая струйка крови поднималась к сверкающему кораллу. Тут же стоял аппарат, указывающий количество выкаченной крови.

Невольный крик сорвался с губ Моора. Как безумный, бросился он вперед к распростертому мальчику.

Одновременно с его криком раздался другой крик... крик ужаса.

С искаженным, бледным лицом смотрел профессор на вновь прибывших.

Это продолжалось одно мгновение. Профессор бросился вперед и прежде, чем полицейские успели понять его намерение, схватил со стола какой-то белый порошок и резким движением поднес ко рту...

Ужасная судорога пробежала по его телу... желтая пена показалась из раскрытого рта... он упал... из глотки вы-

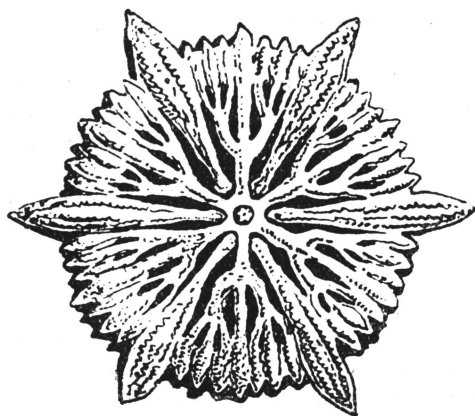
рвался хрип... пальцы посинели, скрючились... еще раз пробежала судорога... и перед присутствующими лежал труп гениального Ольдена, которому судьба помешала сделать последний шаг в область доселе неизвестного.

Пирсену удалось скрыться. Он бежал, захватив с собою формулы ужасного коралла. Оскара Оксена нашли в бессознательном состоянии. Когда он пришел в себя, он рассказал, что в кабинете на него напали Пирсен с профессором и оглушили чем-то тяжелым.

Кровавый коралл Ольдена недолго привлекал внимание публики. С каждым днем он бледнел, не получая новых порций крови.

Были сделаны попытки питать коралл кровью животных. Эти попытки не привели к желаемым результатам. Коралл увядал, бледнел и, наконец, от него осталась только в голубой влаге мутная клейкообразная жидкость.

Ученые предлагали целый ряд теорий, объясняющих свойства ужасного кристалла, и наиболее правдоподобной являлась теория физиолого-химическая, предполагавшая, что только человеческая кровь, несколько отличная по составу от крови других животных, обладает такими специфическими свойствами, которые и помогли Ольдену создать свой роковой коралл.

НА ФРАНЦУЗСКОЙ КАТОРГЕ В ГВИАНЕ.

ОТ РЕДАКЦИИ: За последнее время в печати и в общественных кругах Франции оживленно обсуждается состояние каторги в южно-американской колонии Франции—Гвиане. Во французском парламенте коммунистическая фракция предъявила правительству запрос об ужасающих условиях, в которых находятся там каторжанники и ссыльные. Несколько известных журналистов отправились в Гвиану, чтобы на месте ознакомиться с устройством и нравами каторги, и рассказали о своих впечатлениях в ряде газетных и журнальных статей. Далекая экзотическая колония, изобилующая природными богатствами, превращена французами в ад, где массами гибнут сосланные туда преступники.

Редакция находит своевременным познакомить читателей с несколькими главами только что вышедшей в Париже книги известного французского писателя Луи Мерлэ, посвященной гвианской каторге.

Эти главы—в сущности отдельные, законченные рассказы, представляющие и известную художественную ценность.

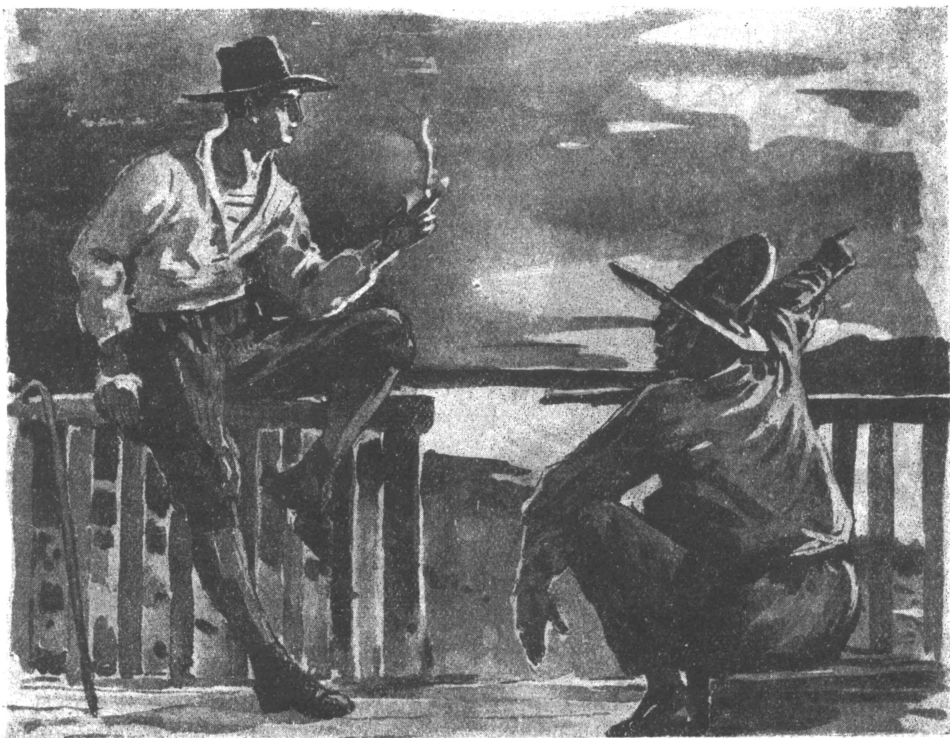
Мы вышли из лесу. Мы возвращались с прииска в верховьях реки Марони и должны были сделать остановку в Сен-Луи, побывав предварительно в Сен-Жане, городке, отведенном для ссыльных, который один английский путешественник, возмущенный всем тем, что ему пришлось увидеть на французской каторге, назвал «величайшим в мире скопищем нищих».

Мы с трудом шли по песчаной и каменной дороге, «вымощенной головами каторжанников», ибо много осужденных на каторжную работу погибло, прокладывая эту дорогу. Небольшая группа наша состояла из двух проводников, голландского переводчика и двух ссыльных, которые, отбыв наказание, остались на пожиз-

ненном поселении в Гвиане — оба они отупели от алкоголя и лихорадки.

Солнце стояло еще высоко, когда мы прибыли в Сен-Луи, где старший заведующий одним из лагерей оказал нам очень любезный прием. Вокруг деревянного дома были расположены бараки ссыльных. Они стоят на столбиках, отделяющих их от земли, по которым ночью скользят ядовитые мокрыцы. Ежедневно в 6 часов вечера бараки запираются на замок, и заключенные предоставлены самим себе...

Один из двух моих дорожных спутников, с бесцветным лицом, который произвел на меня впечатление человека скромного и предупредительного, присел около меня на корточки и стал наблюдать, как синеватый полог ночи окутывает горизонт.

Каторжник присел около меня на корточки...

Я предложил ему папиросу.

Каторжник снял свою широкую соломенную шляпу, поблагодарил меня, повернул ко мне свою бритую голову, и потухшие глаза его на мгновение вспыхнули. Он умоляюще прошептал:

— Нет ли у вас сахарной водки?

— Это запрещено!

— О! Никто этого не узнает. А затем, — вам ведь все разрешено. Мне нужно подкрепиться.

В хриплом голосе его слышалось столько отчаяния, что я взял со стола, перед верандой, стакан, наполовину наполнил алкоголем и протянул несчастному. Он сначала стал с наслаждением пить маленькими глотками, затем опрокинул все сразу и сказал:

— Вот! Спасибо! Мне уже было невмочь!

Один за другим зажигались огни на другом берегу Марони, в Альбине Белой, в голландской Гвиане.

— Там свобода! — прошептал каторжник.

Ближе к нам, посреди реки, на ма-

леньком островке зажглось несколько сгней...

— Карантинный островок, — объяснил мне каторжник. — Вы не боитесь болезни?

— Какой болезни?

— Проказы. Карантинный островок — это островок прокаженных. Мне пришлось быть там при двух врачебных осмотрах в качестве санитаря. Это ужасно! За двадцать лет каторги я опустился до такой степени, что смерть будет для меня освобождением.

Я посмотрел на ссыльного. Он покачивал низко опущенной головой. И было ли то влияние алкоголя, или потребность поделить своим горем, но он вдруг очень быстро прошептал:

— Я — бывший священник. Я осужден за убийство. Наказание не исправило меня. Каторжная школа навсегда меня погубила... Но... я слишком разоткровенничался...

Минуту продолжалось неловкое молчание, затем каторжник продолжал:

— Разве вы не знаете, что проказа распространена здесь повсюду? Там,

Полугай и прокаженный вцепились друг в друга.

на Карантинном острове, живут прокаженные, каторжники, отбывающие наказание, ссыльные и поселенцы, отделенные от всего мира, даже от других заточенных. Живут они в маленьких домиках, выстроенных по одному образцу — их можно отлично различить с этого берега. Как ужасно наказала их судьба! Какой безжалостный приговор вынесла им природа! Отверженные из отверженных, они, ослабленные беспорядочной жизнью, наследственно предрасположенные, заболели здесь, под этим жгучим солнцем, заразной и заживо разлагающей болезнью и вынуждены жить на этом проклятом острове. Врачи находят это необходимым. Воистину, прокаженные эти — несчастные люди... Проказа!

Произнося название этого страшного бича, каторжник дрожал. Он говорил далее:

— Проказа была ужасом прошлых веков и теперь она снова, вместе с оспой и чумой, возродилась в этом знойном климате, особенно среди каторжников и ссыльных, у которых здоровье сильно расшатано приобретенным в заключении малокровием и золотухой и которые и до того были предрасположены ко всяким болезням.

Здесь живешь в постоянном страхе смерти!..

— Вы видели прокаженных?

— Да, но больных особого рода сухой проказой, она только слегка обезображивает.

— Я хочу осмотреть больницы для прокаженных в Акаруани, около Маньи и в Парамарибо, в голландской Гвиане.

— Не ездите туда! Зрелище ужасающее.

— Мне интересно познакомиться с постановкой дела в этих больницах!

— Человек заживо видит, как тело его разлагается... Проказа разрушает одну за другой клеточки кожи в глубину, и кожа покрывается белыми, мокнущими болячками. Больные лишаются глаз, теряют человеческий облик, хиреют, у них постепенно исчезают пальцы на руках и на ногах... Но от проказы не умирают... Страдалцы погибают от другой болезни, обыкновенно, от туберкулеза... И так кончается жизнь, исполненная несчастья и порока, обреченная на заточение. Конец венчает дело!

Бывший священник говорил с увлечением, в его заглушенном голосе слышались нотки, которые, признаюсь, находили во мне отклик. Я снова налил ему немного водки.

— И вот, — возбужденно продолжал он, — я знал человека, который добровольно заразился проказой, чтобы спастись от каторги... Он умер два года тому назад. После восьми лет каторжных работ его вышвырнули на Карантинный остров.

Это был лихой парень, один из тех самоуверенных апашей, которые и на каторге продолжают разыгрывать из себя главаря шайки. Непокорный, постоянно протестующий, Полугай — такова была его кличка — после кровавых побоищ отсиживал в одиночной камере, три месяца пробыл в карцере за оскорбление начальства, во время стбытия наказания был дополнительно присужден к двадцати годам каторжных работ и клялся, что не останется в этой каторжной школе.

Все его попытки бегства кончались жалкой неудачей. Подыхая от голода, он сам возвращался обратно и снова

принимался за свои прежние проделки. Однажды утром он поссорился с надзирателем, который угрожал ему револьвером. Попугай взбесился, набросился на надзирателя и так измывал его, что тот потом три месяца харкал кровью. Парню прибавили еще шесть лет каторжных работ и отправили в лагерь неисправимых, где обыкновенно скоро умирают, но смерть его щадила. Однажды он попал в партию, отвозившую продукты на Карантинный остров. Когда лодка пристала к острову, Попугай вскочил и выпрыгнул на берег, несмотря на то, что выходить, в виду опасности заразы, было запрещено. Он бросился бежать по острову, сбивая с ног слабых прокаженных, отталкивая сильных. Один из них попытался остановить его и схватить, но он быстро повалил его на землю. Оба они вцепились друг в друга, как собаки, а прокаженные собрались вокруг них и потешались этим неожиданным зрелищем. Можете себе представить эту отвратительную картину, жутко рассказывать о ней!

Двум надзирателям удалось, наконец, схватить Попугая, у которого противник его, свалившийся замертво, едва не откусил зубами нос. Попугая отвезли в Сен-Лорен на Марони, и там он заболел.

Несколько месяцев спустя спина его покрылась характерными пятнами, и глаза распухли. Врач не решался сообщить ему, что он заболел проказой, но Попугай сказал ему:

— У меня проказа, я знаю, но я сделал это нарочно. Я хотел бы скрыть мои язвы и заразить проказой всю каторгу. Какое это было бы облегчение для вас!

— Это был настоящий дьявол! Такой истории не выдумаешь. Долгие месяцы вся каторга боялась заразиться проказой. Затем о Попугае забыли.

Его перевезли на Карантинный остров. При отъезде из Сен-Лорена он кричал:

— Говорил я вам, что не останусь у вас, ослы вы этакие!

От людей, заслуживающих доверия, и от мясника, снабжающего провизией несчастных обреченных, я узнал, что Попугай попрежнему остался таким же неукротимым и гордился своим безобразием. Вид его был ужасен, так как у него был особый род проказы, называемой «львиной головой». Вся кожа на лице, вместе с бородой и усами, растягивается и превращается в пузыри, наполненные гноем и кровью. Зрелище кошмарное! Глаза выходят из орбит и слезятся. Больной слепнет и испытывает страшные мучения. Стричь волосы опасно для парикмахера, и они превращаются в гриву. И у больного, действительно, получается как бы львиная голова, каррикатурная и искаженная.

Попугай впал в бессознательное состояние, и конец его был ужасен. Его принуждены были запереть в конуру. Товарищи по несчастью бросали ему пищу, как собаке. Съедаемый проказой, Попугай в течение трех дней кричал, умоляя о смерти. Однажды утром его нашли мертвым: он задохся, уткнувшись лицом в песок!

Бывший священник замолчал. Он с трудом переводил дыхание... Ночь была великолепная; против нас, на другом берегу, Альбина готовилась консу... Огни на Карантинном острове казались едва мерцающими лампадами... Каторжник тихо прошептал:

— Ах, что за судьба!.. Там, против меня—прокаженные, ад... здесь—позор, горе, забвение... Наверху — это чудное небо... Небо...

Послышался ружейный выстрел.

— Не волнуйтесь, это, вероятно, охотятся за каким-нибудь беглецом... — прибавил он спокойно.

КОЛОКОЛЬНЫЙ СИГНАЛ ДЛЯ АКУЛ

Я бежал, преследуемый роем больно жалящих мух (ужасные тропические осы) и, перейдя через грязный ручей, где трепыхались огромные черные крабы, укрылся, здоровый и невредимый, в бывшем каторжном лагере Куру, расформированном по капризу ретивого медицинского инспектора.

Куру находится в двадцати двух километрах от Кайенны, при устье реки, против островов Спасения. У меня назначено было там свидание с моими товарищами по путешествию.

После такой быстрой ходьбы удушливое утро казалось мне еще более тяжким.

Администрация оставила в лагере пять или шесть военных смотрителей и человек тридцать старых каторжников, занятых перевозкой в Сен-Лоренца Марони годного еще инвентаря. Напрасный труд! Без всякого основания разрушали то, что было создано пятнадцатилетней работой. Так обстоят дела во французской Гвиане, где девственный лес мало по малу властно отвоевывает у человека то, что создано его гением.

Отдохнув и освежившись чудесным замороженным пуншем, я пошел бродить один по пустынному лагерю.

В самом конце лагеря на скале, возвышающейся над морем, я встретил человека, высохшего в колониальном климате, с темно-красным, истасканным лицом, с потухшими глазами. Он приподнял свою широкую соломенную шляпу. И, хотя это не полагалось, я протянул ему папиросы, он быстро схватил их и спрятал в шляпу... Я облокотился на нечто вроде парашюта и осмотрелся. Подо мною небольшой пляж был усеян обломками и всевозможными предметами: консервными коробками, кусками дерева,

кирпичами, сломанными зонтами и бочками с вышибленным дном.

Морские волны набежали и убежали.

Вдруг нахлынула высокая волна и выбросила трех огромных акул; как собаки, набросились они на валявшиеся на земле предметы, затем нырнули в воду, и волна унесла их обратно. Акулы не нашли себе пищи.

Тогда каторжник, запинаясь, обратился ко мне:

— Стража здесь не нужна! Куда нам бежать? Вглубь страны? Негры схотят за нами и выдадут нас, чтобы голучить премию. Бежать морем?.. Там нас стерегут акулы!..

— Давно вы здесь?

— Двадцать пять лет!..

— Вам не уменьшили срок наказания?

— Нет! У меня было несколько столкновений со стражей, а затем я пытался убежать с компанией приятелей. Пришлось вернуться в лагерь, замучили голод и лихорадка... Все это мне зачли... Но теперь бояться нечего. Я уже инвалид! Мне пятьдесят восемь лет, и я жду только билета для последней поездки.

* * *

Над нашими головами ослепительное небо. Вокруг нас тень огромного бавольника (тропическое дерево), ветви которого раскинулись, подобно громадному зонту. Несмотря на черные очки, мне слепило глаза, но я не мог оторваться от чудного зрелища темно-синего океана и островов Спасения — они казались совсем близко и покрытые высокой зеленой листвой кокосовых пальм, склонявшихся под ветром, походили на прекрасные сады. Каторжник следил за моими взглядами и понимал мое восхищенное молчание.

В горячем воздухе снова прозвучал его хриплый голос:

— Вы находите, что это красиво, не правда ли? Действительно, похоже на места, куда приезжают отдохнуть и развлечься. Стоит побывать там, чтобы поскорее вернуться обратно, — это выражение вполне уместно.

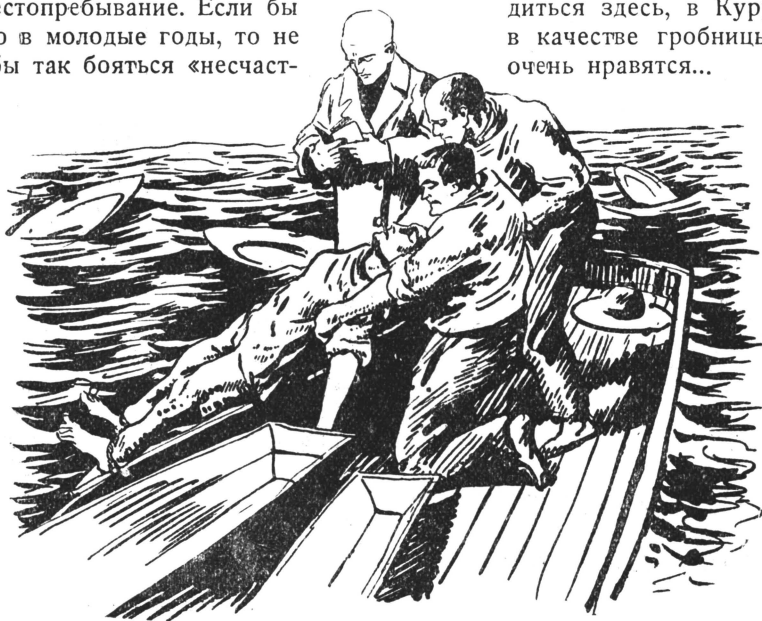
— Вы бывали там?

— Был некоторое время. У меня произошла схватка с зрителем-арабом. Он меня ненавидел и преследовал, я едва не убил его, и меня отправили туда в качестве чернорабочего к узникам. Сначала меня заточили на Королевский остров. Да, это настоящий рай! С вершины плоскогорья видны, между казармами и госпиталем, длинные бараки Главного штаба войск, военных смотрителей, и все это обнесено толстой стеной, которая отделяет этот особый мирок от **ссылных**. Госпиталь — место отдыха в этом аду! Право, я не шучу, а деревянная часовня украшена замечательными скульптурными изображениями и картинами работы несчастных заключенных художников, которым удалось познать в палате № 5 всю прелесть гостеприимства, не стесненного никакими правилами, что так нравилось Моблеру, бывшему начальнику каторги. Да, это было приятное местопребывание. Если бы знать это в молодые годы, то не стоило бы так бояться «несчаст-

ного случая» или кровавых развязок! Но двадцать лет тому назад я присутствовал там на похоронах... Теперь уже не то! А в мое время мы называли церковный колокол ресторанным звонком, так как он созывал на пиршество...

— На какое пиршество?

— Созывал на обед акул. О, это очень просто. С людьми, которые подымают здесь, не считаются. Вы думаете, для них вырывали могилу? Нет. Острова эти, как пароходы, окружены открытым океаном. Мне пришлось присутствовать на многих таких погребениях. Клали мертвого каторжника в гроб или в мешок, и лодка отвозила этот груз на сто метров от острова. Мы вынимали труп из ящика или из ткани, и один из нас привязывал к ногам мертвеца тяжелый камень. В эту минуту священник давал знак начинать звон по усопшем. Раскачивали труп над лодкой и — счастливого пути!.. И тогда, — это говорю не только я, это вам подтвердят другие, — мы видели, как на звон колоколов к лодке подплывали и высывались из воды акулы. Кушанье для них было подано! Пир начинался, несколько кругов, несколько движений, и вся стая удирала, разрывая труп на части... Вот, как было дело!.. В сущности, я предпочитаю находиться здесь, в Куру. Акулы в качестве гробницы мне не очень нравятся...

ТАЙНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ.

II

МАШИНА СНОВИДЕНИЙ.

РАССКАЗ К. Фезандие. С англ. пер. Л. Савельева.

От автора.

Многие думают, что наши сны предостерегают нас о будущих событиях или предсказывают их. Ничего подобного. Сны — не что иное, как смешение представлений, полученных нами во время бодрствования, причем, до известной степени, они видоизменяются вследствие ощущений, испытываемых во время сна. Однако это не должно было бы препятствовать нам заказывать себе сны, как мы заказываем обеды. Может быть, в будущем веке, или еще скорее, нам всем станут необходимы машины сновидений вроде той, которая описывается в этом рассказе, и тогда ночные кошмары навсегда исчезнут с лица земли.

Глава I.

— Доктор, чем вызываются сны? — спросил однажды Сайлес Рохетт, быстро входя в лабораторию доктора.

Доктор Хэкенсоу оторвался от своей работы и с улыбкой взглянул на него.

— Сны — сказал он, — не что иное, как случайное соединение представле-

ний, уже запечатленных в нашем уме. Всякое происшествие, которое днем произвело на нас сильное впечатление, способно оказать влияние на наши сны.

— А разве то, что мы видим во сне, не исполняется иногда в действительности?

— Конечно, очень часто. Но во всех таких случаях это простое совпадение. Очень много моих собственных **снов** исполнилось в действительности, и как раз случаи эти были весьма **замечательны**. Во время мировой войны многим матерям, должно быть, **снилось**, что сыновья их убиты в бою, и, увы, во многих случаях пророчество это исполнялось. Такие случаи, конечно, происходят с математической точностью. А что касается других, бо-

Доктор погружал Сайлеса в сон...

лее невероятных совпадений, то вспомните слова некоего великого философа, кажется Аристотеля: «Одна из вероятностей заключается в том, что в будущем произойдет много невероятного».

— Но раз мы говорим о снах, то не заинтересуетесь ли вы, может быть, моим последним изобретением — машиной сновидений?

— Машина сновидений? Это что такое?

— Это машина, которая вызывает сновидения и дает вам возможность заказывать любые сны совершенно так же, как вы заказываете себе обед.

— Как, каким чудом может она это делать?

— Дело в том, Сайлес, что, как я вам уже говорил, сны наши вызываются дзума причинами. Во-первых, смещением представлений, уже запечатленных в нашем уме. Во-вторых, физическими ощущениями, воздействующими на нас во время сна. В течение ряда лет я выработал себе привычку немедленно по пробуждении записывать свои сны, и я был изумлен открытием, как часто сон вызван чем-нибудь виденным или прочитанным накануне, а часто также какой-нибудь картиной, на которую я смотрел. Я нашел, что тоже самое верно и по отношению к физическим ощущениям. Если вам снится, что вы мерзнете, то вы, вероятно, проснетесь и увидите, что одеяло ваше упало на пол или почувствуете, что в комнате дует откуда-нибудь. Если вам снится, что вы летаете по воздуху, то можете уверенно объяснить это обильным обедом, ибо любопытно, что полный желудок вызывает во сне чувство легкости, — это точно установлено. Иногда можно найти разумное объяснение для самых нелепых снов, если проанализировать их. Так например, однажды ночью мне снилось, что я осушил большое озеро, снимая один слой воды за другим. А проснувшись, я вспомнил, что накануне я пересчитал несколько сот листов тонкой бумаги, и во сне это изменилось таким образом, что вместо листов бумаги, я

стал снимать один слой воды за другим. Я мог бы без конца продолжать, перечисляя мои сны, но что пользы в том? Моя машина сновидений находится в соседней комнате, и я продемонстрирую ее вам на практике; это ценнее самого подробного описания.

Действительно, очень странное сооружение представляла собою машина сновидений.

Вообразите кровать, со всех сторон снабженную всевозможными трубами, прутьями, кранами и электрическими проводами, с циферблатами различного размера, в качестве измерителей. У изголовья кровати стоял небольшой фонограф. Весь аппарат был заключен в большой непроницаемый для воздуха шар, что давало возможность оператору сгущать или разряжать воздух, увеличивать его влажность и подвергать его всяким другим изменениям.

— Вы видите,—объяснил доктор,— что моя машина должна состоять из двух частей,—одной, вызывающей представления, и другой, вызывающей ощущения, соответственно тому, как сны наши основаны на представлениях и ощущениях.

Первую часть составляет обыкновенный фонограф. Так как я пришел к выводу, что лучше всего внушить субъекту желательные представления до того, как он заснет, то фонограф с соответственной записью начинает действовать до того, как субъект теряет сознание. Я заготовил ряд записей на разные вкусы. Молодая девушка, конечно, захочет увидеть во сне свою свадьбу и медовый месяц; юноша с пылким воображением пожелает во сне приключений, путешествий по джунглям, аэропланов и войны. спасения прекрасных девушек от рук мрачных злодеев. Действительно, каждый человек может по заказу увидеть тот или другой сон, так как специальные фонографические записи можно сделать с очень небольшими затратами, фонографические записи состоят, обыкновенно, только из нескольких слов, повторяющихся с некоторыми промежутками, чтобы дать мысли желательное направление.

Ощущения.

— Я не вижу зачем вам нужна вторая часть машины, — сказал Сайлес. — Слова сами по себе должны и могут внушать по желанию то или иное представление.

— Верно, но вторая часть тоже бывает иногда полезна. Например, здесь есть кран, из которого можно выпускать духи разных запахов. Другим краном можно обвеять пациента ватерком. Остальные дают ощущения жары или холода. Если я хочу, чтобы субъекту снился пир, то я только нажимаю клавишу, и капля благовонной жидкости попадает к нему в рот. Резиновые пальцы расположены таким образом, что могут касаться рук или ног спящего человека различными способами, в зависимости от того, желаете ли вы, чтобы он бежал, гулял, карабкался, схватывал предмет, стрелял из ружья, и т. д. Чтобы правильно распределить отдельные части сновидений, я употребляю нечто вроде автоматического пианино. Пластинки автомата имеют отверстия, через которые соответственные клавиши нажимаются в желательном порядке, и таким образом автоматически вызывают представления, которые по вашему желанию должны следовать одно за другим.

— Но ваша машина, должно быть, дорого стоит? — заметил Сайлес.

— Да. Ценность ее заключается в фонографе, в автоматическом пианино, в кровати с ее различными принадлежностями. Но всякий, у кого есть фонограф, может купить записи сновидений, чтобы употреблять их дома для обыкновенных снов. Если же кто-нибудь захочет чего-нибудь особенного, то он должен отправиться в один из моих отелей сновидений, где кровати снабжены моими машинами. А теперь, Сайлес, так как вы видели мою машину, я хочу, чтобы вы испробовали ее действие на себе. Что желали бы вы увидеть во сне?

— Доктор, — ответил Сайлес, — однажды вы перенесли меня в будущее, на сто лет вперед, в 2025 год. Теперь я хочу, чтобы вы перенесли меня в

прошлое, назад, в 1776 год. Кажется, мне удалось бы показать пару диковинок нашим степенным предкам. Георг Вашингтон и Вениамин Франклин преклонились бы перед моими высокими познаниями. А что касается патентов и доходов от них, то я присвоил бы себе все удивительные изобретения, сделанные в последние сто сорок лет, от паровой машины до аэроплана. Да, я мог бы в короткое время стать архимиллионером и занять самое выдающееся положение.

Доктор добродушно рассмеялся.

— Отлично, Сайлес, — сказал он, — я перенесу вас назад, в 1776 год, но я по тяжелому личному опыту знаю, что жизнь изобретателя, пытающегося продать свое изобретение, отнюдь не усеяна розами. В самом деле, я держу с вами пари на тысячу долларов против одного, что вам не удастся добиться признания даже одного из наших современных усовершенствований.

— Я поймаю вас, доктор, я выиграю, — весело закричал Сайлес, сам вытянувшись на кровати и попробовав успокоиться, чтобы заснуть, пока доктор Хэкенсоу подготавливал подходящую фотографическую запись.

Когда пластинка была вставлена в машину, и Сайлес стал погружаться в сон, до сознания его дошли следующие слова, которые медленно нашептывали ему на ухо:

— «1776». — «Вениамин Франклин» — «Паровая машина» — «Железная дорога» — «Телефон» — «Электрический свет» — «Автомобиль». — «Аэроплан».

Глава II.

— Как ты чувствуешь себя теперь, друг мой?

Сайлес приподнялся и увидел, что он лежит на земле, а миловидная девушка в традиционном костюме квакерши смачивает ему виски водой из гучья, протекающего поблизости.

— Где я? — воскликнул он, усаживаясь и удивленно озираясь на окружающую его картину сельской природы.

— Ты здесь в городе Филадельфии, — успокаивая его, ответила девушка.

— В Филадельфии! — удивленно повторил Сайлес. — Ну, а где же дома? Здесь не видно ни одного строения!

Тут мозг его прояснился, и он спросил:

— Скажите, пожалуйста, какой год у нас теперь?

— Теперь 1776 год. Только что собрался Континентальный Конгресс и провозгласил Декларацию Независимости.

— А! — воскликнул Сайлес и вскочил. — Нечего мне напрасно терять время. Я должен немедленно отправиться в Вашингтон и поговорить с членами Конгресса.

И он стал рыться в своих карманах, затем лицо его вытянулось.

— Ни одного цента! — воскликнул он. — Не знаю, что мне делать.

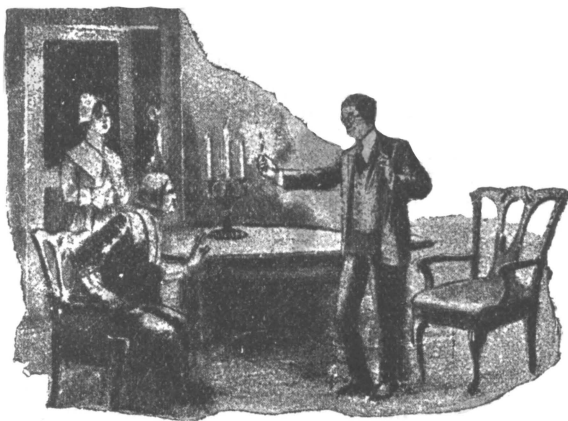
Он забыл, что если бы даже у него были деньги, **они** не имели бы ни какой цены. **Латей** монетой были фунты, шиллинги и **пенсы**, если не расплачивались табаком или какими-нибудь другими товарами.

— Заседания Конгресса происходят здесь, — ответила девушка, — но генерала Вашингтона нет в Филадельфии в настоящее время. Если же ты хочешь пойти со мной, я уверена, что мой отец с радостью примет тебя, как гостя.

Сайлес довольно робко последовал за молодой девушкой. Вот идет он, замышляя произвести переворот в жизни людей 1776 года; и однако со всеми своими познаниями он не в состоянии раздобыть себе пищи, а зависит от **чужой** помощи.

Все-таки, скоро он будет широко вознагражден за все.

Вопрос заключался в том, за что бы ему взяться прежде всего. Сделать автомобиль? Нет, это очень сложно, и не легко получить нужный материал в условиях старинной цивилизации. А посмотрев на грязь и выбоины на дороге и подумав, что это и есть Филадельфия,

— Ваша спичка так пахнет и выглядит, как будто это изобретение дьявола...

дильфия, он сразу сообразил, что если бы даже у него и был автомобиль, то он был бы совершенно бесполезен. Нельзя ездить на автомобиле по грязи глубиною в целый фут. Несомненно, аэроплан предпочтительнее. Его легче построить и с ним нет дела до дорог. Самое важное было найти нефть, чтобы привести аэроплан в движение, но он знал, что в Пенсильвании изобилие нефти, нужно было только извлечь ее **из** под земли. Но чтобы добыть ее, ему **нужен** капитал.

Итак, прежде всего ему необходимо достать деньги. Конечно, ему с его головой, наполненной бесчисленными изобретениями девятнадцатого века, не трудно будет сделаться богачем. Многие простые изобретения создали состояние своим авторам. Но распросив Руфь и ее отца, он понял, что задача его далеко не легкая. Главным занятием здесь была торговля мехами, торговля лесом — т. е. отправка мачтового и иного леса за границу (эта торговля, конечно, теперь **была** прервана войной) — а также разведение табака. Какую пользу могли принести ему тут познания, которыми он так гордился? А если бы даже он приобрел состояние, то оно заключалось бы, главным образом, в кипах табака и в тюках мехов. Такого оборотного капитала, с которым можно было бы начать дело в двадцатом столетии, он не мог бы получить.

Только две **практических** мысли пришли в голову Сайлесу. Сначала он подумал о пистонах, о том, чтобы заменить **магазинными**, заряжающимися с **казенной** части ружьями старые **кремневые**, заряжавшиеся с дула, дававшие во многих случаях осечку, и оставлявшие своего владельца в беспомощном положении после каждого выстрела, пока не забивался новый заряд.

Вторая мысль его заключалась в том, чтобы выделять спички, и это он решил сделать немедленно, так как при его ограниченных средствах такая выработка казалась ему самой доступной.

Первое изобретение.

Итак, после обеда из дичи и маисовой лепешки в доме его квакерши, имя которой, между прочим, как он узнал, было Руфь Фрэнд, Сайлес обошел весь город в поисках магазина, где можно было бы достать химические продукты; с большим трудом ему удалось раздобыть немного серы и фосфору и других химических препаратов, которые он считал наиболее нужными, причем в залог за них он оставил свои часы. После этого он принялся за выделку спичек. Дело шло не особенно успешно. Но в конце концов он смастерил дюжину больших, грубо сделанных спичек, которые могли сойти в качестве образцов. Торжествующее продемонстрировал он их перед отцом Руфи.

— Какого вы мнения об этом, мистер Фрэнд? — спросил он, когда, после нескольких попыток, ему удалось зажечь одну из спичек, и показался сгонь.

— Друг мой, Сайлес, — ответил квакер, — эта штука так пахнет и выглядит, как будто это изобретение дьявола. Кроме того, какая польза от нее?

— Какая польза? — повторил Сайлес. — Она заменит ваши старые кремни и огниво.

— В самом деле? Ну, друг мой, я же продам мой верный кремль и огниво за несколько тысяч таких спичек, как ты их называешь. Я могу го-

раздо скорее зажечь огонь моим кремнем и огнивом, чем ты своими спичками. И это мне ничего не стоит и не требует труда; а чтобы сделать такие спички, как твои, нужно иметь химические продукты и потрудиться над ними. Они совершенно бесполезны!

И та же участь постигла все другие изобретения, которыми Сайлес собирался удивить простодушных жителей Филадельфии. По вечерам вокруг него собирался большой круг слушателей, которым его рассказы казались волшебными сказками, но когда он уверял, что говорит серьезно, слушатели его качали головами и думали, что он не в своем уме.

— Представьте себе только, — говорил один. — Он уверяет, будто как-нибудь покажет нам, что можно закрепить человеческое изображение на куске стекла, и изображение не только останется на нем навсегда, но может быть несколько раз отпечатано на бумаге. Он называет это «фотографией».

— Мне он рассказывает еще более необыкновенную вещь, чем это, — добавил другой. — Он уверяет, что как-нибудь возьмет восковую пластинку, предложит нам говорить и петь около нее, и восковая пластинка запомнит каждое слово и повторит безошибочно речи и песни, и притом много раз, и даже через несколько недель, если мы пожелаем. И он говорил, что этот «фонограф» — так он называл это — точно передаст даже интонации каждого человеческого голоса. Во истину, парень, должно быть, сошел с ума.

— А мне, — сказал третий, — он говорил, что знает, как сделать машину, при помощи которой он будет в состоянии проникнуть взором внутрь человеческого тела. Он говорил, что станет возможным видеть пулю, даже засевшую в человеческой груди.

— Это еще ничего! — прервал четвертый. — Мне он рассказывал, что старается достать капитал, достаточный для постройки каких-то почтовых карет и лодок, которые будут двигаться паром. Он говорил, что паром он может привести дюжину тяжело нагруженных повозок в движение со-

скоростью шестидесяти миль в час, и даже еще скорее! Что за нелепая мечта? Но этого ему мало, он говорил, что знает, как построить летающую машину, которая будет делать по двести миль в час! Ни одна птица не может летать так быстро, и вполне понятно, что если даже когда-нибудь изобретут летающую машину, то она будет такой тяжеловесной и неуклюжей, что не сможет летать даже так быстро, как птицы, наиболее медленно летающие.

Разговор об электричестве.

— Затем, вам следует также послушать, что он говорит об электричестве. У Вениамина Франклина большие познания по электричеству, но послушали бы вы, что говорит этот молодец. По его словам, он может добыть электричество посредством напора воды, и оно будет совершать за нас всю нашу работу. Он, должно быть, забыл, как только что говорил, что это будет делать пар. По его словам, электричество будет двигать наши почтовые кареты, заставит работать наши машины, вспашет наши поля, подметет полы в наших домах, и даже даст нам более яркий свет, чем дают наши лучшие восковые свечи. Что вы думаете по этому поводу?

— Мне он рассказал еще кое-что, — громогласно заявил случайно оказавшийся тут же химик — очевидно, самый образованный человек среди них. — Он просит меня дать ему в долг некоторые химические продукты и рассказал, что знает, как построить аппарат, который даст ему возможность говорить отсюда, из Филадельфии, с каким-нибудь человеком, находящимся в Англии. Но я его ловко изобличил. Мне случайно известно, что звук проходит только 1.080 футов в секунду, а так как расстояние до Англии равняется трем тысячам миль, то произнесенные здесь слова достигнут Англии более, чем через три часа, и три часа нужно на обратный путь — шесть часов для того, чтобы получить ответ на вопрос. Он такой невежда, что ду-

мает, будто ответ можно получить сразу *).

И беседа продолжалась в том же духе. Некоторые думали, что Сайлес, вероятно, продался дьяволу, а более передовые склонялись к тому мнению, что он человек ненормальный.

У Франклина.

Все попытки Сайлеса получить финансовую поддержку для осуществления его проектов потерпели неудачу, и он увидел, что первую сумму денег ему удастся получить, если он сделает и продаст какое-нибудь простое изобретение. Ему пришла в голову мысль об игрушке — резиновом ручном мяче, изобретатель которого, говорят, стал миллионером; но у Сайлеса не было резины, а у детей 1776 года не было денег на игрушки. Тогда он вспомнил о безопасных булавках и об изогнутых головных шпильках. С большим трудом достал он твердую проволоку и сделал несколько булавок и шпилек. Но проволока оказалась слишком мягкой, а дамы слишком отсталыми, чтобы употреблять эти новинки, даже когда им давали их даром.

Единственная надежда у него оставалась теперь на свидание с Вениамином Франклином. Этот великий философ и государственный деятель был в то же время ученый и человек передовых идей. Франклин находился тогда в Филадельфии и радушно принял Сайлеса. Так как Сайлесу удалось с некоторым количеством меди, цинка и серной кислоты сделать простую гальваническую батарею и притом за двадцать четыре года до того, как Вольта изобрел свой знаменитый Вольтов столб, предшественник современных гальванических батарей, то Франклин обрадовался открытию, доказывающему существование электрического «тока». До того электричество

*) Прим. автора: Может быть, уместно и полезно сообщить моим более юным читателям, что в телефоне путь проходит не звук, а электрический ток. Поэтому речь может передаваться на тысячи миль в одну долю секунды.

— Ваш телеграф — научная игрушка, не более, — сказал Франклин.

было только статическим и получалось при помощи электрической машины. Бскоре с этой батареей и с куском проволоки Сайлес продемонстрировал великому философу устройство простого телеграфа с точками и черточками.

Франклин признал осуществимость изобретения, но отнесся к нему только как к научной игрушке.

— Придумано это, — сказал он, — в высшей степени остроумно, но не будет иметь никакого практического значения. На что нужен этот «телеграф», как вы его называете. Если новости хороши, то мы их получим, а если плохи, то тоже довольно скоро услышим о них!

Сайлес попытался объяснить, какое преимущество получат колонисты, если телеграф будет передавать им заблаговременно известия о передвижении британских войск.

— Но, — возразил Франклин, — что помешает неприятелю перерезать проволоки? Кроме того, подумайте о расходах! И англичане сами скоро начнут применять это изобретение.

Тогда Сайлес сделал попытку объяс-

нить устройство «беспроволочного телеграфа», но тут Франклин не мог усвоить его объяснений. Сайлес попробовал уцепиться за другое и изложил принцип динамо-машины. Он изолировал проволоки, обмакнув их в воск и согнув их в виде простых электро-магнитов, и показал, как превратить механическую силу в электрическую. Эта идея тоже понравилась Франклину, хотя он не придал изобретению никакого практического значения.

— Подумать только, какая затрата энергии понадобится для подобной машины, — сказал он. — Вот вы затратили энергию одного человека, чтобы получить очень слабый ток. Вы говорите, что мы можем воспользоваться нашими водяными колесами для получения электричества; но это было бы слишком разорительно. Почему водяным колесам не производить работу непосредственно, самим, как они это делают теперь на наших мельницах, перемалывая нам муку и распиливая бревна?

— Да, — согласился Сайлес, — но посредством электричества вы можете имеющуюся у вас энергию передать куда-угодно, даже внутрь ваших домов, и заставить ее пряхсть для вас лен, ткать платье или подметать полы!

Лицо Франклина приняло суровое выражение.

— Что касается домашней работы, — сказал он, — то мы не хотим ничего такого, что разовьет в наших женщинах лень и беспомощность. Работа всякому полезна; а пряхсть и ткать — это удел женщин.

Скептицизм философа.

Тогда Сайлес постарался доказать преимущества электрического света. Он объяснил, как, соединив вместе несколько гальванических батарей, можно докрасна накаливать проволоку и, таким образом, создать то, что может заменить свечи. Но великий философ восемнадцатого века не выказал никакого восторга.

— Конечно, электричество дает свет, — сказал он. — Мы все это зна-

Разказы Сайлеса казались колониатам волшебными казками.

ем, так как молния ничто иное, как электричество. Не буду говорить о том, насколько опасно пользоваться вспышкой молнии для освещения наших домов вместо свечей, Предположим, что это можно будет устроить совершенно безопасно, и что свет будет ярче света свечей и будет обходиться дешевле. Но даже в таком случае я буду против этого новшества. Дневной свет лучше всякого искусственного света, и человек, который рано встает и хорошенько поработает за день, охотно ложится спать с наступлением сумерок. Искусственный свет нужен гулякам, которые лежат в постели до полудня, а затем превращают ночь в день, зажигая десятки свечей в люстрах!

Сайлес вернулся домой совершенно обескураженный, но посещение Франклина принесло ему пользу. Франклин познакомил его с несколькими лицами, занимавшими выдающееся положение, и Сайлес, наконец, нашел способ зарабатывать деньги, давая уроки танцев некоторым дамам и джентльменам из хороших семей.

Бедный Сайлес! После всех его грёз о королевском величии быть вынужденным давать уроки менуэта! Теперь он был одет так, как одевались колонисты, и Франклин ссудил ему достаточную сумму для покупки необходимых париков и т. д.

— Если бы только у меня была хорошая, бойкая газета, — думал Сайлес, — наделал бы я шуму! Я мог бы показать здешним жителям, что такое объявления, реклама, и расшевелил бы их.

В юности Сайлес усвоил несколько фокусов и решил для увеличения своих заработков дать ряд представлений. Итак, на первые деньги, заработанные им в качестве учителя танцев, он подготовил несколько простых фокусов и трюков и заручился помощью компаньона для опыта ясновидения по способу Роберта Худина. Он снял залу и оповестил о представлении печатными объявлениями, развешанными на главных и проселочных дорогах.

Народу в зале собралось много, и сбор, хотя и не чрезмерный, был вполне достаточный. Представление, несмотря на то, что было очень посредственное, имело замечательный успех! — правду говоря, слишком большой успех. Аудитория была убеждена, что он продан дьяволу. Иначе каким образом мог бы он показать явления черной магии, читать то, что написано и запечатано в конвертах, или вызывать появление светящихся рук в темноте? На третьем представлении зала была битком набита, а снаружи доносились крики толпы. В самом разгаре спектакля толпа, по данному сигналу, ворвалась на подмостки, схватила Сайлеса, потащила к ближайшему пруду, где купали лошадей, и несколько раз окунула его туда. Тщетно призывал он на помощь и старался вырваться из рук схвативших его людей. Он с трудом дышал и думал, что пришел его последний час. как вдруг глаза его открылись, он проснулся и увидел, что доктор Хэкенсоу стоит, тревожно склонившись над ним.

.....

— У вас, кажется, был кошмар, Сайлес, — заметил доктор, — поэтому я решил лучше разбудить вас. Я предполагаю, что у вас были неприятности. Вы, должно быть, создали себе много завистников, когда стали самым выдающимся человеком в колониях?

Сайлес Рокетт закусил губу.

— Я кое-что постиг, доктор, — сказал он. Особенно постиг я, что не легка участь изобретателя, и что затруднения у него только начинаются после того, как изобретение его окончено и усовершенствовано. Я обладал тысячами ценных изобретений, какие ни один человек до того не имел в своем распоряжении, и все-таки мне не удалось добиться признания хотя бы одного, даже самого незначительного, изобретения. И он стал рассказывать о своих испытаниях.

— Я вам сочувствую, Сайлес, — сказал доктор Хэкенсоу. — Но не воображайте, что в наши дни изобретатель может много легче продать ценное усовершенствование. Если он предо-

ставляет другому эксплуатировать свое изобретение, то он практически ничего за это не получит; а между тем у него редко бывает достаточно капитала, чтобы самому выпустить на рынок свое изобретение; а если бы даже он это сделал, то его недостаточная опытность в делах может привести к тому, что он потеряет имевшиеся у него небольшие средства. Тогда явится другой человек и воспользуется его неудачей.

— Отлично, доктор, вы выиграли пари, — сказал Сайлес, — и я должен вам один доллар.

— Наоборот, Сайлес, это вы выиграли пари, и вот вам ваша тысяча долларов. Разве вы не рассказали мне, что научили нескольких дам танцевать фокс-трот? И что вы немного вскружили им голову нашей последней модной музыкой, джазбанд? Если бы вы остались там немного дольше, вы могли бы превратить степенных бывлых колониальных дам в восточных босоножек, или заставили бы их танцевать шимми!

Толпа схватила Сайлеса и несколько раз окунула его в пруд.

Фантастический рассказ А. Ульяновского.

Иллюстрации М. Мизернюка.

1.

Окрестности Клифтона на ирландском побережье пустыньны и ничем не замечательны. Отлогие, покрытые камнями, холмы, понижающиеся в направлении к океану, необозримые песчаные дюны, носящие следы мощных приливов, бесконечные пустые пространства.

В первой четверти двадцатого века Клифтон был ареной многих кровавых эпизодов из эпохи борьбы за освобождение, но от этого времени не осталось никаких следов и самые имена героев были известны потомкам только из книг.

Позднее, в сороковых годах, однообразие местности было нарушено благодаря постройке огромных плотин и сооружений, перерабатывающих силу приливов. Сооружение станции потребовало многих сотен тысяч рабочих рук, и одно время местность около Клифтона выглядела очень оживленной. Но от этого времени остались лишь немногие следы — пробитый снарядами остов здания машин и башнеобразные, уходящие в туман, энергоприемники.

Занесенные песком ржавые рельсы и остатки бетонных шпал, выступавшие в некоторых местах из земли, да-

вали понятие о существовавших когда-то улицах большого временного города, от которого не сохранилось ни домов, ни людей. Рабочие руки потребовались в другое место, и люди потянулись прочь из пустеющих барачков, а начавшаяся затем эпоха гражданских войн, голода и эпидемий, тяжелое время, когда никому не было дела до прорываемых океаном плотин, окончательно обезлюдило и опустошило страну. Станции не работали, холод и тьма снова царили в людских жилищах, люди вернулись к масляным лампам и дымным печкам, и в эти несколько зим деревянный город, ставший миллионом людей, исчез до основания.

В 1987 году, к которому относится описываемая нами история, город Клифтон представлял собой скопище усталых, измученных неурядицами людей, плохо знавших, что происходит в остальной вселенной и мало интересовавшихся этим. Станция воздушной линии Нью-Йорк — Магада в годы войны была перенесена из Клифтона в другое место. Надземная линия Клифтон — Дублин прерывалась во многих местах и обрывалась в двух десятках верст от Дублина. Чтобы попасть на Кардиффскую линию, требовалось совершить кружной путь вокруг Дуб-

лина пешком. Самого Дублина не существовало вовсе. Он исчез под действием брошенной с аэроплана двухфунтовой перманентной бомбы, изобретенной Норденом и имевшей то главное отличие от употреблявшихся прежде бомб, взрывавшихся мгновенно и один только раз, что ее взрыв продолжался в течение неопределенного времени, иногда нескольких лет. Взорвавшись однажды и выделив огромное количество ядовитой воды, она как бы заряжалась снова и взрывалась еще и еще раз, тысячи, миллиарды раз с минутными промежутками между двумя взрывами. Разрушительное действие дублинской бомбы уже кончилось, но озеро зеленой дымящейся испарениями воды стояло теперь на месте цветущего когда-то города и только верхушки некоторых уцелевших зданий указывали, что когда-то здесь был город.

Люди в Клифтоне думали о пропитании. Грузы припасов по инерции продолжали прибывать из Америки, но все с большими промежутками, после того как выяснилось, что клифтонцам нечем платить за них и припасы захватывались и распределялись между жителями бесплатно. А еще позже была учреждена воздушная заградительная линия, предназначенная для предохранения Америки от разрушительного действия европейского пожара, и всякое движение через океан стало невозможным.

Клифтонцы вернулись к земледелию, воскресив допотопные приемы обработки земли. Если у человека был свой участок земли, он мог считать себя спасенным от голодной смерти, если только ему удавалось избежать нападений голодных людей, выползавших из всех щелей и совершавших убийства ради куска хлеба. Совесть и жалость, столь обычные в былое время, стали редким явлением при такой жизни.

В числе людей, покинувших город и перешедших к земледелию, был инженер Магнус Идола, поселившийся вместе с дочерью в уединенном покинутом доме в нескольких милях от Клифтона. Он был ученый — изобретатель

и фантазер в былое время, когда он пользовался некоторым авторитетом в теории взрывчатых веществ, пока слава Нордена, изобретателя перманентной бомбы, не отодвинула его имя в тень.

Это был упорный, необыкновенно работоспособный человек, не завидовавший чужим открытиям, но умевший извлекать из них пользу для своего собственного, долго им подготовляемого изобретения, которое должно было затмить все, когда-либо придуманное человечеством в области разрушения. Его не считали ни гением, ни безумцем. Он просто сошел со сцены и об Идоле не вспоминали. Он совершал продолжительные и опасные поездки к ядовитому озеру на месте прежнего Дублина, исследуя его свойства. И здесь, на берегу хаоса, его воображением владели картины разрушений такого розмаха, в сравнении с которыми зеленые озера Нордена были лишь детской шалостью. При всем том по внешности это был скромный и тихий человек, в котором, за исключением некоторых странностей, извинительных для ученого, ничто не говорило о владевшей им чудовищной страсти.

2.

Его дочь, семнадцатилетняя Юлия Идола, жила с ним и заведывала его хозяйством. Ее детские годы совпали с периодом войн и потрясений, в эти годы она пережила переход от богатства к нищете и ее характер сложился под влиянием противоречивых впечатлений той поры. Она выросла красивой жизнеспособной девушкой, с широким взглядом на людей и мир, с оттенком суровости и прямоты в характере.

Когда ей было десять лет, отец взял ее с собой в кругосветное путешествие. Это была запутанная цепь воздушных и морских рейсов через океаны и вдоль и поперек материков, прерываемая остановками в городах с непонятно звучащими названиями. Инженер Идола редко останавливался в больших городах. Станным образом ему всегда требовалось слезать в таких местах, где никто, кроме него с дочерью, не

высаживался. Он был химик-исследователь и рыскал по свету в поисках залежей танария. Тысяча пудов танариевой руды после очистки давала фунт танария, тысяча фунтов танария после переработки давала три зерна гелидия, а Идоле для его опытов требовались миллионы таких зерен, и оттого он неустанно носился по свету, разыскивая танарий, и его пути лежали в стороне от больших международных дорог.

Юлия была с ним. Чудеса мира открывались ей, и она смотрела на них с спокойствием людей конца столетия. Люди в прошлом чаще удивлялись, чем люди последних лет столетия. Старый Идола, дед Юлии, рассказывал, что в молодости он пережил однажды сильное изумление при известии, что некий Блерио перелетел Ламанш. «Но, — прибавлял старик, — я не помню, чтобы я удивлялся чему-нибудь еще с тех пор». Удивление исчезло из мира. Юлия была дочерью человека, который с детства сроднился с мыслью, что все на этом свете достижимо и ничему не следует удивляться, а спокойствие было у ней в крови.

Юлия была с отцом и странствовала по свету, опираясь на его руку. И всегда ей казалось, что мир был создан для нее. Финиковые пальмы в Бушире росли для того, чтобы она могла срывать плоды с их ветвей, вода в океане была так горька только для того, чтобы поразить ее своим вкусом, для нее устраивались солнечные закаты на Цейлоне, а у верблюдов в Иране были горбы на спине для того, чтобы удобнее было сидеть между ними маленькой королеве.

Но люди, мириады черных, белых и бронзовых людей, копошившихся внизу, под ее воздушным кораблем, были диссонансом в общей картине. Они как будто не считали себя созданными для ее удовольствия, их лица были угрюмы и многие из них смотрели на нее равнодушно и не были рады видеть ее. Иногда в поисках за танарием ее отцу приходилось отклоняться далеко в сторону от больших дорог, забираться в дебри, не посещаемые иностранцами. Им случалось ездить на вер-

блюдах в персидских степях, на мулах в Пиренеях, на плотах по Амазонке и на слонах в Малабаре. Впервые во время таких поездок Юлии приходилось видеть лицом к лицу людей, не обязанных улыбаться при встрече с ней, и нередко случалось, что она хваталась за руку отца в смутном страхе и опасении недоброжелательства.

В Атлантическом океане, в том месте, где Гольфштрот делает излучину в сторону Европы, они останавливались на устроенной посреди океана воздушной станции смотреть, как идет работа по отводу теплого течения в более южном направлении. Предполагалось, что если направить Гольфштрот к Европе у Бискайского залива и пустить его вдоль европейского берега, климат Италии распространится по всему матерiku со всей его мягкостью и обилием растительности.

Фаланги огромных воздушных грузовых судов останавливались у излучины, сбрасывая в глубину миллионы тонн камня. На плавучих и воздушных мастерских ковались и опускались в воду металлические стены. Гигантские огни освещали картину работ ночью. Вода, бурля, бесследно поглощала плоды трудов миллионов людей, ломавших камень и копавших руду во всех концах света.

Было что-то упорное в выражении лиц рабочих, смотревших в пучину, в которой исчезали привезенные ими из-за тысяч верст огромные тяжести, между тем как уровень воды не повышался ни на йоту, и пилоты воздушных судов, направляясь в обратный путь, думали об огромности бездны, которую надо было заполнить. К концу пятого года работ течение было сбито на два градуса на юг, но начавшиеся в это время войны и изоляция Старого Света приостановили работы на середине.

У Юлии завязались знакомства в разных концах света — в Лиссабоне, Гвадалахаре и в Малабаре. В Лиссабоне — дочь консула Гаэти, смуглая девочка тех-же лет, что и Юлия, и по своим привычкам и образу жизни так на нее похожая, что обе, встречаясь, испытывали тягость и ревнивый инте-

рес друг к другу. В Гвадалахаре жили Харати и Рио, дочери ковбоев, во всем не похожие на нее, умевшие укрощать лошадей и вызывавшие в ней благоговение, на которое отвечали снисходительным презрением. В Малабаре был мальчик Дарната, спасенный ею от голода и нищеты и любивший ее со всем пылом ранней страсти.

Отец Дарнаты был слепой нищий и мальчик должен был водить его для сбора милостыни. Юлия впервые увидела их, когда отец ссорился с сыном из-за какой-то неудачи. Отец бил мальчика палкой, а Дарната, хотя и мог избежать ударов слепого отца, не уклонялся от палки.

— Почему ты стоишь на месте и даешь себя бить? — спросила Юлия. — Почему не бежишь от него? Он злой.

— Он не злой, — ответил мальчик с угрюмым лицом. — Он голодный. Мы оба голодные. Он был прав, когда бил меня, потому что голодаем мы по моей вине.

И он рассказал, как он потерял те несколько грошей, что они собрали за весь день, и как им теперь хочется есть.

Юлия плохо понимала его. Она не считала несчастьем испытывать голод, потому что, когда это случалось, она ела с большим аппетитом и все хвалили ее за это. Мальчик-же был печален именно оттого, что хотел есть. Юлия высказала ему свое недоумение.

— Да, — ответил мальчик угрюмо и просто, — так бывает у вас, у богатых. Меня никто не будет хвалить, если я вздумаю съесть столько, сколько захочу. Столько, сколько дадут — не больше. Я не помню, чтобы я когда-нибудь был сыт настолько, чтобы отказаться от пищи, еслиб мне ее предложили.

— А мне постоянно приходится отказываться и хитрить, — сказала Юлия. — Еслиб я жила по своей воле, я никогда бы не обедала. Мне больше нравится лежать в траве и греться на солнце.

— Солнце, — прервал ее Дарната, — тоже для вас, богатых. Я бы очень хотел, чтобы оно грело не так сильно.

Было бы лучше, еслиб его не было совсем...

— Почему? — спросила Юлия. — Солнце для всех одно.

— О нет, — ответил мальчик. — Когда оно греет очень сильно, все прячутся от него в дома и тень, и только мы, голодные, должны бродить под зноем, добывая себе пропитание. Когда оно греет не так сильно и люди рады посидеть в его свете, все чувствуют себя хорошо и выглядят счастливыми, а там, где другие счастливы, голодный несчастен вдвойне. Все сыты, все счастливы, мы одни — голодные, хуже всех...

Отец Юлии взял старика и Дарнату с собой в Лагор и там, истратив несколько золотых, пристроил старика в убежище для бедных, а мальчика отдал в школу механиков, чтобы в будущем он был бы чем-нибудь большим, чем простой носильщик тяжестей. Его учение было оплачено за несколько лет вперед.

Дарната, несмотря на его печальный вид, был бойкий и способный мальчик. Несколько недель жизни в достатке было достаточно, чтобы к нему вернулись его подвижность и веселость. Когда Юлия с отцом уезжали в Европу, он провожал их и глядел на Юлию сияющими влюбленными глазами.

— Тысячу, тысячу, тысячу раз благодарю вас, — говорил он, не смея дотронуться до ее протянутой ему маленькой белой руки. — Я знаю, я буду счастлив.

И в волнении он говорил о своей бесконечной преданности ей, о душе и теле, о жизни и счастье, которые он всегда отдаст, если они ей когда-нибудь понадобятся.

У Юлии в Европе было много дела, чтобы часто вспоминать о Дарнате, но, однажды, когда ее отец говорил с Лагором по всемирному телефону, ей пришлось в голову вызвать к аппарату Дарнату из школы механиков, и тогда в ее ушах снова прозвенели радостные задышающиеся слова:

— Тысячу, тысячу, тысячу раз благодарю вас. Душа и тело, жизнь и счастье...

Он рассказал ей, что никогда еще ему не жилось так хорошо, и спрашивал, когда они снова приедут на танариевые разработки. Юния рассказала ему о себе, но уже не повторяла тех наивностей о голоде и нищете, которые говорила при их первой встрече. Со времени их встречи прошло несколько лет. Она многое понимала иначе и действительная жизнь огромного большинства людей не была для нее тайной.

А еще позже, когда ей было пятнадцать лет, пришло время войн и восстаний. Магнус Идола, ее отец, относился к событиям, как к чему-то, не имеющему к нему отношения, и думал о нескольких фунтах гелидия, которых ему, быть может, не придется уже достать. В день отмены привилегий, он, не дочитав газеты, встал и ушел к себе в лабораторию. Там на деревянных упорах стоял металлический остов колеса, снабженный движущим механизмом, с батарейками и трубочками посредине. И это колесо интересовало его больше всех революций на свете.

Юния находила утешение в тяжелой работе, в ежедневной борьбе за кусок хлеба, за тепло и свет. Ей случалось день проводить в работе по дому, а ночи простаивать с ружьем, охраняя их маленький огород от расхищения голодными бродягами.

Мир вокруг нее изменился коренным образом. Многие, что сияло и казалось прекрасным, потускнело и распалось. Старое лежало в обломках. Но она была молода и смотрела в лицо жизни неподкупными глазами юности, и то, что было гибелью и безнадежностью для одних, превращалось перед ее взором в покрытый цветами луг, озаренный солнцем неистребимой жизни.

3.

Было утро поздней осени и падал снег, когда инженер Идола извлек, наконец, свое сооружение на свет. Оно производило заурядное впечатление, было не больше человеческого роста и представляло металлический остов колеса, залитый серым составом, напоминающим цемент. Каждый, кто встретил бы Идолу, тянущего за веревку

салазки с серым предметом на них, подумал бы, что это обыкновенный мельничный жернов. Разглядев предмет поближе и заметив детали вращательного механизма посредине, поршни, провода от батареек, трубочки и краны, он отказался бы от своего мнения и решил бы, что это что-нибудь позамысловатее, но так как Идола был инженер, то было в порядке вещей, чтобы на салазках у него лежали замысловатые вещи. Но никто не встретил Идолу на его пути через холмы к берегу, да и некому было ходить в этих опустелых местах.

В четырех верстах от берега, на склоне глинистого холма, Идола остановился и спустил серое колесо на землю. У него был странный вид, когда, не двигаясь, он стоял под осенним небом около серого предмета и глядел перед собой темным, насторожившимся взглядом. Он походил на человека, переживающего очень серьезную минуту своей жизни. Несколько раз он протягивал руку к медному рычагу, торчавшему в середине колеса, но, притронувшись, снова опускал руку в карман. Был момент, когда, полный неуверенности и сомнений, он отошел в сторону, присел на камне и закурил сигару. Едва закулив, он отбросил сигару в сторону и долго сидел неподвижно, опустив голову на руки как человек, который испытывает дурноту. Потом он встал и с движениями человека, идущего навстречу неизбежному, подошел к колесу и несколько раз повернул рычаг. Поршни и механизм посредине задвигались и внутренний круг начал вращаться. Скорость оборотов все возрастала, спицы, винтики и трубки внутреннего круга слились в один блестящий диск и неожиданно все колесо, отлинув от земли, тронулось с места и покатило по склону холма. Оно двигалось по прямой линии с все увеличивающейся скоростью. Идола следил за его движениями в маленький сильный бинокль и одобрительно кивнул головой, когда в трех четвертях версты от вершины холма внутренний металлический круг отделился от колеса и, продолжая крутиться в воздухе, отлетел в сторону и

упал на землю. Серая масса двигалась теперь сама по себе, преодолевая подъемы и спуски, а когда на ее пути стала отвесная скала, раздался взрыв, похожий на подземный гул, и туча пара поднялась в воздух.

Идола дрожал от волнения, вглядываясь вдаль. Когда пыль и пар рассеялись и можно было разглядеть результаты взрыва, он увидел, что в том направлении, где прежде стояла скала, не было теперь ничего, кроме дымящегося испарениями озера с водой сгущенно-красного цвета, а колесо, окутанное паром, двигалось дальше, оставляя за собой красный, дымящийся след. Там, где проходило колесо, оставалась рывина с десятков саженей ширины с нагроможденными по бокам кучами выброшенной земли и песку и с красной, но быстро бледнеющей и под конец совершенно теряющей окраску, водой посредине.

Инженер Идола перевел дух в мрачной удовлетворенности и снова впился в стекла, готовясь к главному и решительному моменту.

Колесо приближалось к воде. Был час прибою, океан мчал волны на берег, навстречу маленькому крутящемуся чудовищу. Было мгновение, когда Идола закрыл глаза, боясь увидеть гибель труда всей своей жизни. Когда он снова посмотрел в стекла, колеса уже не было видно. Волны покрыли его, но столб воды шел впереди него и показывал его путь по дну океана. Волны смыкались, приняв огромную обрушившуюся сверху массу воды, и медленно успокаивались. Столб уходил все дальше, пока не исчез за горизонтом.

Судорога торжества прошла по лицу Идолы, но сейчас-же другое выражение, показывавшее желание не поддаваться первому чувству и оставаться спокойным, появилось на его лице. Он имел вид человека, который много лет назад предусмотрел каждую мелочь, взвесил все условия и предугадал все последствия, но в момент, когда в действительности все оказалось именно таким, как он предполагал, не верит, боится верить, что он и в самом деле ни в чем не ошибался.

Им овладело спокойствие, глубокое радостное спокойствие после свершения дела, которому были посвящены многие годы. Это были первые минуты спокойствия после безудержного, ни на минуту не прекращавшегося многолетнего горения. Он просидел наслаждаясь час — полтора, не двигаясь и ничего перед собой не видя. Неожиданно выражение скуки прошло по его лицу. Его трезвое настроение возвращалось к нему. Салазки, на которых было привезено колесо, лежали на снегу, и он долго смотрел на них, как бы не понимая, что это за предмет и как он тут очутился. Придя в себя окончательно, он взялся за веревку и потащил салазки в обратный путь. Его спина горбилась, чего прежде за ним не замечали, и он выглядел усталым и постаревшим.

Дома он удивил Юлию своим необычным поведением. Он прошел прежде всего в лабораторию, но сейчас же вернулся в дом, словно нашел двери лаборатории запертыми. Некоторое время он стоял в столовой с удивленным и раздумывающим видом. Затем поднялся в кабинет и сел за письменный стол. Прошло несколько часов глубокой задумчивости и молчания, прежде чем он взялся за перо.

Он должен был подвести итог сделанному и наметить будущее. Вот несколько строк, написанных им на листе, на котором сверху большими буквами стояло заглавие: «К о л е с о».

Ф о р м у л а к о л е с а. Две длинных строчки химической формулы, в которой встречались также буквы для обозначения элементов, неизвестных в химии.

П у т ь к о л е с а. Прямая линия с уклоном в один градус на половину длины тропика.

К о г д а о с т а н о в и т с я к о л е с о. Здесь стояло всего одно слово: Н и к о г д а, но сбоку мелкими буквами была приписка: «Если только оно не попадет на свой собственный след».

Внизу была дата и подпись Идолы.

Он вложил листок в папку с надписью «Колесо», поднялся по приставной лестнице к шкафу с множеством полок и ящичков и положил ее в са-

мый дальний ящичек, затем снова сел к столу и на блокноте на верхнем листке записал букву и номера полки и ящичка.

Просидев еще некоторое время в молчании, он встал и пошел вниз, в столовую, где Юлия сидела с книгой у керосиновой лампы. Он попросил есть, был оживлен и разговорчив и

еще продолжает лететь вперед столб воды над океаном. Известия об этом могли прийти через несколько дней из Америки, но он был не в силах ждать.

Утром он сбивчиво объяснил дочери, что у него есть неотложное дело в Лондоне, и пошел в ангар выводить свой потрепанный, устаревший аппарат. Юлия вышла его проводить.

— Солнце, — говорил Дарната, — тоже для вас, богатых!..

провел вдвоем с дочерью весь вечер. Он долго слушал ее игру на рояле, вглядываясь в ее полусвещенное одухотворенное лицо, и испытывал удивление и нежность. В этот вечер изобретатель Идола впервые заметил, что его дочь была взрослой прелестной девушкой, одним из самых великолепных созданий земли.

Он лег спать, умиротворенный и счастливый, но среди ночи проснулся с тяжелым чувством и не спал до утра. Ему снилось, что волны задавили его колесо. Он больше не верил в безошибочность своей формулы. Ему надо было самому посмотреть, все ли

Аэроплан взял курс на восток и исчез из виду, но в десяти верстах, когда она уже не могла его видеть, сделал поворот и на большой высоте снова пролетел над Клифтоном с направлением на океан и Америку.

Юлия ждала отца день и другой и не очень беспокоилась. Но на третий день один из родственников явился к ней из Клифтона и после долгих, навселящих на подозрение, подходов, дал ей прочесть напечатанное в газете сообщение о падении в океан аэроплана 66K315, принадлежавшего Идоле. В заметке сообщалось, что аппарат летел в направлении на Нью-Фаунд-

ленд, был трижды опрошен патрулем американской заградительной линии, не дал ответа и был сбит в воду. Пилот и аэроплан погибли в океане.

Юлия осталась одна. Рука, за которую она держалась в младенчестве и отрочестве, которая опиралась на нее, когда она стала старше, рука, ставшая частью ее самой, исчезла, оставив чувство пустоты и утраты.

Газета, в которой сообщалось о катастрофе с ее отцом, была его последним следом на земле. Она много раз перечитывала ее. На одной из страниц там была другая заметка — сообщение о странном явлении на океане, об огромном столбе воды, неуклонно движущемся в направлении на Америку.

Юлия читала и эту заметку, но ей никогда не приходило в голову, что между двумя этими сообщениями есть какая-нибудь связь. Странная работа ее отца осталась тайной для нее, также как и для всего остального света. Лист блокнота с пометкой в углу K1.1 — 32 лежал на столе с самого верху, и Юлия, убирая комнату отца и сметая пыль со стола, старалась делать это так, чтобы ни один клочек бумаги не был сдвинут с того места, куда его положил отец.

Впервые Юлия поняла, что значит остаться одной, без единой близкой души на свете. Печаль и заброшенность, пустота существования, нищета стали ее уделом. Многие люди улыбались ей когда-то в детстве и она вспоминала их лица, но их давно уже не было около нее и она не знала, будут ли они улыбаться ей теперь, когда она в несчастьи и бедна. Дочь консула Гаэти все еще жила в Лиссабоне, но ее ничем не омраченная жизнерадостность была Юлии теперь тяжелее, чем когда-нибудь. И однажды, когда потребность дружбы и ласкового слова была нестерпимо сильна, она вспомнила сияющие глаза Дарнаты и его восторженные клятвы. Работа клифтонской станции возобновлялась по временам, и в один из таких дней она попросила соединить ее с Лагором в Индии и вызвать к телефону Дарната из школы механиков.

— Это я, — сказала она, когда услышала в приемнике голос Дарнаты. — Я — Юлия Идола. Вы помните меня?

— Помню ли я вас? — ответил радостный юношеский голос. — Все эти годы не было часа, когда бы я не вспоминал вас. Тысячу, тысячу, тысячу раз благодарю вас...

— За что? — спросила Юлия, не понимая, за что ему следовало бы благодарить ее.

— За сердце и ласку... за свет глаз и звук голоса... За то, что вы вспомнили обо мне...

Юлия рассказала ему о смерти отца и о том, что теперь у нее во всем свете нет друзей, кроме него.

— Еще раз благодарю вас, — ответил Дарната и серьезность звучала в его голосе. — Я ваш друг и отдам душу и тело, жизнь и счастье в тот момент, когда они вам понадобятся.

— Я хотела бы видеть вас, — сказала Юлия, желая представить себе, каким стал теперь маленький смуглый мальчик с сияющими влюбленными глазами.

— Назовите город, в котором вы живете сейчас, — ответил Дарната, — и я через два дня буду с вами...

Волнение, звучавшее в его голосе, испугало Юлию. Разговор с Дарнатой был радостью для нее, но тайный голос говорил ей, что ей лучше не называть города, в котором она жила.

— Я назову вам потом, — сказала она просто, — а пока, когда мне будет тяжело и я буду несчастна, я буду говорить с вами. Не требуйте от меня большего...

С тех пор несколько раз через большие промежутки случалось, что Юлия Идола говорила с Дарнатой, и его голос, доходивший до нее через разделявшие их пространства, был для нее источником ласки и исцеления.

4.

Первые известия о колесе пришли с острова Нью-Фаундленда. Станным образом никто не видел колеса в момент выхода его из океана и в сообщениях говорилось о некоем движущемся сером теле, повидимому, метеорите, упавшем с неба, пронесшемся

через северные области острова в направлении на запад и при полете задевавшим землю. Движение сопровождалось вихрями и гулом. Полоса разрушений, оставшаяся после его прохода, достигала километра в ширину и была сплошной. Скорость движения не могла быть установлена с достаточной точностью, но была не меньше 80 кило-

как по каналу. Линия городов южнее реки Св. Лаврентия лежала в стороне от пути метеора, и число погибших человеческих жизней было невелико. Зато список заводов и лесных промыслов, поврежденных метеором, занимал несколько столбцов и с каждым днем пополнялся все новыми сведениями. В заключение сообщалось,

Идола следил за колесом в бинокль... Раздался взрыв...

метров в час. Жертвы разрушения — несколько десятков деревень и большая половина города Юнипера, совершенно сметенные с лица земли. Приблизительное число человеческих жертв — 75 тысяч. В заключение сообщалось, что, пройдя остров, метеор исчез в воде, где и затонул.

Очень скоро, однако, сведения о том-же самом метеорите или о другом ему подобном пришли из Канады. В лесах между берегом и озерами оказалась широкая просека, заваленная обломками деревьев, полотно линии С.-Джонс — Ванкувер было испорчено во многих местах. Перешеек между озерами, составлявшими систему Винипег, оказался прорытым после прохода колеса, воды озер сошлись в месте прохода и суда могли проходить тут

что и этот метеор, пройдя страну, исчез в воде океана и затонул.

Дело считалось ликвидированным. Авторитеты утверждали, что если даже это был тот самый метеор, который разрушил Ньюфаундленд и уже считался однажды погребенным в проливе, то на этот раз можно было не опасаться его нового появления на материке. И тут приводились цифры о глубине и огромности Великого океана.

Затем сведения о колесе прерываются. Продвижение по дну океана, чрезвычайно замедленное, потребовало нескольких недель, и этого промежутка было достаточно, чтобы человечество обратилось к другим интересам, а вред, нанесенный метеором, был отчасти восстановлен.

Его движение через Сахалин, через

огромные безлюдные пространства Северной Сибири на параллели Албазин — Байкал — Кутулда — Кустанай также не было отмечено значительными человеческими жертвами.

Сведения о движущемся по земной поверхности метеоре попадали в газеты всего мира и уже никем не оспаривалась его идентичность с метеором, который незадолго перед тем разрушил Канаду. Но явление все еще продолжали считать случайным и преходящим и продолжали называть метеором. Газеты были далеки от того, чтобы бить тревогу и вызывать панику в населении Европы.

Первые серьезные опасения в Европе появились, когда колесо перешло Уральский хребет. Странному метеору была объявлена борьба. Пока подвозилась к одному месту тяжелая артиллерия, предназначенная для встречного механического удара, была попытка испробовать на колесе действие электрических волн. Огромные прикамские станции подвергли колесо одновременному действию бесчисленного количества разрядов, не отразившихся на движении колеса, но вызвавших различные побочные явления. Одновременный залп сотни тяжелых орудий, направленных в проход у Перми и выпустивших каждое по десяти тысячечудовых снарядов, отразился на движении колеса еще меньше. Удар на пустяковую долю градуса сбил его с пути, и это имело губительные последствия для самих батарей, не успевших сняться до его прохода и попавших в зону разрушения. Тысячи уничтоженных сел и городов отметили путь колеса через Россию. Были приняты меры к оповещению населения угрожаемых местностей, но тем не менее число погибших человеческих жизней было громадным. На живом теле страны осталась узкая кровавая полоса.

Пройдя западные области южнее Пскова, колесо снова погрузилось в воду и пошло через Балтийское море. Разрушив мимоходом Либавский порт, задев южное побережье Скандинавии по линии Симришамн — Ледеруп — Треллеборг, колесо пересекло у Фре-

дериции Ютландский полуостров. Воды морей сошлись в оставленной им глубокой колее, и Дания после его прохода превратилась в островное государство. На параллели Гримсби — Ольдгем — Ливерпуль колесо вторглось в Англию. Причинив каждому своим оборотом неисчислимый вред в этой густо населенной стране, оно снова пропало в воде и столб воды понесся вслед за ним по Атлантическому океану.

Нет надобности шаг за шагом следовать за дальнейшим движением колеса через Пьер-Микелон — Мичиган — Иеллоустон в Америке, снова через Великий океан, через Мукден — Синьминьтин — Долоннор — Хоничжи — Тургай в Азии, через Россию и Польшу, через Мансфельд — Гайн — Обернъеза — Брилон — Мюльгейм — Дуисбург в Германии, через Лилль и снова через Атлантический океан. Нет надобности подробно описывать его третий, четвертый, пятый и последующие обороты. Линия его движения соответствовала заданию и представляла прямую линию с уклоном в один градус на половину длины тропика. Весь его путь, нанесенный на глобус, представлял винтовую нарезку на шаровидном теле. Так продолжалось до конца седьмого оборота, когда на южном течении Миссисипи колесо сделало неожиданный зигзаг, которого, может быть, не имел в виду и сам Идола, и после этого под винт попало южное полушарие земли, до тех пор не затронутое колесом.

Его путь через страны Южной Азии был ужасен по числу человеческих жертв и ознаменовался воскрешением фантастических религиозных верований среди населения. Список городов, уничтоженных совершенно или разрушенных наполовину, удлинялся с чудовищной быстротой: Минданао — Пананг — Селягор — Хамба — Пилибит — Ханпур — Нарайян — Каварда — Джунгар — Чартаз — Кабадьян — Алашкерт...

Мир, переживший период социальных войн, с войной всех против всех, измученный, опустошенный, изголодавшийся, стоял теперь перед новой

загадкой, беспощадной и тем более ужасной, что природа ее оставалась непонятной. Чья-то рука стирала с лица земли плоды трудов миллионов людей, губила без счета жизни и, снова и снова возвращаясь, отнимала последнее, что оставалось у обездоленных жителей земли.

Тысячи ученых были заняты проблемой колеса. Армия исследователей сопровождала колесо на его разрушительном пути. Миллионы наблюдений были сделаны над направлением и темпом его движения, отбросы движения исследовались и разлагались в лабораториях всего мира. Сам великий Норден руководил работой химиков. Но некая неизвестная величина, неуловимая и совершенно необыкновенная, не позволяла сделать ни одного законченного построения.

Норден высказывался в том смысле, что в химическом составе колеса имеется неизвестное науке вещество, обладающее неизмеримо большой взрывчатой силой. Выделяющиеся при взрыве отбросы снова питают основное вещество и восстанавливают его силу. С каждым новым взрывом сила вещества крепнет. Этим он объяснял все увеличивающуюся скорость движения колеса и все расширяющуюся зону его разрушительного действия. Все вещества, встречающиеся в природе, земля, огонь, вода — в соединении с веществом колеса, только усиливают его. Нет ничего в природе, что разлагало бы его силу.

Но ученые не могли придти ни к какому определенному выводу о природе колеса. Достаточно сказать, что даже самый вопрос о том, является ли оно делом человеческих рук или же осколком какого-либо из надземных миров — даже этот вопрос решался ими и в ту, и в другую сторону.

С течением времени люди научились до некоторой степени предупреждать вред, причиняемый колесом. Был организован Комитет Колеса, распространявший свою деятельность на весь мир. Направление движения можно было предугадать с большой точностью и это делало возможным своевременное очищение угрожаемых городов жите-

— Это последние, написанные отцом, слова, — сказала Юлия.

лями, уносившими с собой также все, что требовалось сохранить. Человеческие потери с течением времени значительно сократились.

Неожиданный зигзаг колеса у Миссисипи стоил жителям Оклагамы нескольких сотен тысяч человеческих жизней. Всюду также находились люди, которые предпочитали смерть разорению и нищете, наступавшим вслед за колесом. Были целые страны — Китай, Полинезия, где призывы Комитета Колеса не оказались достаточно убедительными, и население оставалось на местах, с фаталистическим презрением встречая смерть. В таких местах люди гибли миллионами.

5.

Дарната, лауреат лагорской школы механиков, был одним из агентов Комитета Колеса в Индии. Он не был специалистом-химиком и не пытался строить собственных теорий о химическом составе колеса. Его воображение работало в другом направлении. Он знал только, что есть где-то на свете человек, который держит в своих руках секрет разрушения мира, и его задача была найти этого человека.

Знаменитый Норден, изобретатель перманентной бомбы, одно время казался ему единственным человеком, подходящим для этой роли. Он сумел добиться доступа к нему и в течение месяца наблюдал за ним, думая найти

тайный смысл в его словах и поступках. Но все поведение знаменитого химика, человека простого и прямодушного, обнаруживало его полную растерянность перед неожиданным явлением.

Синтроп, изобретатель лампочки темноты, прибора аналогичного световой лампочке, но действовавшего с обратным результатом и способного затемнить самый яркий дневной свет — прибора, получившего значительное распространение в химической промышленности и всюду, где обрабатывается фиброид, был другим ученым, около которого он в течение долгого времени делал такие-же наблюдения и с таким-же результатом.

Он перебирал в уме имена всех химиков — специалистов по взрывчатым веществам, чем-либо заставивших о себе говорить в последние годы. Имя инженера Идолы также встречалось в этом списке, но Идола, так, как и все другие был признан им недостаточно сильным для этого дела. Кроме того, его личные воспоминания рисовали ему Идолу, как доброго, отзывчивого человека, и он не мог допустить, чтобы этот-же самый человек мог быть таким жестоким по отношению к человечеству.

Дарната предпринял поездку вдоль зоны разрушения в направлении обратной движению колеса и посетил с этой целью Америку. Звание агента Комитета Колеса давало ему свободный проход через посты американской заградительной линии. Он видел разрушенные города, моря, вдавнившиеся по пробитым колеям внутрь материков, огромные толпы разоренных и голодных людей, развороченные земные породы с обнаженными золотиносными и угольными жилами, которые ни у кого не было охоты разрабатывать.

Он пересек последовательно зоны разрушения у Порторико, Гвадалахары и Пассаквеколи и подверг обстоятельному исследованию зигзаг у Миссисипи, а затем двинулся наперерез первым семи оборотам и по первому обороту на восток. Наступил день, когда он стоял у того места, где колесо впервые явилось на американскую

почву, вынырнув из океана. Дальше след терялся.

Компас и карта — старые друзья исследователей и пионеров — показали ему, где можно было его отыскать. Он принял во внимание все возможные отклонения и в широком масштабе взял под обзор все западное побережье Европы от Лиссабона до Дронтгейма.

После дневного перелета через океан он очутился в Шербурге или, вернее, у того места, где когда-то стоял Шербург. Его путешествие вдоль побережья, совершаемое первобытным способом, пешком и на лошадях, было продолжительным и опасным. Надо было подвигаться по самому берегу, по запущенным дорогам, через опустелые после войн и колеса местности, с трудом добывая себе пропитание. У Кале он перешел зону второго оборота, и здесь его поиски стали более тщательными. Юго-западное побережье Англии казалось ему местом, более подходящим для его цели, но он оставил исследование Англии до будущего, решив сначала объехать Ирландию.

Дюны, сотни раз затопленные приливами, казалось, не носили никаких старых следов. Но он упорно двигался вперед и, как всегда, когда разум и инстинкт руководят человеком, добился своего. В нескольких милях от Клифтона, на прибрежных холмах был след, аналогичный тем, которые он уже столько раз наблюдал в разных концах земли.

Это была неглубокая и узкая колея, но вода в ней все еще дымилась зеленоватыми испарениями и красный осадок покрыл кончик его палки, когда он опустил ее в воду. С бьющимся сердцем он поднялся вдоль колеи по холму. В двух верстах от берега след делался совершенно незаметным, но заржавевший металлический круг с поршнями и проволоками лежал в нескольких саженях в стороне, полузанесенный песком.

Вдалеке, в расстоянии двух верст, стоял одинокий дом, имевший, как и все кругом, вид запустения и заброшенности. Дарната, двигаясь как во сне, медленно направился к дому. По-

лустертое имя инженера Идолы было написано на его воротах.

Женская фигура в другом конце двора выгоняла в поле коз. Женщина была в грубой одежде, с головой, повязанной платком, из-под которого не было видно ее лица, но в ее движениях Дарната узнал Юлию.

— Я — Дарната, — сказал он, идя ей навстречу. — Вы не звали меня, но судьба привела меня в ваш дом. Хотите ли вы, чтоб я остался тут?

— Хочу ли я, чтоб вы остались со мной? — ответила Юлия, вглядываясь в его сияющие влюбленные глаза. — Мой единственный друг...

И она протянула ему руку, которую он, как и в былые дни, не сразу решился взять в свои сильные смуглые руки...

Он стоял теперь на пороге счастья, и мир открылся ему во всем своем великолепии, как открывается однажды в жизни всему живому и любящему. В этом мире сияло солнце, и лучи его ослепили Дарнату. И были дни, когда он старался не думать об узкой кровавой полосе, начинавшейся в нескольких верстах от дома, где он отдавался своему счастью.

Но однажды, Юлия, рассказывая о своем отце, протянула ему номер старой газеты с сообщением о его гибели. Дарната прочел описание смерти Идолы, но от него не укрылось и другое стоявшее в номере сообщение о столбе воды, движущемся через океан в направлении на Америку, и очевидная, несомненная связь между этими двумя явлениями с удесятенной силой воскресила в нем его старое страстное желание разгадать тайну колеса, о которой на короткие дни он позволил себе забыть.

И Юлия, с беспокойством вглядывавшаяся в его изменившееся лицо, поняла, что с ее возлюбленным произошла перемена. А еще позже об руку с Юлией Дарната вошел в кабинет инженера Идолы в верхней части дома. Полки, уставленные приборами, бесконечные шкафы с книгами, горы испанской бумаги — были подножием изумительной тайны Магнуса Идолы, и Дарната надо было сдерживать себя,

чтобы не очень обнаруживать перед Юлией своего мучительно острого интереса к каждой разбитой реторте, к каждому клочку бумаги, которые все должны были вести к одной единственной разгадке.

С деланным спокойствием и с быстро бьющимся сердцем, обнимая Юлию, Дарната обошел комнату и сел за письменный стол Идолы. Пожелтевший листок блокнота с надписью К II — 32 все еще лежал на столе с самого верху. Дарната смотрел на него сосредоточенным полусознательным взглядом.

— Это последние написанные отцом слова, — сказала Юлия, осторожно притрагиваясь к драгоценному клочку бумаги, и удивилась, каким жгучим огнем вспыхнули вдруг при этих словах глаза ее возлюбленного.

Загадочный шифр завладел воображением Дарнаты. Он сиял для него во тьме и свете, он читал его в зрачках Юлии. Но потребовалась ночь и день и еще ночь мучительного напряжения всех способностей, прежде чем он осмыслил его значение.

Утром третьего дня, после проведенной без сна мучительной ночи, Дарната снова был в кабинете Идолы. Он оглядел номера шкафов и полок, подвинул к одному из них приставную лестницу и уверенно протянул руку к ящичку на самом верху. Папка с надписью «Колесо» была в его руках.

Последняя, написанная Идолой, страница лежала перед ним. Загадка колеса умещалась в нескольких строках.

Ф о р м у л а к о л е с а. Химическая формула с включением непонятных букв.

П у т ь к о л е с а. Прямая линия с уклоном в один градус на половину длины тропика.

К о г д а о с т а н о в и т с я к о л е с о. Никогда, если только оно не попадет на свой собственный след.

Состояние полубезумья-полупрезрения охватило Дарнату, когда он оторвался от чтения последних слов Идолы.

Несколько раз он повторял вслух:

— Если только оно не попадет на свой собственный след...

Долгое время он сидел за столом. Идолы в глубокой задумчивости. Отражения всех чувств проходили по его лицу: торжество, уверенность, подавленность, отчаяние. Но когда он встал из-за стола, он был уверен и спокоен.

— Еще двадцать дней, — сказал он, кладя на место папку «Колеса».

Формула колеса, всеми буквами отпечатавшаяся в его мозгу, жгла голову.

Он обнаружил в этот день бешеный интерес к географическим картам, математическим вычислениям и огромным цифрам расстояний и скоростей. Ему нужны были последние телеграммы со всех концов света. Глобус с нанесенной на него тонкой спиралью, красной резьбой обходившей мир, был в его руках и от него не отрывался его воспаленный взгляд. Юлия в тревоге наблюдала его, заражаясь его огнем.

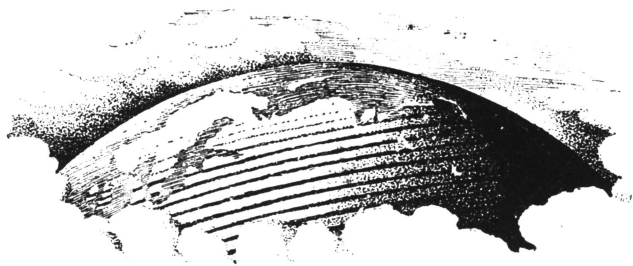
Он уехал от нее так же неожиданно, как и явился, и, уезжая, назначил день и час, когда он вернется. Юлия считала, сколько дней она должна была оставаться одинокой, и насчитала двадцать один день.

Но она не была одинокой. Потому что очень скоро имя Дарнаты, выступившего на борьбу с колесом, стало долетать до нее со всех концов света, было у всех на устах. Несмотря на свою молодость и относительно небольшие знания, Дарната стоял теперь во главе Комитета Колеса. Он сумел

убедить руководителей Комитета поручить ему главное начальство в борьбе с колесом и дать ему для этого все полномочия. Он не дарал никаких обещаний и не открывал карт, но в его поведении была уверенность и сила, и ему поручили работу, которая оказалась не под силу самому Нордену.

В несколько дней мириады людей и машин были двинуты в Азию, к подножию Гималаев, вблизи Кабадьяна, где зона двадцать первого оборота была в минимальном расстоянии от предполагаемого направления колеса. Была проделана чудовищная работа, при которой естественные и искусственные заграждения должны были постепенно перевести колесо на его старый, однажды пройденный им путь. Весь мир с волнением следил за этой работой, и день, когда колесо, пущенное по старому пути, стало стремительно замедлять свой ход, был праздником во всем свете. У Кабадьяна, пожирая само себя, колесо остановилось. Местность далеко кругом превратилась в печальнейшую из пустынь, но колесо стояло.

Дарната вернулся к Юлии. Папка с надписью «Колесо» все еще лежала в ящичке на самом верху. Но никогда, ни в момент их встречи, ни впоследствии Дарната ни словом не обмолвился жене о человеке, чьим именем была подписана формула колеса.

ЧЕЛОВЕК НА МЕТЕОРЕ

Повесть Рэй Кёммингса. С английского.

ЧАСТЬ II.

(1-я часть помещена в № 2, за 1925 г. „Мира Приключений“.)

Краткое содержание 1-й части.

На метеоре, составляющем часть одного из колец Сатурна, неизвестно каким образом появляется юноша, который сначала находится в бессознательном состоянии, а затем, очнувшись, не помнит ничего о своем прошлом. Он чувствует, что вследствие небольшого размера метеора, тело его имеет слишком незначительный вес, так что передвигаться он может с большим трудом. Он испытывает голод и жажду, ищет вокруг себя пищи и замечает вход в пещеру. Всматривается, и в это время из пещеры показывается девушка. Она тоже сразу увидела его, внезапно поднимается вверх и, грациозно плывя в воздухе, как в воде, исчезает вдали.

Юноша, называющий себя Нэмо, входит в пещеру и видит, что она озарена фосфорическим светом, исходящим от скал, образующих ее стены. Он ложится на ложе девушки и тотчас засыпает. Проснувшись, Нэмо видит, что девушка стоит недалеко от него и направляется к ней; она снова поднимается на воздух и уплывает к ближайшему выступу. Он гонится за ней, а она постоянно ускользает от него. Утомленный Нэмо снова ложится и засыпает. Просыпается от прикосновения руки девушки, поглаживающей его волосы. Они становятся друзьями. Она учит его, как прыгать на тысячи футов вверх и снова опускаться на землю, при помощи тех же телодвижений, как при плавании в воде. Затем они возвращаются в пещеру, и девушка ловит и убивает большое животное, похожее на ящерицу. Они варят мясо животного и съедают его.

Нона, как назвал Нэмо девушку, внимательно следит за юношей, всматривается в него и затем подходит к нему. Мгновение они молчат, сердце Нэмо начинает неистово биться — внезапно он обнимает девушку.

Таким образом, Нэмо обрел обитаемый мир и подругу.

I.

Вы просите меня подробно рассказать вам о Ноне и о нашей жизни на метеоре? Конечно, я удовлетворю ваше желание. Но если вы принадлежите к числу тех, которые не доверяют мне, если вы склонны насмешливо относиться ко всему, что превышает ваши познания или недоступно вашему пониманию, — я прошу вас не читать дальше. Мой рассказ не для таких, как вы.

Вы помните, что первое воспоминание моей жизни относится к тому моменту, когда я юношей двадцати лет, по вашему земному исчислению, очнулся на небольшом метеоре в одном из колец Сатурна. Я подробно описал, как я встретил девушку, имевшую такой же человеческий облик, как и я — нашу первобытную любовь и наш супружеский союз.

Дни, следовавшие затем, были днями счастья для нас обоих. Мы жили в нашей пещере и редко оставляли ее. Мы добывали пищу, готовили ее, ели и спали, пока снова не чувствовали голода — так проходила наша жизнь.

Оба мы были животными с затаенным разумом цивилизованных человеческих существ. Очень скоро мы обрели разговорный язык. Казалось, мы

полны слов, которые мы когда то проносили и теперь почти бессознательно вспоминали. Так бывает с нашими земными детьми, которые приводят своих родителей в отчаяние, так как иногда не говорят до двухлетнего возраста. Они составляют себе запас слов, и, когда подают голос, легкость их речи поражает.

На каком языке мы говорили? Не могу вам это сказать. Не знаю. Казалось, что мы как бы изобретаем язык, по мере необходимости. И вас должна вполне удовлетворять передача нашей речи на английском языке.

Нона в духовном и умственном отношении была полным моим подобием. Кто она была, откуда появилась, — на эти вопросы она не могла бы ответить. Ее сознательная жизнь началась на метеоре, когда она была уже зрелой женщиной. Умственная деятельность зависит исключительно от памяти. А воспоминания Ноны о времени до нашей встречи, были смутны и расплывчаты. Возможно, что человеческая память может существовать только там, где существует разговорный язык или социальное общение. Не знаю. Даже ваши отшельники не были полными молчаливками.

Другие жители метеора.

Такова была Нона. Как я сказал, мы жили в нашей пещере и любили друг друга — два единственные человеческие существа в нашем мире. Но это было заблуждение, как вы скоро увидите. Там, на нашем маленьком метеоре жили тысячи других — правда, не похожих на нас, но все-таки «человекоподобных» существ. Но в то время мы этого еще не знали.

Время шло. Как долго это длилось, не могу сказать. Месяц, пять месяцев, может быть. Время неуловимо, как ветер, в чем вы очень скоро убедитесь, если будете жить в полусумраке, есть, когда вам удастся достать пищу, спать, когда устанете, и если у вас не будет часов или какого-нибудь другого механического прибора для определения времени.

Много забот доставляла нам необходимость постоянно доставать и попол-

нять запасы пищи. Я упоминаю об этом, так как это обстоятельство было непосредственной причиной вскоре происшедшей необыкновенной перемены в нашем существовании. Однажды случилось так, что мне не удалось поймать ящерицы. Грибообразные растения, которые выращивала Нона, начали внушать мне отвращение. В поисках ящерицы я осмотрел все уголки нашей пещеры, все ее входы и выходы, и, ничего не добившись, вернулся обратно.

Нона развела огонь и сидела около него, осушая свои волосы. Плечи ее были мокрые: она только что вышла из ручья. Несколько раковин, или нечто похожее на них, лежало у ног ее.

— Посмотри! — торжествующе закричала она, — Их можно есть. Мой муж Нэмо может достать их. Их много в воде.

Я вскрыл одну из раковин и съел моллюска. Оказалось вкусно. Чтобы выразить мое одобрение, я поцеловал ее, и руки ее обвились вокруг моей шеи. Нона всегда была очень счастлива, когда я хвалил ее; казалось, она только и думала о том, чтобы заслужить мою похвалу. После того, как она приласкала меня, я встал.

— Как достать их? — спросил я. — Нона должна один раз показать мне, — тогда я буду массами собирать их, и мы будем их есть.

Вслед затем произошло нечто необыкновенное, то-есть то, что показалось бы необычайным вам здесь, на земле. Что касается меня, то в тот день, на метеоре, я испытал только страх. Нона повела меня в ручей, и мы глубоко погрузились в него. Мне приходилось купаться там, но никогда я не заходил так далеко. Нона, однако, иногда делала это. Теперь она повела меня вперед к тому месту, где вода уходила под низкий полукруглый проход в нашей пещере и углублялась в недра метеора.

Дно ручья под моими ногами постепенно начало понижаться. Вода вокруг меня становилась глубже — дошла до груди, до плеч, почти до шеи. Я испугался. Я старался вырваться из рук Ноны, которая влекла меня вперед. Волосы ее расплылись кругом по воде, как

золотистые морские водоросли. Под ее запрокинутым подбородком была молочно-белая вода.

Глаза ее нежно улыбались мне. — Нет, — сказала она. — Мой муж Нэмо никогда не может чувствовать страха.

Страх! Я не мог допустить, чтобы она заметила это. Я презрительно фыркнул, и мы пошли вперед.

Вода дошла мне до подбородка. Мы

рот ее был широко раскрыт; из него с бульканием выходили один за другим воздушные пузыри. Грудь ее равномерно и быстро расширялась и сжималась, повидимому, с большим напряжением, как у запыхавшегося человека. Она вдыхала воду.

II

Я молча пристально смотрел на Нону.

Мы стояли дрожа и следили за отверстием пещеры, откуда вырывалась струя дыма.

теперь были совершенно под землей—едва на фут от моей головы был потолок подземного прохода. Я мог различить впереди место, где потолок касался воды.

Внезапно я вспомнил о Ноне. Одной рукой она все еще держала меня, а другую вытянула, упираясь в боковую стену, чтобы помочь нам бороться со слабым течением, увлекавшим нас вперед.

Вода теперь достигала почти верхушки ее головы. Я мог рассмотреть ее лицо под поверхностью воды. Круглый

Все меньше воздушных пузырей показывалось у нее изо рта, пока, наконец, они совершенно перестали появляться. Воздух из ее легких совершенно был вытеснен; его заменила вода. Открытым ртом она втягивала и выпускала воду—быстрое дыхание до крайнего предела напрягало межреберные мускулы.

Нона улыбалась мне из-под воды, которая была теперь не молочно-белой, а странно светлой и прозрачной. Я почувствовал, как она потянула меня за руку; я ступил вперед, и лицо мое погрузилось в воду.

Каково бы ни было мое прежнее существование, несомненно ничего подобного мне не приходилось испытывать. Инстинктивно я удерживал дыхание, пока только мог. Я старался вырваться от Ноны и высунуть голову из воды. Но она удерживала меня; и страх мой, как бы она не заметила, что я боюсь, был сильнее страха перед водой.

Вместо воздуха — вода.

Наконец, задержанное дыхание с шумом вырвалось из моего рта. Затем, в отчаянии я вдохнул глоток воды и едва не задохнулся. Я попробовал кашлянуть, но не мог или, вернее, кашель превратился в выдох.

В ушах у меня шумело, как будто мимо них быстро неслись потоки вашего водопада Ниагара. Голова моя и грудь разрывались на части; сначала их охватило ледяным холодом, затем они горели, как огонь. Глаза мои были открыты. Я стоял около Ноны, и она смотрела на меня. В полусвете воды я мог видеть ее почти также отчетливо, как на воздухе. Она ободряюще улыбнулась мне, и я постарался ответить ей улыбкой.

Теперь я втягивал и выпускал воздух, широко раскрыв рот, как издыхающая рыба. Мускулы моей груди и диафрагмы мгновенно напряглись. Дыхание стоило мне страшных усилий. Казалось, что тяжесть в груди сдавливает мне сердце; внутреннее пламя как бы сжигало меня — миллионы воспаленных крохотных легочных проходов противились вторжению непривычного вещества.

Все кружилось перед моими глазами. Я потерял сознание от недостатка кислорода. Отравленная венозная кровь затуманила мой мозг.

Затем я стал чувствовать себя лучше. Я дышал уже почти также быстро, как Нона и далеко не с таким усилием, как раньше. Вы сомневаетесь? На том основании, что вы не можете дышать вашей земной водой, вы делаете вывод, что и я не мог дышать той водой, которая была на моем метеоре. Что за странная логика! Однако, все вы, жители Земли, мыслите таким образом. Это — недостаток вашего мышления, ду-

маю я, поэтому я должен попытаться разъяснить вам, в чем дело.

Дыханием достигается два существенных обстоятельства. Во-первых: в организм вводится кислород, при содействии которого вещества, получающиеся от разложения мускулов, нервных и иных тканей, могут превращаться в легко удаляемый состав. Во-вторых: непосредственно удаляется самый вредный и потому самый важный из этих испорченных веществ — углекислый газ.

У человека, насколько вы изучали его на земле, это совершается при помощи легких. Венозная кровь, испорченная углекислым газом и другими вредными веществами, нуждаясь в новом притоке кислорода и в удалении углекислого газа, проталкивается сердцем через легкие. Они по своему строению представляют собой огромный внутренний орган, по поверхности покрытый сетью сосудов, через которую бесчисленными мельчайшими струями протекает кровь.

При дыхании вдыхаемый воздух отделяется от крови только необычайно тонкой пленкой, толщиной меньше, чем в $\frac{1}{20 \cdot 000}$ дюйма. Сквозь эту пленку кровь поглощает кислород из воздуха, возвращая взамен воздуху вредный углекислый газ.

Таков основной процесс вашего организма, жители Земли. Что же касается ваших земных рыб, то, позвольте заметить, тут маленькая, но существенная разница. Кровь в их жабрах на самом деле прикасается с постоянно меняющимся потоком воды. Но рыбы не получают кислород из воды каким-то таинственным способом. Вы думали, что из воды? Они получают кислород не из воды, а из воздуха, — из воздуха, растворенного в воде.

Но вы на земле не можете дышать вашей водой по двум причинам. Во-первых, ваши легочные пути слишком малы, чтобы вместить такое тяжелое, я бы сказал, столь мало летучее, вещество, как ваша земная вода. Во-вторых, в вашей воде пропорция воздуха недостаточна.

На моем метеоре оба эти условия были иные. Вы спросите, пожалуй, такие ли у меня легкие, как у вас. Ду-

маю, что да, но точно не знаю. После моей смерти вы, жители Земли, узнаете это, так как я завещал мое тело вашим ученым.

Почему это было возможно.

Но я знаю одно: вода на моем метеоре значительно отличалась от той воды, к которой вы привыкли. Я уже говорил, что она была прозрачная и неплотная. Точнее говоря, я считал, что на вашей Земле она имела бы удельный вес не более 0,18, принимая вес вашей воды за 1.

Позвольте объяснить вам это подробнее. Незначительный удельный вес этой воды по сравнению с вашей объясняется, главным образом, большим количеством содержания воздуха в ней. Одним словом, она была сильно насыщена воздухом, больше чем ваша земная вода; пропорция его доходила до одной одиннадцатой. Поэтому, легким моим необходима была только одна одиннадцатая часть той воды, чтобы получить нужный кислород. На Земле нормальное дыхание у вас бывает различно; в среднем можно считать, что у здорового взрослого человека от шестнадцати до двадцати дыханий в минуту. В той воде я дышал приблизительно восемнадцать раз в минуту.

Не знаю, сколько времени я стоял там под водой с Ноной, пока я понемногу стал приходить в себя. Но постепенно жжение в груди и чувство тяжести на сердце прошли. Мозг мой прояснился. Я с любопытством осмотрелся кругом. Вода была замечательно светлая и прозрачная. Казалось, она была пронизана рассеянным фосфорическим светом.

Мы сделали несколько шагов вперед и еще ниже спустились в воду. Под моими ногами была песчаная почва. Направо и налево скалистые стены подводного тоннеля. Передо мной расстилалась водная масса, издали казавшаяся мутной, а невдалеке шел песчаный спуск, похожий на вьющуюся по холму дорогу.

Все это в неясных, легких контурах. Волосы Ноны расплылись и поднялись вверх. Исчезла свобода движений, к которой мы привыкли на воздухе. Мы бы-

ли связаны в своих движениях сопротивлением воды. Но это было совершенно непохоже на сопротивление вашей воды. Вернее, это больше походило на то, что испытываете вы передвигаясь по земле. Часто теперь, когда здесь, на Земле, стоят гнетущие, туманные дни, я вспоминаю об этом ощущении.

Я очень тщательно и подробно описываю все, что я испытал тогда. Скоро вы поймете, почему: вы увидите, что, благодаря этому опыту, нам — мне и Ноне — удалось спасти свою жизнь и начать совершенно новое существование.

Прошло время, предназначенное для сна, и тогда нас застигла врасплох катастрофа на нашем маленьком метеоре.

III

Мы набрали моллюсков и с трудом вернулись обратно, поднявшись к тому месту, где вода была не глубока. На берегу я лег, кашляя, тяжело дыша и стараясь выпустить из легких оставшуюся там воду и набрать вместо нее воздух. Выйдя из воды, я чувствовал себя хуже, чем когда входил в нее. Нона которой, повидимому, приходилось уже проделывать это несколько раз, пришла в себя скорее, чем я.

Пока я лежал, едва переводя дыхание, она зажгла огонь. Оба камня, которые она терла друг о друга, мгновенно загорелись тихим, сернистым пламенем; показался небольшой дымок, который разнесло по пещере легким сквозным ветерком. Затем, когда эти камни разгорелись, она подбросила другие, которые стали пылать, как угли.

Мы поели, и я снова улегся на наше ложе, а Нона села около меня. Я дремал, вспоминая о том, что мне только что пришлось пережить и размышлял, каким образом доставать побольше такой пищи из воды.

Пожар.

Я проснулся от ощущения гари и дыма. Кашляя, я приподнялся и потянул Нону за волосы, чтобы разбудить ее.

Пещера была полна дыма. Около меня было что-то вроде огненной пропасти. Оттуда шел нестерпимый жар. Я

подтолкнул Нону в воздух, подпрыгнул и поплыл за ней.

Мы остановились посреди пещеры, дрожа от страха, смотря на красное огненное чудовище, которое пожирало пол пещеры, образуя в нем пропасть.

Нона забыла потушить огонь после нашего ужина. Скалы пещеры загорелись. Огонь стал пробивать себе дорогу вниз, как это бывает у вас на Земле, когда пламя уничтожает пласты угля, углубляясь в недра земли.

В то время Нона и я не поняли, что происходит. Мы знали только одно, что красное огненное чудовище вырвалось на волю, и мы испугались его. Из берлоги этого чудовища вытягивались синие и красные огненные языки; даже стоя посреди пещеры, мы задыхались от его пышущего жаром, ядовитого дыхания.

Бездействие мое продолжалось только минуту. Приказав Ноне держаться в стороне, я попробовал бросать комки грязи в небольшое отверстие кратера.

Но грязь не действовала. Вы говорите, что я мог бы погасить огонь водой? Правда, я мог бы, хотя теперь я думаю, что быстро испаряющаяся, сильно насыщенная воздухом, вода мало помогла бы.

Я не пробовал тушить водой. Я не знал, что огонь и вода — истонные враги. Не знала и Нона. Как мы могли знать это? Разве только случайно мы могли открыть это, но такого случая у нас не было.

Нона закричала, призывая меня, и я оставил свои напрасные попытки. Воздух в пещере становился почти невыносим для дыхания, и по инстинкту, свойственному попавшим в подземную ловушку животным, мы выкарабкались через проход на поверхность метеора.

Была ночь, и серебристый Сатурн заполнял небо. Мы стояли дрожа, и следили за отверстием пещеры, откуда вырывалась теперь струя дыма. Там гибло наше жилище; им овладело огненное чудовище, и мы не могли войти туда и освободить его из огненных красных лап.

Мы так никогда и не вошли больше в пещеру. Дни и ночи быстро сменялись на нашем метеоре, а мы все стояли

и следили, беспомощные, за пещерой и за пожаром.

Огонь уже распространился по поверхности. Теперь я понимаю, что он прокладывал себе путь и вниз, и вверх, пока вся окрестность около пещеры не запылала и не стали плавиться одна за другой металлические скалы.

Вся почва вокруг отверстия пещеры провалилась скоро внутрь. На месте пещеры образовался пылающий кратер, бездонная пропасть, откуда вырывались языки грозного пламени с черным дымом, и снизу слышалось шипение пара.

Наконец, мы взлетели вверх, плывя по воздуху над нашим маленьким метеором, пока не нашли убежища на его противоположном полушарии. Там не было следов пожара, не видно было огня. Мы обрадовались и успокоились. Мы хотели найти другую пещеру, другую реку и заново устроить себе жилище.

Мы оба были голодны. Я поймал ящерицу, и мы съели ее не вареную, ибо оба мы очень боялись снова выпустить на волю чудовище, которое едва не погубило нас.

Затем мы заснули; и когда прошли два коротких дня и две коротких ночи нашего метеора. Сатурн зашел за горизонт, уступая место забрезжившему солнечному свету, мы снова принялись за поиски новой пещеры.

Никакой пещеры мы не могли найти. Но вода там была. Река в несколько сот ярдов шириной выходила из-под земли и широко, не глубоким потоком устремлялась к горизонту. Мы прошли вдоль нее до небольшой группы холмов, где она стремительным течением исчезала в отверстии скалы, углубляясь вниз.

Новое жилище.

Здесь решили мы устроить себе жилище. Вдоль реки росли синие камыши. Нона нарвала их, чтобы высушить и сплести ткани для нашего ложа.

Однажды я полетел посмотреть на пожарище. Я не мог совсем приблизиться к нему, ибо задыхался от дыма. Пожар, казалось, догорал. Тусклое пламя, по временам ярко вспыхивающее, было окутано тяжелым облаком дыма

которое неподвижно висело в тихом воздухе.

Я вернулся к Ноне.

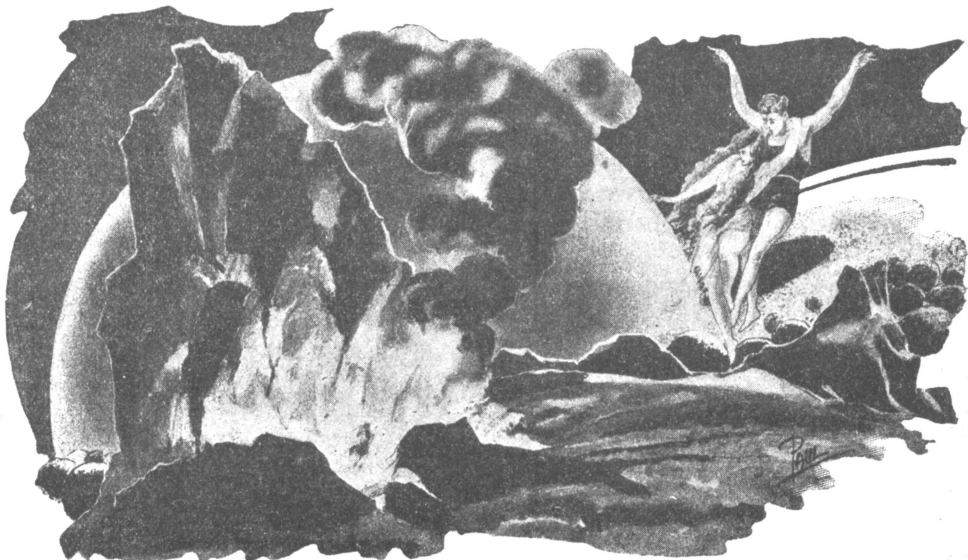
— Огненное чудовище издыхает, — сказал я, — но оно поглотило нашу пещеру.

Оба мы были довольны, что оно издыхает.

Теперь я знаю, что произошло. Огонь стал затихать за недостатком свежего воздуха, чтобы поддержать горение. Ес-

Дым был едва заметен, виден был лишь синеватый туман. Но мы, казалось, задыхались в этом воздухе. То было ядовитое дыхание огненного чудовища, которое старалось отравить нас.

Чтобы спастись от него, мы пытались уйти куда-нибудь. Но мы уже находились на противоположной от него стороне метеора, и по какому бы направлению мы не двинулись, мы неизбежно приблизились бы к нему.

Красно-желтое тусклое солнце было застлано ядовитым туманом...

ли бы был хотя какой-нибудь ветер, я не сомневаюсь, что загорелась бы вся поверхность метеора.

Тем не менее, почти столь же большая опасность угрожала нам, и теперь мы были озабочены тем, чтобы избежать ее. Дымящийся, затухающий огонь все время порождал громадное количество газов. Даже без всякого ветра они сами собою расходились по всей атмосфере метеора; ведь он был так мал, такой тонкий слой воздуха был вокруг него — бесконечно малая часть той воздушной атмосферы, которая окружает нашу Землю.

Вскоре весь воздух был отравлен ядовитыми испарениями полупотухшего пожара.

Целый день мы плохо чувствовали себя. Затем мы стали беспокоиться.

Кроме верхнего направления, мы старались подняться на большую высоту. Воздух там был чище, но реже, и мы не могли бы прожить в нем долгое время. Мы не могли также бесконечно держаться на такой высоте, не говоря уже о том, что не могли же мы там спать и есть.

В отчаянии мы попробовали уплыть с метеора в пространство. Но недостаток годного для дыхания воздуха скоро заставил нас спуститься вниз.

В ту ночь был легкий ветер. Дыхание огненного чудовища донеслось из-за горизонта, и его губительное дуновение повеяло на нас. Мы проснулись, задышав. Был день, и небольшое красно-желтое тусклое солнце было застлано ядовитым туманом, который окутал нас.

Нона плакала. Но вдруг я торжествующе засмеялся, ибо понял, что огненное члвдище не будет в состоянии повредить нам. Мы лежали на берегу реки. Я схватил Нону на руки и, очертя голову, бросил ее в воду. И за нею погрузился сам. Вода в том месте была глубока, — вероятно, футов тридцать глубиною, по вашему земному измерению. Распластав руки, мы, как камни, опустились на дно реки.

IV

Теперь я дышал водой совершенно нормально. Конечно, после вредного воздуха, от которого мы так долго страдали, вода показалась нам почти облегчением. Руки Ноны обвилились вокруг моей шеи; я рознял их, но она выпилась в мою руку. Мы оба старались стать прямо.

Дно реки было, повидимому, песчаное. Но мы не могли удержаться на ногах. В воде было пусто — я хочу сказать этим, что там не было морской растительности — не было ничего, за что мы могли бы уцепиться руками. А сзади течение мягко, но неудержимо уносило нас вперед.

Скоро я убедился, что мы можем нормально плыть в стоячем положении. Мы держались на кончиках пальцев, изредка касаясь земли; нас уносило, как перья, подхваченные легким ветром. Картина вокруг нас напоминала теперь туманный серый день в какой-нибудь вашей земной пустыне; лучшего сравнения я не могу придумать. Почва представляла собою волнистую поверхность серого песка, с одной стороны поднимающуюся вверх, а спереди с неизменным уклоном вниз. И нас уносило по этому уклону. Вы спрашиваете, почему мы не плыли? Ни мне, ни Ноне, не приходилось еще никогда плавать в воде! Мы были охвачены страхом; мы вцепились друг в друга, стараясь держаться прямо. Очень скоро свет сверху стал слабеть. Вместо него другой свет — рассеянный, присущий самой воде — стал ярче. Нас понесло вперед гораздо быстрее и по значительно более крутому склону. Теперь я знаю, что это произошло потому, что

река углубилась в отверстие скалы и превратилась в подземную.

Как далеко увлекло нас, не знаю. Может быть на расстояние одной мили, или больше. Казалось теперь, что скалистые утесы обступили нас со всех сторон; мы очутились как бы в круто спускающемся проходе, и сильнейший ветер гнал нас через него.

Затем, должно быть, мы очутились в конце прохода. Перед нами расстилалось широкое водное пространство. На некотором расстоянии были расположены холмы, а между ними и нами ровное морское дно.

Длинные стволы растений тонкой спиралью тянулись по воде вверх — так высоко, что я не мог видеть их верхушек — уходя корнями вниз, раскинув в высоте ветви, с которых свисали большие воздушные пузыри, — все эти растения плавно покачивались из стороны в сторону. На некоторых из них было нечто такое, что вы, пожалуй, назвали бы фруктами.

Подводное жилище.

Зрелище было странное, но прекрасное и полное мира и покоя. Так вот оно наше новое убежище, наш новый мир! И насколько он лучше, насколько гостеприимнее того мира, который мы покинули! Сердце мое наполнилось гордым чувством, когда я, стоя рядом со своей подругой, обозревал наши новые владения.

Маленькое живое существо, тонкое и длинное, помахивая плоским хвостом, пронеслось прямо мимо нас. Я неловко схватил его, оно вырвалось от меня и поплыло дальше.

На песке под нашими ногами были живые существа в раковинах. Я схватил одну из них, съел и позвал Нону.

Звуки? Здесь, внизу, было очень тихо и покойно, но не совсем так, как на поверхности метеора. Звук моего голоса дошел до Ноны. Конечно, здесь, в воде, звуки разносились очень далеко, хотя несколько заглушенно и неясно.

Насытившись моллюсками, ягодами и фруктами, мы легли с Ноной на песок, и ее волосы расплылись вокруг нас. Мы находились под навесом небольшой группы папортников, которые раскину-

лись над нами, как ветви деревьев. Я вцепился ногами в них, чтобы нас как нибудь не унесло течением, и Нона ухватилась за меня.

Тут предполагали мы остаться и устроить себе жилище.

V

Не знаю, долго ли мы спали. Разбу-

Существа продолжали приближаться. Скоро я увидел, что они держатся прямо, идут по песку, как бы гуляя, медленно, но не останавливаясь. Я думал, что они не видят нас. Нона и я лежали, притаившись, только сердца наши стучали от страха. Скоро существа приблизись настолько, что я мог подробно рассмотреть их. Они, повидимому, при-

Живые существа приближались
к нам по морскому дну...

дила меня Нона; она трясла меня за руку и взволнованно шептала мне.

— Что? — спросил я, но она заставила меня замолчать. Она указывала на что-то дрожащей рукой. Я посмотрел, что это такое. На расстоянии, пожалуй, полумили от нас, на песчаных холмах, я различил движущиеся фигуры. Живые существа приближались к нам по морскому дну.

Я быстро вскочил. Живые существа! Я поймаю одно из них, убью, и мы съедем его.

Но когда они стали подходить ближе, я увидел, что каждое из них почти такого же размера, как мы сами, и что было их десять или больше. Я задрожал, и мы с Ноной попятнулись назад в тростники, чтобы укрыться.

надлежали к человеческой породе, как и мы, и по общему строению были похожи на нас.

Я тогда же назвал их мариноидами — не все ли равно, какое имя дать им? Самцы — или не лучше ли назвать их мужчинами? — были ростом футов в пять. Тела их были бледно-розовые, гладкие с лоснящейся кожей. Они были одеты в грубую зеленоватую одежду, туго обтягивающую их. У них было по две ноги со ступнями, соединенными болтающейся перепонкой. Грудь у них была чрезмерно широка. У них было четыре руки, по две у каждого плеча. Руки их извивались в воде, как щупальцы осьминога. Руки оканчивались очень длинными и тонкими пальцами с большой клешней, как у краба.

Несмотря на все это, существа эти имели человеческое подобие. Головы у них были круглые и волосатые с двумя глазами, только слегка выпуклыми, с носом и со ртом, немного отличающимся от моего, только большего размера.

Женщины были несколько ниже ростом и более худые, чем мужчины, с длинными черными волосами, которые, расплывшись по воде, все время стояли дыбом.

Группа, приближавшаяся к нам, состояла из десяти существ — из них четыре женщины. Несмотря на их рост, и у мужчин, и у женщин был какой-то странный вид бессилия и хрупкости. Когда я понял это, я перестал бояться их. Глядя на них, мне казалось, что я могу раздавить их руками. Особенно грудь их казалась такой тонкой, она представляла собою раздувающуюся перепонку, которая необычайно быстро расширялась и сокращалась.

Внезапный восторг охватил меня, и я соображал, годятся ли эти существа для еды. Я прошептал об этом Ноне.

— Я могу поймать одного, — тихо сказал я.

— Подожди! — предостерегала она меня.

Мариноиды все продвигались по песку по направлению к нам, медленно ступая, иногда покачиваясь, так как при ходьбе им мешала перепонка, соединявшая их ноги. Руки их болтались вперед и назад. У большинства спины были согнуты и лица обращены вниз, как будто они всматривались в песок.

Должно быть, я слегка шевельнулся. Они заметили нас. Они увидели нас и сразу, повидимому, насторожились. Мужчины совещались, указывая на нас; женщины слегка укрывались за ними, как бы ища защиты. Я выпрямился, готовясь к нападению, несмотря на предостережение Ноны и на ее попытки удержать меня. Я хотел броситься на них, убить одного и приготовить из него пищу для нас. Это было бы роскошное пиршество — моя Нона была голодна.

Схватка.

Я выскочил вперед, мариноиды встре-

пенулись, или точнее говоря, вздрогнули. Мужчины крепче уперлись в землю; женщины поднялись вверх по воде, плывя на одном боку, размахивая перепонкой, соединявшей обе ноги, как большим рыбьим хвостом.

Один из мариноидов крикнул что-то. Я ясно мог различить его голос — повидимому, слова отрывистого приказа. Нона шла за мною, не отступая ни на шаг, готовая помочь мне в схватке.

— Скорей! — крикнул я. — Лови их, Нона!

Напрасно! Мариноиды одним прыжком набросились на нас так быстро, что мы не могли бы вырваться от них, если бы даже попытались. В одно мгновение они оказались над нами; я не успел ничего сделать, как они опрокинули меня на землю и с поразительной для их трехфутовых щупальцев силой охватили меня и стиснули.

Трое мужчин занялись мною, а двое держали Нону. Но они не пытались ранить нас, наоборот, они, казалось, избегали этого. Шестой мариноид — тот, который отдал приказ — быстро нарвал длинные, похожие на веревки, пучки растений. По его приказанию нас подняли на ноги. Женщины спустились на песок и с любопытством рассматривали нас, обмениваясь между собой непонятными для нас словами, но жесты их казались вполне разумными. Наконец, туго связали нам по бокам руки и повели нас по песку. Они вели нас вперед, из широкого песчаного пространства по направлению к дальним холмам.

Женщины плыли над нами; мужчины шли группой, подталкивая меня и Нону. Мы могли бы бежать быстрее их, и один раз вырвались вперед. Но они поплыли за нами и мгновенно поймали нас. И один из них сделал нам предостережение жестом, не оставлявшим никаких сомнений.

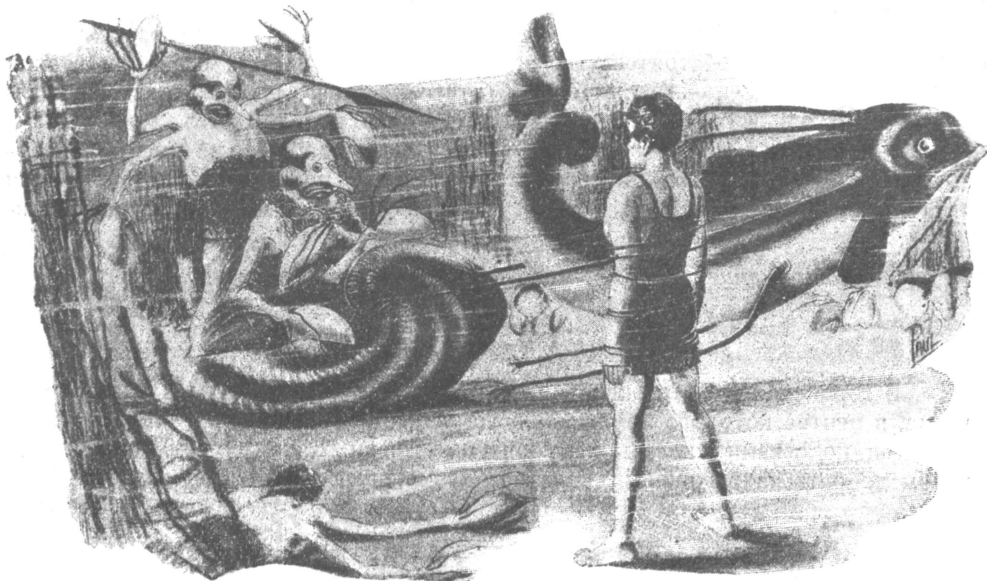
Скоро я увидел, чем была занята группа мариноидов прежде, чем встретила нас. Мы случайно прошли мимо больших корзин, повидимому, сплетенных из морских растений. В эти корзины они складывали собранные с морского дна раковины и моллюски, затем другие мариноиды убирали их и увозили

Все это я узнал потом; в то время ни я, ни Нона ничего не понимали.

По мере того, как мы продвигались вперед, вид вокруг нас постепенно менялся. Растительность становилась гуще, пока не превратилась в настоящий лес. И мы, казалось, шли по дороге, по прочищенной тропинке.

Внезапно я услышал крик впереди. Женщины мариноиды, которые плыли над нами, сразу опустились вниз. Пред-

Я недоумевающе таращил глаза на сердитое лицо стоящего в санях; и внезапно, разгневанный моей дерзостью, тем, что я продолжаю стоять, не оказывая должного уважения их вождю, он чем-то бросил в меня. Я увидел, как что-то выскочило из его руки, что-то длинное, тонкое и заостренное. Оно пронеслось по воде, как копьё по воздуху, и попало мне в голову, нанеся мне легкий удар.

Я недоумевающе таращил глаза на мариноидов, приехавших в раковине...

водитель нашей группы что-то сказал, и они все сошли с дороги, таща нас за собой.

Крик впереди стал громче. Что-то показалось издали, двигалось по направлению к нам нечто в роде саней, устроенных из огромной раковины. Повозка эта скользила по песчаной дороге, влекомая каким-то странным плывущим животным.

В санях сидели два мариноида — один высокий, другой ниже. Сани остановились рядом с нами. Тот из седоков, который был ниже, встал и громко закричал. И внезапно я понял, что он кричит на меня.

Мариноиды, захватившие нас в плен, лежали ничком на песке и заставили Нону лечь вместе с ними. Но в волнении, — ибо то был вождь их племени — они забыли обо мне.

Я упал на песок. Услышал крики около меня — кричала Нона. Затем я лишился чувств и потерял сознание.

Вы прочли мой рассказ о мариноидах — краткий очерк, и только очерк, ибо я старый человек, и память моя полна странными пробелами.

Один из ваших земных поэтов сказал: «Есть многое на свете, что не снилось и мудрецам» *). Как это верно. Вам, дышащим воздухом и живущим на Земле — на одной всего, и притом на мельчайшей планете из билиона билионов миров, наполняющих Вселенную, — вами не снится, что есть где-то другие живые существа.

Я рассказывая вам только простые факты, на сколько позволяет мне моя

*) Шекспир: «Гамлет».

слабеющая человеческая память. Я не жду, что вы поверите мне,—ваша жизнь слишком ограничена, ваш опыт — лишь бесконечно малая черточка обширного плана Природы. И хотя я во все не намерен порицать вас за то, что вы так ограничены, но я невольно улыбаюсь, когда думаю, сколько в вас гордости, самоуверенности и самонадеянности. — «Я не видел этого, — я не могу этого понять, — значит этого не может быть».

Я хочу только, чтобы вы усвоили в моем рассказе одно обстоятельство и подумали о нем. Я полагаю, что вы согласитесь с тем, что хотя и у Ноны, и у меня умственная жизнь находилась в то время лишь в зачаточном состоянии, нам был присущ разум, равный вашему.

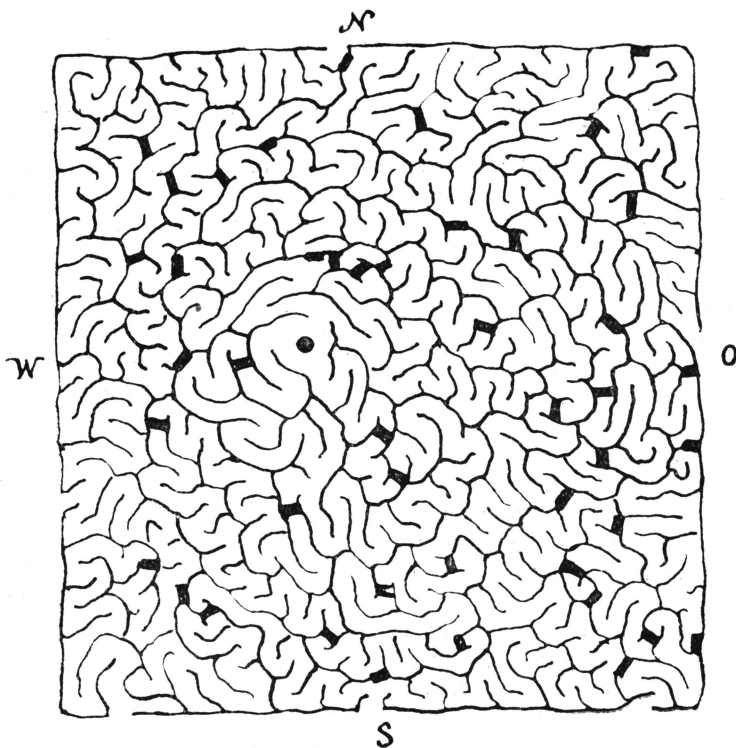
Позвольте вам заметить, что вы слишком высокого мнения о себе. Все-таки дело обстояло не так, будто я и Нона, разумные, высшие человеческие существа, попали в плен к странным морским животным, — подобно тому, как в ваших водах акулы могут схватить человека. Как раз, наоборот. Это мы были низшими человеческими существами; для мариноидов мы были какими-то неведомыми дикарями, вторгшимися в их мир.

Это не теоретическое рассуждение, это — факт. И так, если при чтении этого рассказа, вы остановитесь и задумаетесь над тем, что, может быть, вы и вам подобные, не имеют всеобъемлющего и первенствующего значения в Природе, — то цель моя будет достигнута.

Продолжение в следующем номере „Мира Приключений“.

ЗАДАЧА I.

В городе Хара-Хото экспедицией П. К. Козлова был найден план лабиринта, в центре которого помещались усыпальницы древних правителей края. Черными полосками указаны замурованные двери. Каким путем надо идти, чтобы добраться до гробницы, взломав наименьшее количество дверей?

Рассказ Н. Ивановича.

— Дело гражданина Волина.

Народный судья пошептался с заседателями и раскрыл папку.

С первой скамьи, как подброшенный пружиной, вскочил гражданин неопределенных лет, с застывшей на лице прищуренной улыбкой и, поманив пальчиком кого-то из зала, стал налево от судьи.

Вслед за ним из публики вальяжно выплыла полная дама с медно-красными буклями. Дама, поправив на ходу свои букли, стала позади гражданина, с явно невыполнимым намерением спрятаться за его тшедушную фигурку.

Из противоположного угла поднялся, нервно подергиваясь, бледный человек, лет 28. Он остановился по другую сторону судьи и немедленно, с сосредоточенным вниманием принялся разглядывать свою шляпенку — пыльную, бесформенную, какие часто попадают в мусорных кучах.

Судья наскоро пробежал бумаги.

Наступившая пауза, несомненно, являлась паузой переживания для всех троих.

Улыбающийся гражданин морщил свое лицо, все в мелких бороздках, похожее на географическую карту и в то же время, как нечто очень лакомое, добросовестно жевал свою остренькую бородку. Его фигурку облегал, бывший когда-то форменным, сюртук, засморканный и замусоленный, как кухаркин передник, с которого, однако, аккуратный владделец, в свободную минуту, слуднул две-три пушинки.

Притаившаяся позади него дама проворно облизывала неестественно яр-

кие, пухлые губы, осторожно сморкалась во что-то, спрятанное в муфте, — хотя было лето, — глубоко, с присвистом вздыхала и время от времени, ухватив себя одною рукой за прядку на виске, другою — ловко взбивала ее в пышный бутон.

Судья закончил просмотр дела и поднял глаза.

Все трое зашевелились.

Бледный человек отвел глаза, полные тоски, к раскрытому окну, откуда плыл убаюкивающий гул большого города.

Дама лишний раз взбила височки.

Гражданин в сюртуке переложил бородку в другой угол рта, обсосав с улыбкой образовавшийся на конце мышиный хвостик.

— Кто потерпевший? — спросил судья.

— Я, гражданин судья...

Бородка дружелюбно заулыбалась, ласково кивая суду.

— А вы — свидетельница? Где вы там прячетесь, гражданка? Станьте ближе. Ваша фамилия Күрицына?

— Күрїцына, господин судья. Күрїцына, а не Күрицына... К вашим услугам... Күрїцыны — очень старинная фамилия, — жеманно поправила дама, выступая вперед и слегка приседа.

— Злесь господ нет. Я — народный судья. А Күрицына или Курїцына — от этого ничего не изменится. Потрудитесь на время оставить зал.

— Извиняюсь...

— Не в эту дверь... — судья указал на другую дверь.

— Извиняюсь...

Дама, одной рукой подбадривая височки, а другой на отлете держа муфту, картинно удалилась.

— Потерпевший, ваша фамилия?

— Кутейников, Валериан Валерианович, 54-х лет, бывший чиновник департамента неокладных сборов, а ныне — пролетарий чистой воды, так сказать. Под судом и следствием не был...

— Не торопитесь. Женаты?

— Холост, так сказать.

— Где проживаете? Беспартийный?

— Стою на платформе советской власти.

— И в партии состоите?

— Не имею удовольствия, так сказать. Не по моей вине...

В публике послышались легкие смехи.

Оба заседателя, повидимому, рабочие, улыбались.

— Род занятий?—продолжал судья.

— Безработный, член союза соработников.

— А потому занялись торговлей? Какой же вы безработный?

— Относительно, так сказать, гражданин судья, — бисером рассыпался словоохотливый гражданин. — В виду стесненных материальных условий, вызванных предшествующим бурным периодом, я, так сказать, из соображений повседневного обихода, продаю иногда некоторые вещишки из домашнего скарба, на перекрестках улиц, так сказать...

— Говорите о деле, да покороче.

— В двух словах, гражданин судья, дабы не утомлять вашего внимания, так сказать...

Человечек глубокомысленно прищурился на оба глаза, географическая карта выступила рельефнее, губы заработали над мышинным хвостиком.

— Ну, как было дело?

— Исходя из вышеприведенных соображений, в день 5-го числа сего месяца я находился на углу проспекта Нахимсона и Кузнечного переулка. В этот достопамятный день, указанная топографическая точка города Петрограда, так сказать, кишмя-кишела многолюдною толпою. Публика аховая, за ней смотри в оба, того и гляди, что-ни-

будь утянет, так сказать. В оный день на руках у меня находился будильник женевской фабрики Генделя и Гелера, некоторые хирургические инструменты для зубохирургического употребления...

— Короче.

— ... и вот этот самый замечательный фотографический портрет, находящийся в данную минуту перед нами на столе. Сей гражданин в рыжем пальто, подошедши ко мне и справившись о цене, долго любовался совершенствами портрета. У Марии Петровны Курицыной, моей соседки по летучей лавочке, так сказать, в тот день были на руках некоторые драгоценные вещицы. Подошедший к ней покупатель отвлек наше внимание, так сказать...

— Короче. Ближе к делу.

— В двух словах, гражданин судья. Когда я повернул удивленные взоры, — замечательный портрет исчез, а с ним вместе — и гражданин в рыжем пальто, так сказать. Оглядевшись, я узрел их весьма примечательную шляпочку на другой стороне улицы и мы с Марией Петровной бросились за ними по кровавым следам, так сказать. Поймавши гражданина за рукав, я вытащил у него оное поличное из кармана вот этого самого рыжего пальто и вежливо пригласил товарища милиционера, так сказать. Мой рассказ окончен.

Кончив записывать, судья кивнул Кутейникову на бумагу:

— Подпишитесь.

Тот взял перо, тщательно вытер его об волосы, потом, обмакнув снова, обстоятельно расчеркнулся.

Судья обратился к обвиняемому:

— Ваша фамилия Волин?

— Да-с.

— Имя, отчество?

...Публика аховая, того и гляди что-нибудь утянет.

- Петр Петрович.
- Сколько лет?
- Двадцать девять.
- Женаты?
- Был-с.
- Что — был-с?

Волин откашлялся. Проглотил что-то мешающее говорить и пояснил:

— Был женат-с. Моя жена умерла полгода тому назад на острове Мальте.

— Мальте? — удивленно переспросил судья.

— Да-с. На острове Мальте, в Средиземном море, от злокачественной лихорадки.

— Зачем это ее туда занесло?

Волин снова кашлянул в руку.

— Неправильно понятая обстановка-с... Мое личное безумие-с... И трусость...

— Что у вас все — эс да эс, — неприятно слушать. И неблагозвучно, — мягко заметил судья.

— Извините... От робости... И потом, картина страданий близкого человека сильно повлияла на мои нервы... Трудно владеть собой...

— Так, значит, и вы были вместе с вашей женой на Мальте?

— Был-с. И еще во многих местах.

— Когда вернулись в Советскую Республику?

— Три месяца.

Судья с любопытством оглядел путешественника. Тот потупился, покраснел, и принялся щипать шляпенку.

Судья почти ласково, без ударений, продолжал:

— Вы обвиняетесь гражданином Кутейниковым в том, что 5-го сего месяца, на улице, пытались присвоить себе вещь, принадлежащую последнему, а именно: женский фотографический портрет кабинетного формата, оправленный в слоновой кости раму и снабженный выпуклым стеклом с золотым ободом. Вот этот самый...

Судья повернул лицом к обвиняемому вещественное доказательство его вины. На Волина взглянула из изящной рамочки молоденькая, миловидная блондинка, со вздернутым носиком, кокетливо утонувшая в боа из перьев.

Обвиняемый побледнел еще более,

закрыв глаза и, чтобы не упасть оперся о конторку.

— Признаете себя виновным? — спросил судья после небольшой паузы.

Наступила новая пауза. Наконец, подсудимый медленно покачал головой и тихо ответил:

— Нет.

— Позовите свидетельницу.

Бородка гражданина Кутейникова ловко выскользнула из рта, он кому-то весело подмигнул, — не то судье, не то его молчаливым товарищам, — и бросился к двери.

— Мария Петровна, пожалуйста!

Вплыла свидетельница и сразу принялась за свои височки.

После обычных вопросов, судья спросил:

— Что вы можете сказать по этому делу?

Дама рассказала в общих чертах то, что уже было известно от потерпевшего, добавив в виде заключения:

— Глаз у меня молодой, зоркий, я первая заметила в толпе рыжее пальто и замечательную шляпу этого господина. Чтобы не дать ему скрыться, я схватила Валериана Валериановича за руку и увлекла его...

При последних словах дама почему-то смутилась и усерднее прежнего принялась за булки.

Обвиняемый стоял с закрытыми глазами, придерживаясь за конторку.

Гражданин Кутейников торжествующе жевал бородку.

Судья кончил записывать.

— Свидетельница, подпишитесь. Теперь можете сесть.

— Я схватила Валериана Валериановича за руку и увлекла его...

Г-жа Курицына с достоинством опустилась на скамью первого ряда.

— Обвиняемый, ваше последнее слово.

Волин молчал, тяжело дыша.

— Что же вы молчите? Признаете себя виновным в присвоении вещи, вам не принадлежащей?

— Не признаю. Эта вещь — моя собственность.

Бородка захихикала. Букли возмущенно фыркнули, взглядом апеллируя к публике.

— Каким образом, объяснитесь, — сказал судья.

Обвиняемый помялся, вытер испарину, выступившую на лбу, и громко почти выкрикнул.

— Это... Это портрет моей покойной жены.

Географическая карта на лице гражданина Кутейникова слиняла.

Судья поднял брови и переглянулся с заседателями.

— Чем вы это докажете? — спросил он.

Обвиняемый беспокойно задергался.

— Чем? Не знаю... Жена умерла... Мы уехали... Впрочем, на обороте карточки должна быть надпись: «Дорогому Пете на вечную память. Аня..».

Судья вынул фотографию из рамки, осмотрел и передал своим товаришам. Те тоже осмотрели.

— Что же, эта карточка была у вас похищена? — спросил судья.

— Нет. Она осталась в моей квартире.

— Когда вы ее там видели в последний раз?

— Осенью, 1917 года.

— А после этого?

— Меня не было в Петрограде. Я эмигрировал.

— Что же случилось с вашей квартирой?

— Не знаю. Я не справлялся... По возвращении я только... вечерами иногда... гулял мимо... Смотрел на окна, где мы... Где мы были когда-то... счастливы... — еле слышно закончил обвиняемый.

— Где помещалась эта ваша квартира?

— Загородный, 72-б, квартира 139. Судья справился в протоколе.

— Потерпевший также проживает по указанному адресу?

Гражданин Кутейников изящным жестом закрутил бородку:

— Совершенно верно, так сказать. Как пролетарий, не имеющий места жительства, вселен жилищным отделом в указанную бесхозную квартиру еще в 18-м году, так сказать. Однако, считаю уместным присовокупить, что оный портрет приобретен мною на рынке, за кровные средства, так сказать.

— Почему вы, гражданин Волин, избрали такой странный путь для получения портрета назад? — спросил судья.

— Не знаю... Приобрести иначе я не мог... Я не мог знать, каким путем портрет попал на рынок... Мне он бесконечно дорог, как воспоминание... Искушение было так велико... Я чувствовал, что делаю нехорошо, но не видел здесь преступления...

— Может быть вы объясните суду, что заставило вас оставить свою квартиру?

Волин сжал ладонями виски и быстро заговорил:

— Мы бросили все и уехали... Бежали... Зачем? Почему? Я задавал себе эти вопросы тысячу раз и не находжу на них ответа. Это было безумие. Паническое безумие. Ведь я ни перед кем, ни в чем не чувствовал себя виноватым! Мой род занятий самый мирный, — я дантист. Летом 1917 года только женился. И верьте мне, я боялся не переворота, а чего-то, что было незримо разлито в воздухе. Потребность куда-то бежать, спрятаться от чего-то неведомого, непостижимого, была выше моих сил. Мое безумие передалось и жене. Могу я, гражданин судья, остановиться на этом подробнее?

— Пожалуйста, говорите, — разрешил судья.

— На наше решение бежать — все равно куда — повлиял один незначительный случай. Мы шли с женой по улице, дело было еще почти днем. Из ворот одного дома, недалеко от нашей квартиры, с воплем выбежала какая-то растрепанная женщина. За ней гнался

— Это... это портрет моей покойной жены!

пьяный человек с ножом в руках. Женщина упала на панели и закричала еще пронзительнее. Человек с ножом повалился на нее. Рядом завизжала какая-то проходившая мимо дама. Улица огласилась безумными криками. С моей женой сделалась истерика... Случай, как видите, самый пустячный, но он решил наш отъезд из Петрограда. Наскоро собрав кое-какие ценные вещи, мы пробрались в Киев. Там обстановка была кошмарная. Мы бросились на Кавказ и угодили в самое пекло анархии. Началось сумасшедшее метание — с Кавказа на Волгу, оттуда — снова на Кавказ, затем в Туркестан, назад в Украину и, наконец, в Крым. Я не буду останавливаться на пережитых нами ужасах. Однако, самое ужасное было еще впереди. Мы очутились в Севастополе, где жили некоторое время, страшно нуждаясь. После поражения Врангеля, в Крыму все население, все живое охватило массовое помешательство. Это явление еще не исследовано, но это, без сомнения, худшее, что может постигнуть людей. В общей лавине безумия, когда люди рвали друг друга, как дикие звери, мы были втиснуты в какую-то пловучую зловонную клоаку и в угольном трюме, в условиях, не поддающихся описанию, добрались до Константинополя. Человеческий об-

раз нами был давно утрачен, мы понемногу теряли и человеческие чувства. Жизнь перешла в сплошной непробудный кошмар. Все, что можно было продать, мы продали и съели. Над нами висела голодная смерть, не знающая пощады. Я понемногу впадал в оцепенение и с тупым равнодушием ждал роковой развязки. Однажды жена вернулась поздно ночью и молча подала мне золотой. Я молча же одобрил ее поступок. Так продолжалось некоторое время, пока я не заболел нервным расстройством. Я не мог выходить на улицу: город представлялся моему расстроенному воображению чудовищным зверем, пожирающим живые человеческие существа. Жена решила увести меня из Константинополя. У ней нашлись какие-то знакомые греческие матросы и она уговорила их взять нас на пароход. Спрятанные в трюме, мы добрались до Салоник. Свое пребывание здесь я вспоминаю только отдельными просветами. Я бродил по городу, кланчил милостыню, изредка что-нибудь работал. Не пренебрегал и воровством, но только — съестного. Жена опускалась все ниже. Пошли частые, холодные дожди. Тогда мы целыми сутками, голодные и оборванные, сидели в дырявом сарае, куда тихонько забирались на ноч-

лег и, обнявшись, плакали. Я был болен душевно, жена заболела физически. У нее начались жестокие ознобы с сильными головными болями. Здесь судьба однажды улыбнулась нам. Роясь в разных отбросах в порту и подбирая арбузные корки, я поднял тряпку, в которой оказались деньги, — турецкие и греческие, — по русскому курсу рублей двести золотом. Первою мыслью было — вернуться в Россию, однако оттуда до нас доходили самые невероятные слухи. И мы побоялись. Жена говорила по-французски. В Алжир отправлялось одно состоятельное греческое семейство, из случайных знакомых, которое подало мысль жене попытать счастья в Алжире, обещая кое в чем помочь. Мы с радостью ухватились за эту мысль, хотя и были оба больны. Дорогой у жены выяснилась очень опасная форма какой-то злокачественной лихорадки и мы вынуждены были высадиться на Мальте.

Через неделю непрерывного бредового состояния, жена умерла у меня на руках. В тот же день я заболел острым нервным расстройством. Меня поместили в госпиталь Красного Креста. Оправившись немного, я вновь очутился на улице, уже один, без друга, без языка и почти без копейки, так как от моей находки уже ничего не осталось. Случайно, через соседа по койке в госпитале, я познакомился с одним русским, бывшим офицером царской армии, он плавал кочегаром на греческом угольщике. Судно шло в Грецию и я, за обед и ужин из матросского котла, устроился чем-то вроде помощника кочегара. Мой новый знакомый, как и я, всею душою рвался в

Россию. По предварительномуговору, мы покинули судно во время стоянки на острове Лемносе, где было много русских. Оттуда, с бывшими врангельцами, я добрался до России.

Рассказчик замолчал.

Судья тихо переговаривался с заседателями.

Кутейников задумчиво накручивал свою бородку на палец и, подавшись вперед, всматривался прищуренными глазками в жизнерадостное лицо портрета.

Публика в зале присмирела, находясь еще под впечатлением рассказа подсудимого.

Только свидетельница Курицына несколько нарушала тишину, громко сопя и сморкаясь в муфту.

Народный судья склонился к заседателям, тихо переговорил с ними, вскинул спокойные, умные глаза на обвиняемого и громко огласил приговор, окончив его словами:

— Гражданин Волин, вы свободны. Можете итти.

Обвиняемый медлил, как бы не доверяя своим ушам.

— Можете итти, — повторил судья.

Волин провел рукой по волосам, поклонился и, пошатываясь, направился к выходу.

Кутейников быстро протянул руку к портрету.

— Гражданин судья, вы разрешите, так сказать?

Судья еле заметно пожал плечами:

— Возьмите...

Потерпевший схватил портрет и догнал в дверях Волина:

— Молодой человек, вы забыли портретик, так сказать...

Рассказ В. Г. Левашова.

Бэзил Лешоу проснулся очень рано, в своей маленькой комнатке «от хозяйки». Спать не хотелось. Боледа слегка голова, и яркое мартовское солнце раздражало слишком горячим светом.

Лешоу быстро встал и также быстро оделся. На столе лежала записка, оставленная, видимо, с вечера (он пришел ночью и разделся, не зажигая огня): хозяйка в очень энергичных выражениях требовала плату за комнату. Он вздохнул: «начинается»... и, стараясь не шуметь, вышел на улицу. Было тепло и тихо, как бывает хорошим весенним утром. Пересчитав деньги, он быстро пошел в кафе, где рано утром собирались шоферы, извозчики, кондукторы, взял газету, заказал чай и уселся в дальний угол. Он любил этот ранний утренний час, когда город только просыпается, такой чистый, и газета пахнет свежей краской. Он привычным глазом пробежал первый лист и отложил газету, торопясь выпить первый глоток горячего чая.

Да. Его жизнь за последний год сложилась отвратительно. Небрежный вообще в денежных делах, он увлекся карточной игрой, и систематические проигрыши его быстро выбили из седла, погубили его, он растерял дела и не заметил, как наделал кучу долгов, после того как все, что могло быть продано, было продано.

Конец наступил быстро. Не было ни денег, ни вещей, ни заработка — остались крупные долги и неумолимые кредиторы. Потянулась тяжелая, не-

привычная жизнь: его преследовали кредиторы, хозяйка грозила выселением и пр. пр. Сколько оскорблений, презрительных суждений, притворных сожалений, стоящих пощечины. Весь день он бегал в поисках заработка и ночью-поздно, ночью-часто голодный пробирался к себе в комнату и, стараясь не шуметь, раздевался впотьмах и ложился измученный, злой. А утром нужно было уходить рано, чтобы избежать неприятных визитеров. И так изо-дня в день, изо-дня в день. А работы не было и приходилось прибегать к мелкому, унительному кредиту и не брезговать грошовым заработком. Ему нужна была передышка для спокойной работы, а ему не давали этой передышки. Нередко он собирался послать всех к черту и предоставить все своей судьбе... Ну, суд. Пусть! Неприятно, но зато сразу, решительно. Что-ж делать? Проиграл — плати. Но кредиторы не хотели суда и рассчитывали только на его заработки и сидели у него на шее. В конце концов, он не мог обвинять их: они хотели только получить свои деньги. Он вздохнул и снова взял газету. Большое объявление посредине текста привлекло его внимание:

«10.000 долларов

наличными немедленно выплачивается лицу, которое согласится спуститься с аэроплана (высота 1.000 — 1.500 метров) на спасательном аппарате, изобретенном инженером Матью».

Далее стоял адрес, куда следовало

сбратиться для переговоров и ознакомиться с условиями.

Лешоу улыбнулся: вот та сумма, которая устроит его. Она вернет ему возможность спокойной работы, поможет распутаться с долгами, словом — спасет его. А риск? Риск — жизнь. Вся, целиком, поставленная на одну карту. Слово «карта» вызвало представление об этих маленьких, блестящих кусках картона, с мягким шелестом падающих на зеленое сукно, и то непередаваемое ощущение, когда вскрывают карты, ударило, как вино, в голову.

— Крупная игра Бэзилъ, — пробормотал он. — Вздор, это не способ поправить дела, да к тому же, вероятно, желающих найдется не мало. Это не для него.

Он отбросил газету, но через секунду опять взял ее и еще раз перечитал объявление. Настроение было испорчено — он был отравлен этой газетой, и объявление влекло его к себе, как бездна. Цифра 10.000 мелькала перед ним, переплетаясь с его мыслями. Он встал и вышел, тут же, при входе, купил бессознательно газету и направился в городской сквер.

По существу, ему нужен был случай быстрого «обогащения», иначе, при сложившихся условиях, не выпутаться. Уехать? Нет и нет! Скрываться еще в худшей обстановке? Никогда!

Что собственно ему мешает рискнуть? Цена жизни? Ну, пожалуй, не это. Он страстно любил жизнь и ее радости, но по натуре был немного фаталист и... игрок. Может быть, жизнь приготовила для него крупную ставку, максимальную ставку в 10.000 долларов против жизни. Стоит сыграть!

Близкие? Он одинок.

Друзья? У него их не было с детства, а приятели не могли идти в счет.

Женщины? Ф-ф-фа! Их было слишком много в его жизни, этих прелестных цветов, то нежных, то ядовитых, но в этом случае они не могли влиять на его решение.

Но было что-то, что протестовало. Животный страх? Пожалуй! Но боль-

ше того — остатки свободной, разумной воли, не совсем утраченной в чад азарта и в чувстве отчаяния. Ум допускал потерю денег, чего угодно, но не жизни — это был слишком глупый способ поправить дела. Идя в этом направлении, можно было додуматься до преступления. Лешоу сидел, не отрывая глаз от газеты, как зачарованный. Потом быстро поднялся, сложил газету и решительно направился к выходу. И чтобы ни одна мысль не отвлекала его от принятого решения, он напевал вполголоса свое любимое:

«Любовь везде одна, как солнце».

Инженер Матью был высокий, представительный господин с уверенными, спокойными манерами.

— Сегодня, несмотря на ранний час, вы уже — третий, — сказал он Лешоу в своем маленьком кабинете. — Один был очень простой, какой-то чернорабочий, он полагал, вероятно, что ему придется быть только мертвым грузом, а второй... разочарованный субъект... ему нужна, видите ли, психическая встряска. Ни тот, ни другой не подошли. Мне нужен человек, который любит жизнь и хочет жить. Нужно, чтобы он, как я, понимает ли: как я, понял идею аппарата, поверил бы в него, как я сам, и чтобы у него не было другой мысли, другого желания, другой веры, как вера в успех моего дела. Ну, а теперь скажите, что побудило вас, интеллигентного человека, рисковать жизнью за сравнительно некую сумму...

Лешоу не колебался: он откровенно рассказал инженеру про свое положение, не скрыл своей страсти к азарту и, слегка волнуясь, просил Матью принять его кандидатуру.

Матью все время сочувственно кивал головой и вдруг, после минутного молчания, как-то утратил свой уверенный вид, ближе сел к Лешоу и, понизив голос, сказал:

— Вы — то, что мне нужно. Откровенность за откровенность. Я убил на это изобретение все свои деньги. Те деньги, что назначены в премию, —

мои последние деньги. Если опыт не удастся, я конченный человек, если удастся — я разбогатею. Может быть, вы скажете, что в этом случае лучше рискнуть самому. Я долго думал об этом и решил потому не пробовать самому, что я верю в успех. Это не логично, но это так. Вы поймете, если вдумаетесь. А теперь пройдем к аппарату и, если договоримся, кончим сейчас же.

Он повел Лешоу в соседнюю комнату и принялся объяснять ему устройство аппарата, который висел посреди комнаты на тонком тросе. Лешоу был человек с воображением и его заинтересовало простое и остроумное устройство аппарата. Он легко усвоил основную идею и обрадовал инженера Матью каким-то дельным замечанием. Они вернулись в кабинет.

Матью обнял Лешоу за талию.

— Это дело вам подойдет. Вы по натуре игрок и смотрите на это, как на крупную ставку. При неудаче — что!.. — Он пожал плечами. — Это будет только крупный проигрыш, только крупный проигрыш.

Лешоу криво улыбнулся.

— Это очень остроумно, мистер Матью, но я люблю сам разбираться в психологической оценке своих действий. Я притом, — он сделал хороший, широкий жест, — я, честное слово, верю в эту вашу штуку.

— Олрайт. Олрайт. Теперь об условиях: повторяю, в том или ином случае вы получаете 10.000 долларов наличными немедленно. В первом случае, вы получаете лично, во втором — деньги вручаются лицу или лицам по вашему предварительному указанию.

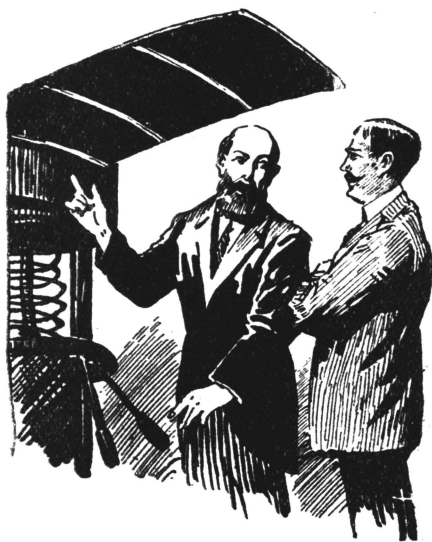
— По духовному завещанию... — не мог не улыбнуться Лешоу.

— Я предоставляю вам самим подыскивать надлежащую оценку вашим действиям, — отпарировал Матью, — я излагаю только условия.

— Один вопрос: эта сумма не может быть, по надлежащему иску, обращена на уплату претензий моих кредиторов?

— Мы устроим так, чтобы этого не было.

— Но по закону...

Инженер объяснял Лешоу устройство аппарата...

— Мой друг, я уверен, что на всем земном шаре нет такого остроумного закона, действие которого не парализовалось бы «обходом» более остроумным. Закон мало подвижен, и жизнь спережает закон — это аксиома. Я гарантирую полную неприкосновенность этих денег. Последнее условие: вы сходите по этому адресу к врачу, он должен установить, отвечает ли состояние вашего здоровья данному опыту. А завтра, в восемь вечера, — у меня. Мы кончили. Я останавливаю свой выбор на вас.

Они обменялись крепким рукопожатием, и Лешоу вышел.

Яркий, пронизанный золотом солнца день блистал всеми красками голубого неба, перламутром маленьких облаков.

— Итак, конечно! Он, Базиль Лешоу решил подвергнуть свою жизнь безумному риску. Возвращаться — поздно. *Le vin est tiré, il faut le boire!* Вино открыто, нужно его выпить! А доктор? Может быть, он не позволит опыта? Лешоу заглянул в адрес и зашагал к доктору, стараясь заглушить липкий животный страх, что копошился где-то глубоко.

— Все в порядке, — довольным тоном сказал доктор и точно захлопнул крышку.

Все в порядке! Значит, Лешоу летит. Значит... Значит ставка принята, остается открыть карты. И вдруг ему мучительно захотелось близости человека, близкого общностью идей, наклонностей и духовных привычек. Единственный человек мог бы только она — Ирэн Скрайф. Их связывала странная близость. Иногда они не виделись месяцами и, встречаясь, чувствовали громадную радость. Слово и жили только мечтой о встрече. Но как у нее для него, так и у него для нее любое время было свободно. Они уезжали за город, вечером, когда воздух тих, и звезды украшают синий плащ ночи; прижавшись друг к другу, сидели на палубе маленького речного парохода, и темная вода сердито плескалась около них; бродили часами по картинным галереям, или, повинувшись минутному капризу, заходили в храм и склоняли головы под звуки органа. А поздно ночью уезжали на окраину города, где оставались на одну недолгую ночь у старой Менни Ломм. Распаковывались закуски, хлопала пробка длинной бутылки, и так горячи были потом ее поцелуи. Ах, какая женщина Ирэн Скрайф! И никогда, никогда они не говорили о своей жизни, он не знал, что она и как она, она никогда не спрашивала его ни о чем. Им было хорошо вдвоем всегда, так стоит ли о чем спрашивать? Она так и говорила, смеясь:

— Ты меня любишь?

— Да, тысячу раз да...

— Я тебя тоже. Значит, нам больше совершенно не о чем разговаривать.

Он должен ее видеть. Случай исключительный, да к тому же он скучает без нее. Вот только, где бы достать хоть немного денег...

— Знаешь, Ирэн, не то, что у меня не было другого выхода, но я, по натуре, не терплю затяжной болезни, а тут через полчаса все выяснится... если не для меня, так для других, — добавил он после паузы.

Они сидели на скамейке одной из задних аллей городского сада. Лешоу

рассказал ей все спокойно, не рисуясь, не преуменьшая и не скрывая своего положения. Она слушала напряженно, только дрожь, пробегавшая по темным бровям, выдавала ее волнение.

Наступило молчание.

Ирэн сидела, опустив глаза. И вдруг по длинным ресницам скатилась слеза... другая. Лешоу задрожал: она любит его больше, чем он думал. И это молчание, и эти слезы сказали им больше тысячи фраз.

Она подняла голову и светло улыбнулась, смахнув слезы:

— Хорошо, Бэз, очень хорошо. Это в моем характере. Зубная боль лучше всего лечится хирургически. А ваши кредиторы? О, я придумала блестящую штучку. Она рассмеялась весело и немного злобно.

— В чем дело, Ирэн?

— Слушайте, Бэз. Вы должны заявить им всем, что вы идете на риск, на большой риск, но что они, во всяком случае, получают свои деньги. Но в том случае (она стала выбирать фразы), если им придется... если вы... ну, понимаете... если получить придется не от вас лично... они должны проводить нас... к месту вечного упокоения, и только тот получит деньги (она сжала его руки, прося прощения за резкую определенность фразы), — только тот получит деньги, кто понесет гроб, только тот, не иначе.

Это было чисто по-женски, ядовито.

— Ну зачем это, ведь, в конце концов, они хотят получить только свои деньги.

— Пусть так, но вы это сделаете. Это будет компенсацией, кроме удовольствия уплаченного долга.

Лешоу рассмеялся:

— Будет так, как вы хотите, только потому, что этого хотите вы. Не будем говорить больше об этом. День хорош, вечер обещает быть хорошим, все хорошо уже по одному тому, что вы со мною.

— Едем. У меня сегодня много денег. Ну, ну, не хмурьте ваши брови. Наши отношения выше этой мелочи. Молчи... молчи... — она положила ему

руку на губы и прижалась, заглядывая в глаза.

Никогда, кажется, они так не веселились, а ночью он вдруг опять почувствовал на своем лице ее крупные, горячие слезы.

Лешоу решил нигде не показываться до дня опытов, чтобы избежать праздных вопросов. Хозяйке он послал письмо, что он уезжает на неделю и, вернувшись, заплатит. Все кредиторы получили письма одинакового содержания: инженер Матью, по просьбе мистера Бэзиля Лешоу, сообщал, что он, Матью, принял предложение Лешоу, касающееся опыта за вознаграждение 10.000 долларов. Эта сумма (свободная от всяких посторонних претензий) будет выдана или мистру Лешоу, или лицам, по его указанию, причем в списке, находящемся уже у него, Матью, значится фамилия адресата, но в этом случае адресат должен (как неперемное условие получения денег) нести гроб с останками мистера Лешоу. «Очевидно (говорилось в письме), мистер Лешоу хотел дольше чувствовать около себя лиц, с которыми связывали его дела при жизни».

Письмо редактировала Ирэн Скрайф.

Потянулись дни крайнего напряжения. День Лешоу проводил с Матью, изучая аппарат и тренируясь для полета, бывал на аэродроме, совершил несколько подъемов, а вечером, у старой Мени Ломм, целовал прекрасные руки Ирэн, слушал ее веселую, остроумную болтовню и топил неумерший страх в сладкой отраве. Эти дни были самыми счастливыми во всей его жизни.

Испытание изобретения инженера Матью было публичное и привлекло массу народа. Еще бы! При «удаче» можно было видеть человеческую кровь, а это — лучшее из зрелищ для сытых.

Лешоу был на аэродроме с утра, но вышел только за полчаса до опыта. Когда он, бледный, с нахмуренными бровями, шел рядом с Матью, раздались рукоплескания, сильно смутившие обоих.

Ирэн махала ему платком...

В публике, допущенной к обзорную аппарату, Лешоу с чувством горького удовольствия увидел своих кредиторов: высокого Скриба, толстого, старого Натаниэльсона, маленького Грайна и еще три бесцветных личности. Он быстро подошел к Грайну, отвел его в сторону и сказал:

— Я подтверждаю, что вы все получите ваши деньги. Только сейчас прошу меня ни о чем не спрашивать. Мне нужно беречь нервы.

Тот молча пожал ему руку и отошел.

— Бэзил! — послышался невдалеке голос. Лешоу быстро оглянулся.

— Ирэн!

Они стояли, на секунду забыв окружающее.

— На всю жизнь! — прошелтала сна. — Живой или мертвый! For ever!

— Спасибо, Ирэн, за все, за все...

Он склонился к ее руке и быстро отошел.

Публику пригласили удалиться. Лешоу подошел к аэроплану и, пожав руки инженеру Матью и летчику, влез в гондолу. Он успел еще, когда аппарат дрогнул от движения пропеллера, послать в сторону махавшей ему платком Ирэн прощальный привет. В ответ послышались аплодисменты толпы, при чем энергичнее других аплодировали, кажется, кредиторы.

Аэроплан мягко отделился от земли и начал забирая высоту. Все происходящее было сном для Лешоу. Стоит

Раздался тысячеголовый рев толпы. Аппарат страшно качаясь, стал снижаться...

ему крикнуть и он проснется у себя дома или у старой Мени Ломм, рядом с Ирэн. И вдруг холод смерти, ужасной, страшной смерти, охватил все его существо. Долго сдерживаемый в тайниках мозга липкий страх вырвался и закричал голосом убиваемого зверя: «Не хочу! Не хочу!» На секунду сознание перестало существовать для Лешоу. Придя в себя, он закусил до крови губу, сжал кулаки: «к чорту!» — крикнул он куда-то внутрь.

Аэроплан был уже на высоте 1.500 метров.

По заданию, Лешоу должен был проделать следующее: по сигналу летчика, он должен был спуститься в аппарат, примонтированный внизу аэроплана, затем, сидя в нем, он должен был освободить аппарат от аэроплана, после чего первому предоставлялось падать с Лешоу вниз. Аппарат был сконструирован не по идее парашюта, а по идее противодействия силе падения силы горизонтального движения. Он приводился в движение мощной дружиной, составляющей главное в изобретении Матью. Таким образом, тогда как парашют, не раскрывавшийся в известный момент, обрекал пассажира на верную гибель, аппарат Матью позволял пользоваться им хотя бы в 10 саженях от земли, парализуя силу падения силой горизонтального движения. В дальнейшем имелось ввиду сконструировать аппарат наиболее компактным.

Лешоу повторял слова Матью: правая рука должна держать рычаг А го-

ризонтального движения; не выпускайте его ни в коем случае: в нем ваша жизнь. Лево́й рукой, после освобождения аппарата, усильте нагрузку на рычаг А. Вам понадобится значительная сила для этого рычага. Когда перейдете в горизонталь, нажмите лево́й рукой рычаг В спирали, правую же не отпускайте: пусть ваша рука прирастет к рычагу горизонтального движения: в нем ваша жизнь и мой успех.

Теперь Лешоу не спускал глаз с летчика. Сердце его билось и по лицу катился пот, хотя тело стыло от холода. Летчик поднял руку. Лешоу осторожно спустился в аппарат. Он сразу почувствовал себя повешенным на тонкой нитке над бездной. Внизу была тишина и, если бы не движение отдельных групп, можно было бы подумать, что площадь безлюдна.

С минуту Лешоу смотрел вниз, потом взглянул на солнце, глубоко вдохнул воздух, крепко взялся за рычаг и вдруг, решительно нажав рычаг спуска, ринулся в бездну...

Тот, кто видел спуск парашюта, знает, что первое впечатление — впечатление падения. Это длится мгновение, затем парашют развевается и очень медленно опускается к земле. Здесь было не так: застывшая в ожидании публика видела, как от аэроплана, продолжавшего свой путь в облаках, отделилась какая-то точка и стремительно понеслась к земле. Остановить падение зависело от пассажира, и поэтому толпа, видя, что аппарат все падает и уже находится в последней четверти своего расстояния, решила, что гибель неизбежна. Над аэродромом раздался тысячеголовый рев, и все опять стихло... И вдруг... аппарат как бы ударился о воздух, его отбросило в сторону, по обе стороны выскочили две лопасти и аппарат, страшно качаясь, стал кружиться по громадной спирали, снижаясь к земле.

Инженер Матью, бледный, утративший свою солидность и спокойный вид, радостно крича, бежал к аппарату, где, не выпуская рычагов из рук, сидел Бэзил Лешоу.

Он был в глубоком обмороке.

Публика давно разошлась с аэродрома. Около конторы видна кучка людей, оживленно жестикулирующих: это кредиторы Лешоу. Он сам сидит вдвоем с инженером Матью в конторе. Матью передал ему пачку денег и жмет руку.

— Все блестяще... вы не растерялись, вы спасли себе жизнь и мне репутацию. Я буду рад видеть вас постоянным моим сотрудником. О! Работы много впереди!..

Курьер просунул голову в дверь и пропищал:

— Письмо мистеру Лешоу...

Матью предупредительно передает записку: «жду у Мени Ломм». Это — Ирэн.

Лешоу слабо улыбается. У него странное состояние ужасной усталости: вот лег бы сейчас и спал долго, долго, и чтобы снов не было, а так — нирвана, небытие.

А Матью что-то говорит, а за дверью ждут кредиторы, корреспонденты пяти газет, а у старой Мени Ломм ждет Ирэн, милая Ирэн.

Нужно было выйти из этого состояния безразличия и не было сил. Помог случай: в дверь просунулась голова курьера, и он пропищал:

— Господа, ожидающие мистера Лешоу, просят напомнить о себе. Они беспокоятся.

Лешоу вздрогнул, как от удара: они беспокоятся, они боятся, что я удеру через окно с этими деньгами, купленными такой ценой. Они беспокоятся? Ну, пусть побеспокоятся побольше! Он вскочил и заходил по комнате. Перед ним промелькнула его жизнь последнего года: как он нуждался, а его преследовали, сделали адом его жизнь. Конечно! У него теперь деньги здесь, с ним, в кармане. С ними он начнет работать. И только из дела он уплатит долги, не раньше. А пока—ни копейки, ни гроша; они теперь замолчат, они знают, что получают свое. А теперь — к чорту, ни гроша! Он чувствовал неуверительность этих внутренних доводов и тем более раздражался. Он возьмет деньги, поедет сейчас к Ирэн,

— Господа, ожидающие м-ра Лешоу, просят напомнить о себе. Они беспокоятся.

покажет ей все, а потом он будет работать и уплатит долги. И чтоб не думали, что он так жаден до денег, он завтра поедет в клуб, пусть увидят, как играет Бэзил Лешоу. А сейчас отдать эти деньги, цену его жизни — он не может, не может. Пусть его судят, вешают, этих денег он отдать не может.

Матью, тревожно следивший за Лешоу, спросил:

— Мой друг, может быть, я могу вам чем-нибудь быть полезным?

Лешоу круто обернулся:

— Да. Вы можете очень выручить меня. Скажите... там... этим господам, моим кредиторам, чтобы они... убирались к чорту. Да... да, — подтвердил он, заметив недоумевающий вид Матью, — скажите, что сейчас я не в силах говорить. На-днях каждый получит свое.

Он проводил глазами Матью и стал одеваться. Образ Ирэн побледнел, и перед глазами носились маленькие кусочки картона, мягко падающие на зеленое поле.

А у подъезда медленно расходилась кучка людей, огорошенных, разочарованных, оскорбленных.

И еще больше усилило общее раздражение фраза старого Натаниэльсона:

— Я говорил, что для нас было бы выгоднее, если бы он разбился!..

РАССКАЗ Бен Еймес Вилльямс. С английского пер. Ф Ньютона

Брейд работал с медлительной кропотливостью. У него были способности к механике и всякие подобные приспособления всегда интересовали его. Лиса повадилась красть у него кур, и он теперь прилаживал к ружью особую пружину, чтоб убить хищницу.

Первое похищение было совершено несколько дней тому назад. В продолжение дня куры разгуливали в маленьком дворике, огороженном проволокой, а на ночь уходили, по обыкновению, в курятник. Брейд никогда не утруждал себя их запирасть. Но, однажды, утром, он заметил отверстие между проволоками, а также нашел несколько белых перьев и следы лисицы на мягкой земле загона. Одна из его кур исчезла.

Эту ночь и следующую он, перед тем, как пойти спать, вышел и запер дверь курятника, но там у двери не было порога, и, несколько дней спустя, он обнаружил снова, что лиса побывала во дворе, прорыла себе дорогу под дверью и похитила еще курицу. Брейд окопал дверь, сделав толстую насыпь. В курятнике имелось окно, но Брейду не пришло в голову позаботиться о том, чтоб оно было закрыто. Окно было в трех—четыре футах от земли. Оно висело на петлях и открывалось сверху вниз. Спустя некоторое время, мародер вернулся снова, толкнул окно, спустился на ящики, служащие гнездами, и задавил третью курицу. На счастье лисицы, окно не закрылось плотно; она была в состоянии поднять его носом и удрать.

Брейд по натуре был человек кроткий, и он подумал, что лисе, вероятно, было трудно кормить своих детенышей. Но он решил все-таки отомстить ей за

своих кур. На чердаке валялось старое одноствольное охотничье ружье, не бывшее в употреблении многие года. Дуло треснуло от набившегося в него снега. Брейд вытащил его, и с помощью маленькой пилки отрезал зазубренный конец. Он нашел, что курок заржавел, и принялся очищать его напильником и маслом, пока он не стал действовать свободно, а также вычистил затравочный стержень, куда клались пистоны; и затем снес в курятник ружье, молоток, пилу, гвозди и кусок доски и прикрепил ружье поперек двух пометов против окна, так чтоб оно находилось против входа на расстоянии десяти шагов. Ружье осталось пока не заряженным. В своем разнообразном хламе он нашел два маленькие металлические блока, части механизма большого сундука-ледника, который он сделал для своей покойной жены. Эти блоки он утвердил: один за прикладом ружья, а другой под окном. Веревку от удочки он, привязав к курку, пропустил через один блок, поперек сарайчика, и через второй затем укрепил ее к нижней части оконной рамы.

На это все ушло не мало времени, но Брейд не торопился. Высокий, худой, медлительный, он никогда не торопился; медленно говорил, медленно мыслил, медленно действовал. Когда его несложный аппарат был укреплен, сделал пробу; взведя курок, он потянул окно внутрь, будто кто-либо толкнул его снаружи. Веревка натянулась, курок шелкнул, молоток упал.

Довольный результатом, Брейд зарядил ружье черным порохом. Даже на таком коротком расстоянии заряд должен был засыпать всю нижнюю по-

ловину окна; дробь должна была пробить старые досчатые стены.

«Кому-то достанется здорово»,—решил он. Он положил ружье обратно, приладил пистон, но не поднял молотка. Достаточно будет времени на это после того, как куры усядутся на ночь. И, по крайней мере, не будет опасно, если они заденут веревку. Он займется этим, когда он запрет их на ночь. Теперь было только половина четвертого.

Брейд собрал свои инструменты и прошел через двор, спугнув кур, обратно в мастерскую. Убрав молоток и пилу на место, он занялся кормлением скота. Двух свиней за гумном, кур, четырех гусей, сидящих в ящике на дворе, и лошадь в стойле. Коровы еще не возвращались с пастбища, когда он начал раздавать корм, но вскоре они показались на дорожке, и он навалил им сена, привязав каждую отдельно. Время от времени, работая, он тихо и дружелюбно беседовал со скотом.

Брейд жил в полном одиночестве на своей ферме, на склоне горы. Она была расположена вдали от большой дороги, и потому он редко видел людей. Только осенью охотники на куликов иногда оставляли свои автомобили у него на дворе, чтоб спуститься в ольховники, расположенные внизу. Вид с его фермы был восхитительный. Долина была покрыта густым лесом; налево, на расстоянии версты, серебрился пруд, а прямо против его дома склоны горного хребта поросли березой и темными кустарниками. Окраска листьев во все времена года представляла целую гармонию изумительных оттенков. Когда солнце садилось за вершинами, позади дома, — эти восточные склоны облекались в пурпурные краски, столь яркие, что созерцание их давало почти физическое наслаждение.

Кухня Брейда была также чиста, как и при жизни его жены, умершей прошлую весну. Сепаратор, выкрашенный в красную краску, прикрепленный к полу, стоял подле раковины; блестящие ведра, опрокинутые один на другой, стояли тут же под рукою. Он накачал воды из насоса и отправился в коровник, и методически принялся доить своих коров, обмыв их вымя водою, при-

жавшись к ним лбом, в то время, как молоко, шипя, лилось в пенящиеся ведра.

Коровы его не были очень молочны. Довольно хорошей породы, они питались лишь травой, сеном, или же свеклой, тыквой и брюквой, которые Брейд растил в огороде за гумном. Все же они давали достаточное количество молока, так что даже Брейд имел избыток сливок для масла, которое он продавал в лавку. Он ездил в лавку каждый вечер, хотя бы только для того, чтобы получить газету на почте. Обычное течение его жизни мало изменилось со смертью его жены; пришлось только немного больше работать.

Кое-кто из молодежи города Фратернина высмеивал Брейда за то, что он сидит на этой ферме, так как всем известно было, что, несколько месяцев тому назад, он получил наследство. Его дядя, слывший богатым человеком, умер в городе; Брейд и его два брата поделили его имение. Местные сплетники называли разные суммы. Некоторые пустые болтуны оценивали долю Брейда в 50 тыс. долларов. Фактически же было немного более трех тысяч пяти сот. Но и эта сумма могла бы соблазнить некоторых совершить путешествие, полное неожиданностей, в Бостон, но жизнь Брейда уже сложилась. Он оставался у себя в доме и попрежнему работал. Деньги его лежали в городе, в банке.

Единственное внешнее проявление его благосостояния была покупка пианино. Инструмент был из светлого полированного дуба. Оно стояло у западной стены гостинной маленького фермерского домика, старая вышивка висела над ним, рядом стояла качалка, а напротив—волосной диван. Остальная мебель была, очевидно, очень старая, старая от времени, но мало потрепанная. Даже диван не лишен был некоторой прелести. Окна комнаты были небольшие и пропускали мало света, так что пианино находилось всегда в полумраке. На нем стоял в рамке женский портрет, портрет жены Брейда. Она была на фотографии женщиной средних лет и, казалось, утомленной.

Волосы, неестественно взбитые, придавали ей вид больной и несчастной; казалось, что она силится удержать в равновесии чашу на голове. Видны были только плечи и голова, но вы могли сказать совершенно уверенно, что руки ее были грубы и мозолисты от работы. Рядом с портретом стояла маленькая белая фарфоровая вазочка с букетом искусственных цветов — бессмертников. На пианино не было ни пылинки, верхняя доска была плотно закрыта, крышка была опущена и заперта.

В этот день перед тем, как начать готовить себе ужин, Брейд вошел в гостиную и, при свете угасающего дня, несколько минут, не двигаясь, созерцал пианино. Он казался человеком, благоговейно вошедшим в святое святых. Затем он подошел к нему и мягкой тряпкой, принесенной им из кухни, начал обтирать блестящую поверхность. Это была его обычная работа, исполняемая им дважды в день. Он любовно обтер его со всех сторон. Когда он снял с него рамку с портретом, то в этом движении проявилась какая-то неуклюжая нежность, что-то жалостное. Когда же он ставил ее обратно, в этом простом жесте чувствовалась драма, или это только так казалось. Вынув ключ из кармана, он открыл крышку и провел тряпкой по клавишам, вызывая какие-то неопределенные звуки. В такие минуты, казалось, он прислушивается к чему-то, что с трудом может уловить его слух. Когда он, наконец, покидал комнату и закрывал дверь за собою, эта закрывающаяся дверь напоминала опускающийся театральный занавес.

Жизнь Брейда была одной из тех трагедий, которые, в сущности, так обычны, мучительны и так мало понятны. Трагедия человека, который не в силах высказаться. Многие из нас изнемогают под бременем этого креста. Легко упрекать и осуждать, но трудно хвалить. Мы боимся казаться сентиментальными. А все же, как может маленькое расположение, откровенно выраженное другом, утишить иногда жизненную бурю.

Какой вред в том, что вы скажете вашему сыну: «ты—милый мальчик, и я люблю тебя», или вашему другу: «ты—

один из наиболее порядочных людей,— я очень расположен к тебе», или, наконец, жене своей: «я люблю тебя горячо, дорогая»? Но многовековая привычка сковывает наши уста, мы молчим; пока, наконец, не наступит роковой день и не станет более того, которому мы хотели бы сказать столь многое.

Браки и прежде разбивались часто об эту скалу; многие хоть и избегали кораблекрушения, но все же пережили длинную, жизненную трагедию. Из таких был и Брейд Миллер. Жители Нью-Ингленд—молчаливая порода, грубая, толстокожая, не способная легко воспламениться. Их чувства глубоко зарыты. Брейд родился, без сомнений, вполне нормальным ребенком, жаждущим любви и ласк, привязанный, как пес. Но — он родился на ферме в Нью-Ингленд, и его родители сдерживались на пользу своего сына и с самого раннего детства никто никогда не ласкал его, целуя его лишь только при встрече и при прощании. Он полюбил Мей Стоунмэн немой, молчаливой любовью; она же, будучи той же породы, ничего другого и не ждала. Без сомнения, первое время и у них были минуты страсти, откровенного сердечного общения. Но, спустя несколько лет после свадьбы, минуты эти проявлялись гораздо реже. Каждый из них впал невольно в прежнюю апатию, настало время, когда поцелуй принес бы ему или ей лишь мучение и замешательство.

Нет доказательства того, чтобы Брейд был когда-либо жесток к своей жене; но жизнь на пустой ферме была, может быть, сама по себе достаточно сурова. Надо было рабствовать — работы было достаточно для обоих. У каждого были свои обязанности; каждый, при случае, напоминал другому забытое им дело.

— Брейд, ты забыл починить крышу у трубы.

— Мей, я сказал тебе запереть курицу, она хочет сесть на яйца.

— Брейд, мне нужно еще дров для печки.

— Где молочное ведро, Мей?

У них не было детей; они были поч-

ти всегда одни; и бывали дни, что они не обменивались между собой ни словом, разве только при выполнении тяжелых домашних обязанностей. Зимой они вставали в шесть часов, а летом еще раньше. Мей приготавливала еду, Брейд работал вне дома. Когда темнело, наступал для них отдых, они читали вечернюю газету, которую Брейд привозил с почты, а затем, отупелые, шли спать. Хотя они и спали в одной постели, но это не имело никакого значения: они были так чужды друг другу, как если бы жили на расстоянии тысячи верст.

Мей девочкой любила играть на пианино своей матери, и иногда она пыталась уговорить Брейда купить ей инструмент; но, по натуре, он был чужд роскоши; он всегда грубо отклонял ее жалостные просьбы и, оправдываясь, называл их, несвоевременными. Он говорил, что деньги нужны на уплату налогов, что им нужно купить еще корову; что сенокос неважен, и придется прикупать сена на зиму. Мей покорно подчинялась холодному отказу. Иногда ей смутно казалось, что еслиб она могла изредка играть на пианино, она легко примирилась бы с меньшим количеством коров. Но ей было также трудно высказаться, как и ему, и она не находила достаточно ярких слов для выражения своих чувств. При том Брейд постоянно намеревался когда-нибудь купить пианино. Дело это просто откладывалось, откладывалось с года на год, на долгие годы — пока Мей не умерла.

Не было основания предполагать, что любовь Брейда к ней могла быть чем-нибудь другим, чем долголетней привычкой. Их ежедневное обращение было достаточно грубое и лишенное всякой нежности. Во время грустной церемонии погребения, от начала до конца, он сохранял невозмутимое спокойствие. Но когда, немного позже, смерть дяди дала ему возможность сделать покупку, он купил пианино и поставил его в свой одинокий дом. Это был его памятник ей. Сам он ничего в его устройстве не понимал; но его грубые пальцы любили прикасаться к клавишам и пробуждать мягкие звуки. Про-

давец, у которого он его купил, сыграл ему на нем.

Брейд заметил только: — «звучит красиво. Я его возьму».

Всем, кто удивлялся странной покупке, он давал только одно и то же объяснение: — «Мей всегда желала этого», — говорил он. — «Это всегда было ее желание иметь пианино».

Вернувшись в этот день в кухню, он приготовил себе ужин; сделал яичницу, сварил картофель, молоко, спек лепешки. Поев, он пошел в курятник и, так как было совершенно темно, и птицы уселись на ночь, он взвел курок старого ружья, запер и загородил дверь. Его трудовой день был окончен, предстояло единственное удовольствие его жизни. Он запрег лошадь в кабриолет и поехал тихонько на гору, в село Фратернише, в лавку Вилля Бисселя.

Там было уже много народа. Одни столпились вокруг холодной печки, другие облокотились на длинный прилавок. Молодой Еверед, живущий за болотами, рассказывал Джими Саладину о фореях, пойманных им в этот день в ручье за лугом. Вилль Бельтер и Зеке Питкин, люди сомнительные, сидели, прижавшись друг к другу на скамье у печки и тихо беседовали. Ле Мотлей и Вилль Биссель, оба зажиточные, держались в стороне. Когда Брейд вошел, они спросили его мнение о повышении налогов для исправления дорог в Фратернише. Он усмотрел в этом новое уважение к своей особе, как к денежному человеку, и это польстило его. В то время, как они разговаривали, вошел в лавку через главную дверь никому неизвестный человек, купил полдюжины дешевых сигар у Энди Луатене и уселся рядом с Виллем Бельтером. При его появлении говор умолк. Все следили за ним молча, ожидая, что он заговорит.

Этот человек имел вид горожанина; но одежда его была поношена, и наружность его не располагала в его пользу. Джим Саладин, имевший склонность к размышлению, более пылливо отнесся к новому пришельцу; он заметил, что хотя человек этот физически и казался сильным, но некоторая блед-

ность указывала на то, что он давно не пользовался воздухом.

Брейд сделал несколько незначительных покупок. Ему нужен был еще мешок корма, но запас Вилля был истощен, а посланный за товаром в город еще не возвращался, так что Брейду пришлось ехать через мост в другую павку.

— Я вернусь обратно и возьму газету, — уезжая сказал он Бисселю.

Не успел он уехать, как все заговорили о нем. Все знали о полученном наследстве, но сумма была главной темой догадок.

— Вчера я слышал в городе, что один угловой дом его дяди приносил более тридцати тысяч, — объявил Зеке Питкин.

Ге Хенд, только что вошедший, спросил:

— Кто?

— Брейд Миллер!

— Бьюсь о заклад, что он наследовал не менее ста тысяч, — уверял Ге. Он был всегда большим фантазером.

— Нотариус мне сам говорил, что эта сумма была гораздо больше, — клялся Джо Рас. Он лгал только для того, чтобы насладиться впечатлением, производимым его вымыслами. Но незнакомец, сидящий рядом с Бельтером, не знал ни Джо Рас, ни Ге Хенд. Он наклонился вперед, дым его сигары застилал его глаза. Даже Джим Саладин не мог видеть их выражения.

— Брейд кое-что имеет и сам по себе, — заявил Бельтер.

— Он во всю свою жизнь не истратил ни цента, кроме как на это пианино, — подтвердил Ге.

Джим Саладин решил вставить слово:

— Как странно, что вы никогда не замечали этого за Брейдом до нынешнего лета.

— Я всегда говорил, что он был скряга, — настаивал Ге.

— Вы никогда мне этого не говорили, — возразил Джим с легкой усмешкой, и Ге замолчал.

Но никто не мог заставить молчать сплетника Вилля Бельтера.

— Он даже не держит их в банке, — объявил Вилль. — Он...

Разговор на этом оборвался по слу-

чаю возвращения Брейда. Когда он вошел через главную дверь, внеся с собой то преступное молчание, которое обычно воцаряется в подобных случаях, незнакомец заметил тишину, поднял глаза, увидел Брейда и снова опустил голову. Затем украдкой наблюдал за Брейдом, а через несколько минут поднялся и, подойдя к Анди Витлес, сидящему за сигарным прилавком, осведомился, нельзя ли достать где-нибудь поденной работы. Они обсуждали этот вопрос вполголоса. Когда незнакомец вышел, Саладин спросил Анди:

— Кто это?!

— Бродяга, я думаю, — ответил Анди. — Он хотел узнать, нет-ли работы. Но он не очень нуждается в ней. Он расспрашивал у меня дорогу в город.

— Он, вероятно, сидел где-нибудь в тюрьме, — сказал Саладин.

— В городе есть тюрьма, — сухо заметил Анди. — Если он так томится по ней...

— Что он, пешком?

— Теперь чудная луна, — заявил Анди. — Он рассчитывает добраться сегодня ночью.

Они заметили, что Брейд собирается уезжать, и Саладин крикнул ему:

— Спокойной ночи, Брейд!

Брейд ответил ему и вышел через боковую дверь, где была привязана его лошадь. Проехав мост, он остановился у другой лавки, чтоб взять мешок с кормом и, повернув лошадь по направлению дома, предоставил ей идти по собственному усмотрению. Ночь была теплая и тихая; луна почти полная освещала всю дорогу. Брейд отдыхал на своем сидении, мысли его бегали; — приятные мысли кроткого и доброго человека.

Такие люди бывают при случае строго справедливыми и страшными.

Вернувшись домой, Брейд распряг лошадь и увел ее в стойло. Он оставил дверь конюшни на половину открытой, вошел в дом через хлев и зажег лампу в кухне. Огонь в плите погас. Он приготовил растопку и дрова на утро, наполнил водою чайник и бак на плите. Затем он унес лампу в столовую и уселся читать газету, привезенную им из лавки.

Две или три кошки, у него их было дюжина, если не больше, встрепенулись при его появлении и напомнили ему своим тихим мяуканьем, что они не были накормлены. Он тотчас же отозвался и даже извинился.

— Бедные мои кошечки. Я забыл о вас. Да, да, старый Брейд забыл кошечек. Хорошо теперь? Ну, так, так!..

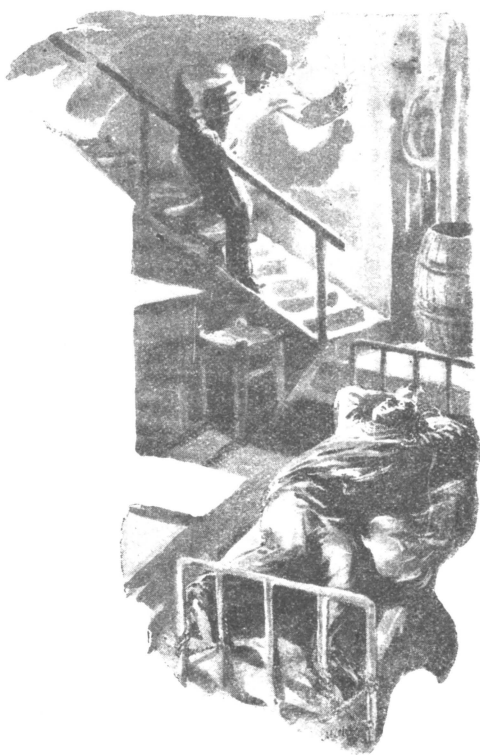
Бесмысленное, ласковое бормотание одинокого человека. Он налил молоко в их лоханочки у печки, и они радостно принялись локать.

Он вернулся к своей газете и читал ее медленно, слово за словом, от начала до конца, с добросовестной внимательностью.

Когда газета была окончена, нечего было больше делать. С лампой в руке он еще раз пошел в гостинную и, стоя в дверях, любовно посмотрел на пианино, стоящее во всей своей красе; затем медленно вернулся обратно. Его спальня была за столовой. Он разделся не торопясь, потушил свет и лег в постель. Луна смотрела ему прямо в окно. Из леса до него доносился по временам свист ветра. Где-то далеко лаяла собака. Ночь была полна разнообразными звуками. Они убаюкивали его, и он скоро заснул. Во сне он был всегда, смотря по тому, с каким чувством вы смотрели на него, или комичным, или трагичным; лежа на спине, с открытым ртом, с обнаженной тонкою шеей, он спал шумно и комично; но он был абсолютно один.

Однако, что-то потревожило его сон. Он задыхался, его душило, он открыл глаза, и дыхание его снова стало нормальным. В доме, казалось, все тихо, но ему смутно все-таки послышался шум. Его собственный храп будил его не раз. Он подумал, что и на этот раз он проснулся от той же причины, но это его не вполне успокоило; он вспомнил лисицу и ему захотелось узнать, не выстрелило-ли ружье, хотя куры его были спокойны. В конце концов он встал с постели, безобразно высокий, безобразно худой, в ночной рубашке, развешивающейся на голых ногах, не зажимая лампы, не спеша, направился в столовую.

Вошел—и сразу искры посыпались у

Раздался хриплый мужской голос: — ну что, очухался?

него из глаз, все цвета вселенной заиграли перед ним. Он не ощущал никакой боли; через несколько мгновений все померкло — искры погасли, отдать себе отчет в том, что произошло — он не мог. Ему казалось, что он очнулся от довольно приятных сновидений, с болью в голове и тут же почувствовал, что он связан. Когда он стал приходить в себя, он увидел, что он привязан к железной койке, которая стояла в углу столовой и долгое время служила постелью. Комната была освещена только луной. Обдумывая свое положение, он убедился в том, что ноги крепко привязаны, каждая отдельно, к ножке койки, а руки, связанные вместе, притянуты к низу железной рамки, а вокруг шеи веревка, от которой больно было повернуть голову. Положение в котором он очутился, было просто неслыханное. Он был полон догадок. Он понял, что его кто-то ударил по голове в ту минуту, когда он входил в комнату. Тот же самый, без сомнения, привязал его сюда кусками его собственной ве-

ревки, взятой со двора. Кто-то, следовательно, забрался в дом. Это само по себе было непостижимо для Брейда; никогда раньше этого не случалось с ним. Он читал в газетах о грабежах, но они были всегда так далеки. Вор в его собственном доме, теперь... Он удивлялся, каким образом он мог войти и зачем? И где же он теперь?

У Брейда не было воображения. Он сделал попытку освободиться от своих пут. Веревка резала его руки и не давала возможности ими действовать. Вокруг шеи была петля, и он едва не задушился, оттянув голову на бок. Это его обозлило. Он жаждал освободиться и победить грабителя. Он зарядил бы свое ружье. Но тут он вспомнил, что его двухствольное ружье было заряжено день или два тому назад для истребления ястреба; другое единственное оружие в доме это было то, которое он установил для лисы.

Он услышал шаги, спускающиеся с лестницы кухни, и вскоре свет от лампы блеснул ему в глаза.

Раздался хриплый мужской голос:

— Ну что, очухался?

Брейд, привыкнув к свету, увидел огромную фигуру в низко нахлобученной кепке. Не успел он подробно рассмотреть явление, как человек исчез в кухне и, когда он, через секунду появился снова, рот и нос его были заязаны красным платком, и из-под низко надвинутой шапки сверкали одни глаза.

Брейд, извиваясь, нетерпеливо спросил:

— Что тебе нужно?

Человек поставил лампу на стол и осмотрел сначала пути Брейда. Затем он облокотился спиной на край стола и заговорил совершенно бесстрастно:

— Я ищу все, что могу найти в этом доме. Мне сказали, что ты получил много денег и что ты их держишь здесь. У тебя славная ферма, которая тебя прокормит. Мне деньги более нужны, чем тебе. Где они? Отвечай!

Брейд воскликнул с раздражением:

— Какой ты дурак! Я не держу деньги дома.

— А говорят, что держишь?

— Кто?

Незнакомец закурил дешевую сигару.

— Люди, — ответил он небрежно. Он нагнулся вперед. — Теперь слушай, — предупредил он. — Я не шучу, и тебе не удастся одурачить меня. Мы это обсудим вдвоем. Никто сюда теперь не явится. Ты избежнешь неприятности, если мы с тобою поладим, старина.

Брейд ответил в бешенстве:

— Я тебя разорву на части!

— Нет, ты этого не сделаешь, — ответил он. — Тебе это не удастся. Не даром я хватил тебя поленом. Покаместь ты храпел, я тебя не трогал, но дернуло тебе проснуться. И мне ничего другого не оставалось делать. Теперь ты избавишь меня от поисков, давай мне деньги. Где они?

Брейд с минуту лежал неподвижно, соображая. В конце концов, он был человек благоразумный. Во всем доме не было ничего ценного, не из-за чего было драться. Блеснула мысль и нашлись слова:

— В доме нет и двадцати долларов, — сказал он.

— Поди ты!

— Да нет же ничего.

Незнакомец сбросил пепел на пол.

— А где они?

— В кармане штанов, — сказал Брейд. — Там...

Злодей пошел в спальню и вернулся с одеждою. Он нашел старый кожаный бумажник, вытащил из него полдюжины бумажек.

— Четырнадцать долларов, — сказал он. — Ну, этого мне недостаточно, старина!

— Что, ты воображаешь, я буду здесь держать у себя деньги? — ответил с раздражением Брейд.

— Где же они?

— В городе, в банке.

Незнакомец призадумался.

— Тогда у тебя должна быть банковая книжка?

Брейд с минуту колебался, но решил, что в этом он может ему уступить.

— Она там, в ящике стола, — ответил он.

Человек прошел безмолвно через комнату, открыл ящик, порылся среди

бумаг, нашел книжку. Перелистал ее свирепо.

— Три тысячи триста пятьдесят два, — заметил он, — это все, что есть здесь?

— Это достаточно, не так-ли?

— А где остальные?

— Больше нет!

Человек засмеялся.

— Слушай, — сказал он, — это все бесполезно. Я имею все данные. Я знаю, что у тебя где-то здесь припрятана целая куча денег. Я могу выкопать их, если я захочу потратить на это время. Только я больно ленив. Чего мне разбирать весь дом, когда ты можешь избавить меня от хлопот.

Брейд покачал головой, и веревка тотчас напомнила ему о себе.

— Они тебе наврали, — заявил он. — Они всегда воображали, что я получил кучу денег. Я их не разубеждал. Пускай. Это их не касается. Было всего около трех тысяч шестисот. Я истратил из них на покупку пианино. Вот и все.

— А зачем тебе понадобилось пианино, — ты не выглядишь музыкантом?

— Моя жена всегда мечтала о пианино, — ответил Брейд просто; человек расхохотался, и этот смех больше рассердил Брейда.

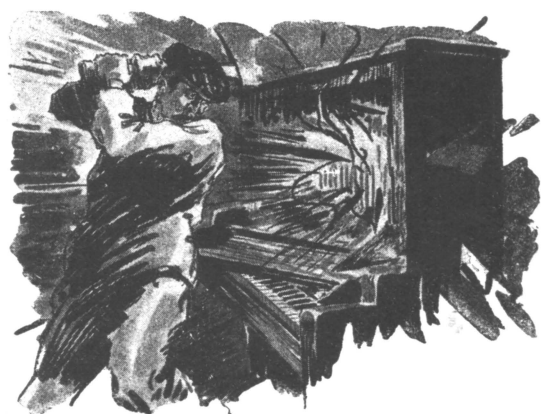
Но через минуту незнакомец резко заявил:

— Напрасно ты думаешь, что я шучу с тобою.

Он наклонился и прижал конец зажженной сигары к ноге Брейда, пока она не потухла и не превратилась в пепел. Брейд тихо застонал, но затем затих и молча терпел. Человек отступил и зажег другую сигару, а Брейд смотрел на него с большим удивлением, широко раскрыв глаза.

— Я говорю с тобою серьезно, — кротко сказал незнакомец. — Или ты мне скажешь куда запрятал деньги, или я тебя искалечу.

— В доме нет больше денег, — упрямо повторил Брейд, и эти слова лишили незнакомца всякого самообладания. Он бросился вперед, с бешенством схватил веревку, которая была вокруг шеи Брейда и дергал ее, пока узел не затянулся и не стал его душить; дергал, дергал опять, пока конвульсивные уси-

Удары по пианино тяжело отдавались
в сердце Брейда.

лия связанного не начали ослабевать, тогда только перестал он его душить и отошел, в то время как Брейд мучительно приходил в себя. Он не был в силах заговорить, как запел вдруг петух. Это ему невольно напомнило о лисе. Его ум стал работать быстрее; он лежал с закрытыми глазами, с открытым ртом, тяжело дыша, обдумывая, что ему делать.

Эта мысль была для него ужасной; он не мог подумать о ней без содрогания, а незнакомец, следя за тем, как он медленно приходит в себя, заметил, как он вздрогнул и рассмеялся про себя.

— Теперь ты понимаешь, что это значит? — сказал он холодно.

Брейд внезапно понял, что он хозяин положения. Он почувствовал свое превосходство. В его руках было всеисильное оружие, только захоти он им воспользоваться. Хотя он и не намеревался прибегнуть к нему, однако сам тот факт, что он владеет им, давал ему уверенность и смелость, которые чувствовались в его тоне, когда он заговорил спустя несколько минут; заговорил, отрицательно качая головой, и все еще с закрытыми глазами.

— Ты не убьешь меня, — кротко заметил он. — Это тебе не поможет. Да мне тебя как-то и жалко. Если-бы у меня было достаточно денег здесь, чтоб помочь тебе, ты бы их получил. Я догадываюсь, ты в них действительно нуждаешься. Но, чтобы ты там ни делал, но больше того, что ты получил, ты

не получишь. Незнакомец стоял прямо, смотря вниз; лицо его подергивалось под платком.

— Откровенно говоря, — сказал он, — мне противно калечить тебя. Ты хитрая шельма. — Его голос зазвучал сурово: — но тебе нужно или пойти на уступку, или отправиться на тот свет. Я с тобою не шучу. Я не буду тебя больше бить; но я даю тебе пять минут на размышление. Если ты по истечении их не сдашься, тогда я прикончу тебя. Теперь что ты на это скажешь?

— Что нет более ни гроша в доме, — ответил Брейд.

— Тогда тебе не везет, — спокойно ответил незнакомец. — Потому что если их здесь нет, то тебе придется убираться отсюда.

Брейд лежал спокойно с закрытыми глазами. Незнакомец сел за стол, затем встал, пошел на кухню и принес оттуда будильник. Поставил его на стол и уселся снова.

— Теперь десять минут третьего, — сказал он. — Я буду ждать до четверти...

— Ты меня не убьешь, — ответил спокойно Брейд.

— Тебе дано пять минут!

— Если я засну, — сказал Брейд, — ты меня, не правда-ли, разбудишь? — и он отвернулся, как будто собираясь вздремнуть.

Незнакомец нагнулся к нему:

— Они спрятаны на чердаке? В погреб? Я спущусь туда и посмотрю.

Брейд не двигался.

— Где-нибудь в доме?

Его глаза блуждали вокруг комнаты. Он вскочил. Швейная машина, на которой работала жена Брейда, стояла у окна. Он снял футляр, снова одел его, порылся в ящиках стола; затем вынул вьюшку из трубы печки, которая зимой обогревала весь дом, и, всунув руку в черную дыру, ощупью осмотрел ее, направился в кухню, перевернул сковороды и кастрюли; обшарил все полки. И тут внезапно приступ дикой алчности охватил его. Он принялся швырять все по сторонам; отправился в дровяной сарайчик за топором и стал обдирать обшивку со стен. Среди суматохи Брейд спокойно лежал, уверенный в своей окончательной победе. Незнакомец, в

конце концов, прекратил свои поиски. Брейд не боялся.

— Уже четверть, — объявил злодей.

— Ты разбудил меня, — сказал Брейд.

Злодей ударил его по лицу и стал осыпать ударами. Брейд, спокойный и неподвижный, понимал, слыша прерывающееся дыхание грабителя, что тот обезумел.

— Будешь-ли теперь упорствовать? — спросил, наконец, незнакомец, смотря на окровавленную физиономию Брейда.

— Ты получил все, что у меня есть, — сказал Брейд.

Негодяй вдруг совершенно притих. Он попятился назад, и в этом молчаливом отступлении чувалась такая злобная угроза, что Брейд открыл глаза и невольно спросил:

— Что такое?

— Теперь я уверен! Там они!

— Что? Что такое?

— В пианино! — воскликнул злодей. — Так вот зачем ты и приобрел его. Они там. — Он схватил лампу и бросился в соседнюю комнату. Брейд, относившийся до этого пассивно ко всему, встрепнулся, резко рванул свои путы. Злодей подметил движение и воскликнул торжествующее:

— Я так и знал, — и исчез. Через минуту он вернулся обратно.

— Где же ключ? — спросил он поспешно.

— Оставь пианино, — закричал Брейд.

Злодей ударил его.

— Чорт тебя побери, где ключ?

— Там нет ничего!

— Ах, ты, старый дурак!

— Я приобрел это пианино потому, что моя жена всегда желала его иметь. Не смей ты насмехаться над ним.

— Я — издеваться над ним? Я над тобою поиздеваюсь. Увидя топор у стены, он схватил его.

— Я совсем его разрублю.

— Умоляю, не делай этого. Пощади!

Незнакомец расхохотался и скрылся за дверью. Вскоре до Брейда донесся треск дерева. Он громко застонал и снова рванул свои путы, но этим лишь содрал кожу с рук и ног, — веревка не

поддалась. Он прокричал что-то, но ему ответили только новые удары топора; он ослабел и лежал тихо, закрыв глаза. Слезы текли из-под закрытых век, удары будто наносились ему прямо в сердце.

Злодей вернулся обратно, взбешенный более прежнего.

— Ах ты, старая гадина, и там их нет! — крикнул он.

— Я сказал тебе не трогать его, — невозмутимо возразил Брейд.

Злодей осмотрелся, взбешенный собственным бессильем; взял лампу со стола, встал на колени и подставил огонь к руке Брейда.

— Где они, — вопил он. — Чорт тебя побери. Где деньги?

— Я скажу! Я скажу, — воскликнул Брейд, — о, только перестань!

Человек отодвинул лампу. Он хохотал.

— Небось, это тебя проняло. Ну, выкладывай!

— В курятнике.

— Где?

— Выйди через хлев. Ты увидишь окно.

— Ну, живее, чорт тебя возьми!

— Толкни окно и влезай внутрь. Там есть гнездо. Подними его. Под ним жестяная коробка.

Негодяй повернулся к нему:

— Если только там их нет, ты пожелаешь смерти!

Брейд ответил медленно:

— Они там.

Человек ушел. Брейд, оставшись один, мучался незнанием: окончательно ли погибло пианино.

— Я могу приобрести другое, — утешал он себя. — Она всегда желала его иметь.

Он обсудил свое собственное положение и решил:

— Кто-нибудь зайдет завтра утром.

Тогда раздался выстрел ружья большого калибра, тяжело заряженного.

И это было все, — более ни звука, ни крика.

Рассказ Сягурда. Со шведского.

Одной славной барышне и ее мамаше взбрело на ум, что им необходимо пожить немного за границей, а так как они не были особенно искушены по части путешествий, то и ограничились тем, что обосновались на одном тихом курорте на острове Рюгене.

Славную барышню звали Элин Бранд, мамаша же славной барышни была вдова Ханна Бранд.

Славная барышня знала целую уйму слов по-немецки, однако, не столько, чтобы не почувствовать особого влечения к одному молодому человеку, который при ближайшем исследовании оказался природным шведом и после этого открытия объяснялся с дамами исключительно на этом достолюбезном родном языке.

Говорил он очень хорошо, так хорошо, что положительно заговорил их, и они ждали лишь момента, когда он, по сообщении удовлетворительных сведений о своей особе, начнет говорить на упомянутом диалекте языком любви.

То был молодой, приятной наружности, прекрасно одетый господин, без особых изысков, производивший впечатление полной порядочности. В гетельке его манишки красовался бриллиант, который, в случае, если бы он оказался настоящим, можно было бы без труда заложить за тысячу крон, да и вообще во всей его внешности было что-то привлекательное.

Были на курорте упитанные немец-

кие студенты с нарядными шрамами на лицах после мензур, был и один датский агроном, но «свой своему поневоле брат», и славная барышня, выглядевшая весьма миловидно, предпочитала всем своего космополитизированного соотечественника, именовавшегося Акселем Смитом, говорившего почти на всех живых языках, изрекавшего краткие, поучительные сентенции на паре мертвых и рассуждавшего так, словно любое место для него было слегка родным, а вселенная была ему приблизительно так же хорошо знакома, как его будничные пиджак.

Но каким бы космополитом мужчина ни был, а все же, рано или поздно, наступает психологический момент, когда он начинает вращать глазами и говорит: «Ах, фрекен»... и т. д.

— Ах, фрекен, если бы не мрачная тайна моей жизни, если бы я не вынужден был вести опасное, страшное существование, я не смог бы расстаться с вами, не высказав того, что переполняет, чарует, волнует, жжет и гложет мое сердце, — заявил Аксель Смит однажды вечером, когда он оказался вдвоем со славной барышней на пляже.

Фрекен Элин не спросила, что именно было на сердце у господина Смита. Она почти угадывала истину, так как один провизор в Энгельхольме уже изъяснял ей приблизительно то же самое этою весной. Она ограничилась лишь общезнакомой фразой о том, что опас-

ности и ужасы всякого рода были ей особенно по душе, предполагая, конечно, что они уже миновали.

Но кавалер только вздыхал и бросал на нее взоры, в которых были счень удачно уравновешены любовь и отчаяние.

Душа ее была чиста, как портмонэ сверхштатного почтового чиновника 28 числа, и она сообщила обо всем своей матери. Обе они положительно потерялись в догадках касательно жуткой жизненной тайны этого приятного молодого человека.

— Быть может, он служит в каком-нибудь предприятии, совершил растрату и теперь закабален на несколько лет для выплаты?

— Не один-ли он из наиболее видных европейских сыщиков, стыдящийся своего ремесла?

— О, мама, видела ты, с какою элегантностью откупоривал он ту бутылку Бордо за обедом, которую, помнишь, позабыли открыть? Не официант-ли он?

Так, на перебой, думали и гадали два нежных женских сердца в течение ночи, орошая свои предположения обильными слезами.

На следующий день дамы Бранд смотрели на Смита такими глазами, словно он был призовым ребусом или головоломным логгрифом из какого-нибудь столичного журнала.

Они обратили также большее внимание, нежели прежде, на то, что у него не хватало крайних суставов на двух последних пальцах левой руки и что на голове, у самого корня волос, у него виднелось несколько своеобразных белых шрамов.

— Как давно вы носите бороду и бакенбарды, господин Смит? — спросила мадам Бранд с самым радушным ридом.

— Два года только, после того, как пара тяжких поранений заставила меня попытаться скрыть шрамы, — ответил невозмутимо избранник их сердца.

— Поранений? Так, значит, вы были на войне? — воскликнула фрекен Элин в горделивой надежде.

— Никогда, — ответил он глухо,

погрузившись в скорбное созерцание кончиков своих изящных ботинок.

Вечером мать и дочь упали друг другу в объятия и, всхлиывая, поделились опасением, что человек, которого они так высоко ценили, ведет в свободные часы разбойничье существование где-нибудь в южной Европе.

— Как интересно! — мечтательно восклицала славная барышня.

— Но, ах, как нездорово, дитя мое, — напоминала философски мамаша.

Эта идея росла в душе обеих дам с силою, граничащей с уверенностью, и так как чувства господина Смита заставляли предполагать взрыв любовных излияний в течение не позже как сца часов, а у мадам Бранд был брат, состоявший городским прокурором на юге Швеции, то она отписала обо всем ему, прося его сообщить свой совет по телеграфу.

«Если ремесло оставлено, наказание заменено условным осуждением, а выручка вложена в заграничный банк — то партия хорошая», — телеграфировал городской прокурор.

Никакие выдаваемые Смиу знаки благорасположения и внимания, никакие намеки на то, что никто не без греха, что человеку свойственно погрешить, а богу простить, что почитать человека, значит в то же время и простить ему, и что все мы грешны пред господом, не смогли разрешить узы языка господина Смита или выудить у него мрачную тайну его жизни.

Но в момент разлуки он просит Элин, на случай, если сердце ее окажется ближайшим летом свободным от других джентльменов и замолвит словечко в его пользу, о разрешении встретиться с нею здесь же. Он, быть может, осмелится тогда высказать то, что сейчас погребено глубоко в его пламенеющем сердце.

И Элин ответила, что так как купанья принесли облегчение мамашиней падагре, то не представляется невозможным, что они опять приедут сюда и что в таком случае им всегда доставит удовольствие увидиться вновь с г-ном Смитом.

Но так как она была девица благо-воспитанная, то она сделала вид, что не слышала его слов о «сердце», о «затаенной тайне» и т. д.

И когда пароход отвалил, он стоял с глазами, полными слез, и махал шелковым носовым платком и своими двумя обрубленными пальцами.

В течение последовавшей зимы, всякий раз, как в Греции попадался какой-нибудь разбойник или вообще где-либо случалось что-нибудь страшное, дам Бранд кидало неизбежно в дрожь, и они тревожно пытались различить черты лица своего избранника в фотографии злодея.

Такова уж любовь!

В апреле была получена пара кратких строк, извещавшая, что «то, что осталось от Акселя Смита, будет ждать на Рюгене в июне».

Чувства славной девушки достигли теперь такой точки, что она взяла бы этого молодчика, хотя бы он оказался трубочистом из соседнего околка.

Он стоял на берегу в новом элегантном летнем костюме и, на беглый взгляд, казался все тем же. Но когда они всмотрелись попристальнее, то оказалось, что у него не хватало левой руки по локоть и половины правого уха. Мимоходом он упомянул, как бы вскользь, что половина одной ступни у него была из пробки.

То, что осталось, он, тем не менее, в тот же вечер сложил к ногам Элин, показал бумаги, удостоверявшие, что он обладал состоянием свыше 100.000 крон и предлагал удостоверить свидетельскими показаниями тысяч лиц, что он был честным, безупречным человеком. Вместе с тем, по его словам, у него была очень хорошая и почтенная профессия, которая могла в весьма значительной мере помочь им в жизни.

Элин, ликуя, упала в его объятия, прошептав в его рваное ухо:

— Я твоя навеки, но, дорогой мой, что такое, ради самого Создателя, ты скрывал так упорно?

Полугрустная усмешка промелькнула на его устах, спрятавшись в его каштановой курчавой бороде.

— У меня был пятилетний весьма выгодный контракт, в качестве ветеринара, при зверинце некоего мистера Джонатана из Филадельфии. Я вырывал ядовитые зубы у змей востока, вырезывал мозоли носорогам, оперировал опухоли в пасти львов ливийской пустыни, помогал при родах в тигровой клетке и пломбировал миллиардными шарами клыки у старых слонов. Я рассеивал по кусочкам себя то там, то здесь, и осколки моей особы разбросаны по обоим полушариям. Ведь у пациентов такой капризный нрав, моя дорогая!.. Но вознаграждение было великолепное да и страховые общества не очень-то охотно затевают тяжбы с людьми из нашего зверинца, так что, в конце концов, некоторый капиталец-то сколотился. Слегка с изъязном я, это правда, но сердце мое цело и принадлежит тебе безраздельно, — заключил он с красивым выражением в глазах.

В это время мамаша внесла шампанское и провозгласила:

— Да и во всяком случае уж лучше поделиться с дикими зверями, чем с другими женщинами. И хотя ты и получаешь человека с легким изъязном, Элин, так, по крайней мере, ты уже, наверное, сохранишь то, что осталось. И не думаю я также, что Аксель, принимая во внимание его бывшее общество, станет уж особенно коситься на какую-то там единственную злосчастную тещу?.. За ваше здоровье! Благослови вас господь, дети!

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ

ОТКРОВЕНИЯ НАУКИ И ЧУДЕСА ТЕХНИКИ.

ИСКУССТВЕННЫЕ КЛЕТКИ.

Научная заметка академика Академии Наук, профессора по кафедре микробиологии
В. Л. Омелянского.

В основу фантастического рассказа «Кровавый коралл» положены общеизвестные опыты получения так называемых «искусственных клеток» из мертвой неорганизованной материи. Опыты эти дают возможность следить за постепенным «ростом» подобных «клеток» и изучать получаемые образования, отчасти напоминающие растения.

Для получения искусственных клеток предложено различными учеными довольно много рецептов. Все они основаны на образовании полупроницаемых перепонки путем химического взаимодействия двух или нескольких солей. Получается род огромной клетки или мешка, сквозь стенки которого свободно проходит вода и задерживаются растворенные вещества. Благодаря этому создается неравномерность осмотического давления внутри и вне мешка, что и служит причиной роста, т. е. непрерывного растяжения стенок мешка и увеличения их поверхности и массы. Мешок при этом деформируется, от него отходят причудливые отростки, иногда древовидно разветвленные, с концевыми утолщениями и т. п. Все это происходит на глазах в течение нескольких минут, и представляет весьма любопытное зрелище.

Приведем несколько рецептов для получения искусственных клеток.

По Траубе, небольшой кристалл двуххлористой меди опускают в раствор, содержащий 5%-й водный раствор желтой соли. Кристалл тотчас

же окружается, как мешком, буровой пленкой, состоящей из вновь образовавшейся железосинеродистой меди. Через стенки этого мешка не может проникать наружу двуххлористая медь, тогда как вода свободно диффундирует снаружи внутрь, усиливая осмотическое давление раствора, содержащегося в мешке. Это вызывает растяжение стенок мешка и раздвигание частиц железосинеродистой меди, из которых стенки состоят. Образующиеся промежутки между частицами заполняются все новыми и новыми частицами той же соли, «клетка» непрерывно «растет», достигая в несколько минут заметной величины и принимая причудливые формы.

По рецепту Ледюка, «зерно», состоящее из двух частей обыкновенного сахара и одной части медного купороса, «высеивается» в раствор, содержащий 2—4% желтой соли, 1—10% поваренной соли и 1—4% желатина. «Зерно» тотчас «прорастает», образуя разветвленные «стебли, ветви и листья».

В другом опыте Ледюк наливал в плоское блюдо раствор 3-х солей: углекислого калия, фосфорнокислого калия и сернокислого натрия — и затем в середину блюда опускал кусочек хлористого кальция так, что раствор чуть чуть покрывал его. В этом случае стенки искусственной клетки образуются из фосфорнокислого кальция.

Рейнке получал искусственные клетки, опуская кристалл медного купороса в растворимое стекло.

Весьма занимательны также опыты, воспроизводящие движения, напоминающие движения живых существ. Так, капля ртути, опущенная в слабый раствор азотной кислоты, ползет, совершая амебоидные движения, по направлению к брошенному в ту же жидкость кристаллу двухромовокалиевой соли. То же проделывает капля масла на встречу струе соды.

Не менее интересны опыты того же Ледюка, воспроизводящие на мертвом субстрате клеточное строение животных и растительных тканей.

Все эти опыты не лишены известного научного интереса, как смелые попытки дать простые и показательные модели основных функций живых существ.

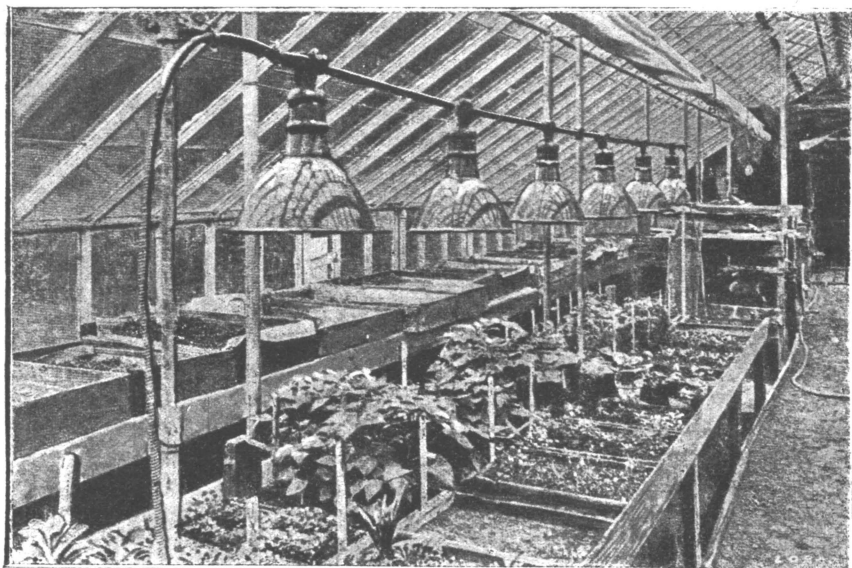
Но вместе с тем не следует переоценивать значения этих фактов. Они представляют собою лишь довольно грубые аналогии и, конечно, не могут претендовать на решение сокровенных тайн жизни.

Как искусно сделанная восковая кукла лишь внешним образом напоминает живого ребенка, так и мертвые «искусственные клетки» лишь грубо воспроизводят особенности живых клеток.

Будем надеяться, что в своем дальнейшем развитии наука больше и полнее приблизит нас к окончательному решению всех вопросов, связанных с жизнью.

В. Смелянский.

ВЛИЯНИЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО СВЕТА НА РОСТ РАСТЕНИЙ.

Батарея из 1000 свечевых электрических ламп над парниками.

Одна из крупных американских компаний электрических ламп произвела ряд обстоятельных опытов над влиянием электрического света на растения. Опыты эти показали, что развитие растения идет вдвое успешнее против нормального, если помимо дневного света оно получит также освещение и ночью. Аналогичные опыты также были произведены в Колумбийском Университете профессором Финдлеем.

В особо устроенном парнике искусственному освещению подвергались посадки

различных овощей и цветов, причем тут же находились контрольные парники, подвергавшиеся лишь обычному дневному освещению. Почти все растения, подвергавшиеся электрическому освещению (с 8 часов вечера до 1 часа ночи) обнаружили более быстрое развитие листьев и стеблей, но в некоторых овощах, как, например в редисе и моркови, не было заметно особенного улучшения. Но ряд других растений с большой поверхностью листьев, способной поглощать и перерабатывать

падающую на них световую энергию, дали прекрасные результаты.

Существует предел, когда чрезмерное увеличение порции искусственного света действует на растение губительным образом, заставляя его, так сказать, перенапрягаться, как это бывает с человеком, выполняющим чересчур большую для него работу. Главное же в этой новой отрасли

растениеводства будет заключаться в определении того, насколько выгодна затрата значительного количества электрической энергии для получения дополнительного урожая. Во всяком случае для обычных овощей и цветов новый способ их выращивания будет находить себе применение лишь при очень дешевом тарифе на электричество.

ИСКУССТВО ЧЕЛОВЕКА 25.000 ЛЕТ НАЗАД.

Подземные глубокие пещеры и темные ущелья, куда ни разу еще не проникал солнечный луч, издавна привлекают к себе любознательных и смелых исследователей. Одному такому молодому французскому естествоиспытателю и геологу Норберту Кастеру наука обязана любопытной находкой скульптуры, относящейся к каменному веку за 25,000 лет до нашего времени, открытой им в одной неизвестной раньше пещере Южной Франции.

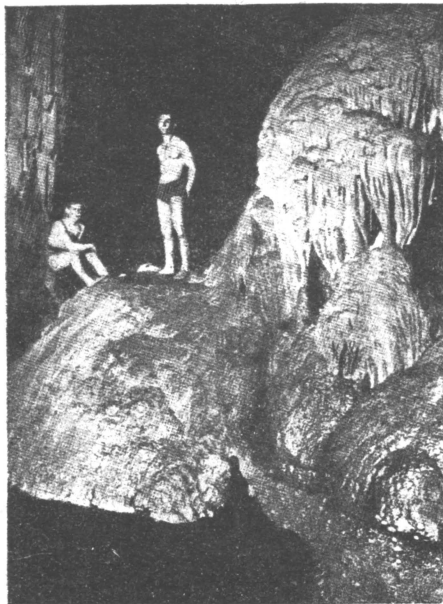
Геологу пришлось одному, в полном мраке, проплыть около 1½ версты по подземной реке, захватив с собою в резиновом мешке спички и свечи. Его смелая попытка была вознаграждена открытием пещеры, где находилось несколько грубо сделанных изваяний из глины, изображавших медведя, тигров, лошадей и около 20 неизвестных животных.

Пещера эта находится в департаменте Верхней Гаронны, около Монтеспаня. На ее стенах, при дальнейшем изучении, были впоследствии обнаружены изображения бизона, дикой лошади, северного оленя, мула, дикой козы, мамонта, гиены и других животных, давно исчезнувших в Европе.

Там же виднелись какие то таинственные знаки, сделанные красной охрой — быть может первые символы человеческого письма.

Но самым интересным были найденные там доисторические изваяния, тем более ценные, что они встречаются лишь во второй раз — впервые подобные изваяния, изображающие бизонов, были найдены в 1912 году в одной из пещер около Ариета, также во Франции. Это изваяние бизона, по определению археологов, имело за собою 15.000 лет. Особенно интересна статуя

медведя (изображенного на рисунке); длина его достигает 3½ фута, ширина около 2 фута. Голова медведя отломана и тело носит следы ударов копья.

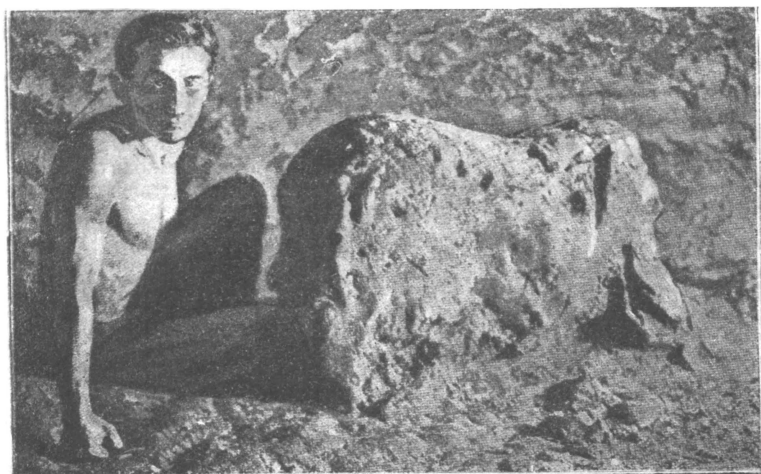
Приготовление к плаванию в ледяной воде подземной реки.

Тут же в пещере обнаружено несколько барельефов, полусмысленных капающей водой, но позволяющих разобрать, что там изображены фигуры лошадей. Неподалеку находились изображения тигров, футах пять длиной также нарочно чем то поврежденных. Выросшие по этим изваяниям известковые сталагмиты, образовавшиеся от падающих капель, свидетельствовали о древности этой скульптуры.

То обстоятельство, что все статуи носили следы каких то искусственно сделанных повреждений, наводит на мысль, что эти фигуры были объектом каких то древних мистических обрядов и жертвоприношений. Мы можем представить себе, что здесь когда то происходили религиозные церемонии, во время которых жрецы наносили удары таким изваяниям, символизируя тем удачный исход будущей охоты за изображенными животными. У африканских племен сохранились и теперь кое-где такие церемонии.

В одном углу пещеры можно было заметить бесчисленные следы пальцев, где когда то люди добывали глину для своих скульптурных опытов. Тут же валялось несколько обделанных кремней — орудий первобытного человека. Наверное в прежнее время существовал более удобный вход в эту замечательную пещеру, с течением веков завалившийся землей и камнями.

Ряд несомненных признаков, вроде величины сталагмитов, доказывает 25.000-летнюю древность этих интересных скульп-

Доисторическая скульптура медведя и Н. Кастера, открывший пещеру.

тур, бросающих совершенно новый свет и быте человеческих племен, населявших юг Европы в эту давнюю эпоху.

ПРОЕКТ ПОЛЕТА НА ВЫСОТЕ 15 ВЕРСТ.

Еще совсем, кажется, близко то время, когда мы с трепетом следили по газетам за все растущими и так дорого оплачивавшимися рекордами высоты полетов. Райт в 1910 г. на своих первых аппаратах едва перешагнул 200 м., затем 500, 1000 м.—гибель отважного Шовеа при перелете через Альпы на высоте 3000 м.,—затем 5000. 6000—высота, до которой могли подниматься аэропланы к началу мировой войны. Последние годы принесли нам известия о полетах на высоте 10000, 11000 и последний рекорд—полет французского летчика Кализо на высоте 12066 метров.

Достижение таких высот является делом далеко нелегким. Всем известно, что с подъемом уменьшается плотность воздуха и затрудняется дыхание человека. На высоте 8 километров летчик уже не может дышать и вынужден брать с собою аппараты с запасами воздуха. Моторы, где происходит сгорание топлива, тоже в некотором роде дышат и также отказываются работать выше известного предела. Для усиленного питания мотора воздухом французским механиком Рато был изобретен особый турбо-компрессор приводимый в движение тем же мотором, и только благодаря этому прибору удалось достичь последних рекордов высоты.

Чем же такие высоты привлекают к себе конструкторов? В военном деле аэроплану

прежде всего важно оказаться на большей высоте, чем аппарат противника—это дает ему возможность с большим удобством атаковать последнего. На большей высоте также лучше ориентироваться по карте и избегать опасных надземных воздушных течений. Попадая в более разреженный воздух, аэроплан испытывает гораздо меньше сопротивления и может развить значительно больш. скорость.

Три года тому назад известный французский строитель аэропланов Луи Бреге составил проект воздушного корабля, снабженного герметически закрытой каютой и моторами с турбокомпрессорами, на котором по словам изобретателя, было бы возможно достичь высоты 12 километров и развить скорость около 800—1000 километров в час.

Недавно шведский конструктор Лидквист разработал проект аэроплана в 2000 лощ. сил, на котором, при высоте 16 километров над землей, можно достичь еще большей скорости—около 1900 километров в час. Иначе говоря, перелет через Атлантический океан на этом сверх-быстролетном аппарате был бы возможен в 2 часа, а кругосветный полет даже по экватору можно было бы выполнить в 20 часов, перегнав солнце, которое казалось бы для пассажиров этого фантастического корабля заходящим на востоке, а не на западе.

ЗАДАЧА № 2.

Одного человека спросили:—Сколько Вам лет?—Тот ответил:

—Когда я родился, моей сестре было столько лет, сколько было отцу, когда моей матери было три года. Когда мне было столько лет, сколько было отцу, когда родилась сестра, тогда сумма лет моих родителей была на шесть меньше удвоенной суммы лет моих и сестры. Когда мне было вдвое столько лет, сколько сестре, когда я родился, тогда отец был вдвое старше сестры, а теперь мне столько лет, сколько было моему отцу, когда я родился.

—Спасибо, но, все таки—сколько вам лет?

Почтов. адрес:
ЛЕНИНГРАД
Стремяная, 8

Телегр. адрес:
ЛЕНИНГРАД
СОЙКИНУ

Телефон № 58-02.

ВСЕМ ПЕРЕВОДЧИКАМ. Еще и еще повторяем: не переводите из старых журналов и книг! При переводе обязательно прилагайте оригинал, иначе рукопись не будет прочитана и попадет прямо в редакционную корзину.

Л. К. (Здесь) „Несчастный случай“—неудачный, мало продуманный опыт (крестьянин уезжает из деревни в город „на зимнее время“ в пору сенокоса), не интересный по сюжету и малолитературный.

В. Г. (Москва). „Современный Аладдин“, не смотря на правоучительную тенденцию, не может быть напечатан, так как в основе работы всетаки мистика.

В. М. (Москва). Тема о мертвецах, которых боятся живые,—стара, как литература, и нужен большой талант, чтобы дать рассказы, приемлемые для современного читателя. Стиль пока еще не Ваш, а сборный:—написания прочитанного То—„трудовой пролетарий“, то—„темнокудрый юноша“. Обдумывайте каждое выражение, каждое слово, пока не почувствуете, что здесь, в этом случае, нельзя заменить его другим. Вы, надо думать, медичка. Ну, так слово то же, что мышца: каждая на своем месте и с известной прочтенностью и действием.

М. Л. (Москва). „Борьба за миллионы“—невероятная кинематографическая цепь, где каждое звено—убийство и грабёж. Идеологически тема совсем неудачная.

Л. Б. (Полтава).—Печататься Вам еще рано, а работаете Вы над собою правильно.

Б. Н. Д. (Орел). „Антигаз“ не годится для печати. В нем содержится мысль, идеологически неприемлемая. Доктор вырабатывает только антигазы, вредоносные же газы, по принципиальным соображениям, добывать не хочет. Потом из чувства личной мести за любимую женщину, отравленную неприятельским газом, организует производство вредных газов. И СССР, согласно с такой постановкой вопроса? И СССР ждет, пока доктор заблагорассудит изменить свои убеждения? С внешней стороны написано грамотно, но слог нужно оттачивать. Ищите выражений характерных, соответственных мыслям.

П. М. М. (Тамбов).—„В битве с цезарем“ наваяно „Машинной времени“ Уэлса, но сделано слабо—слог—литературный.

К. К. (Тифлис).—„Его полет“ и „Ковбой Джо“ не годятся. Это схемы рассказов, но не законченные произведения.

А. М. (Колотоп).—„По власти инквизитора“ свидетельствует, что и читали кое что, но этого мало, чтобы самому написать историческую повесть. Ни герцог Альба, так сильно и ярко обрисованный историей, ни остальные действующие лица у Вас не живут и не действуют. Слов своих у них нет. Все идет по трафарету, как в старинных повестях. В общем—наивно и очень скучно.

Э. Ш. (Смоленск).—Даже сверхловкие грабежи при помощи гидропланов сейчас неподходящий сюжет для рассказов.

В. Н. и В. П. (Зверево).—Для печати Ваш рассказ не годится, но все-таки Вы маленькие молодцы, что в 12 лет так владеете пером. Вас хорошо учат и Вы сами работаете хорошо.

С 1 января 1926 г.

будет выходить регулярно, каждый
месяц.

„МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

на год с дост. и перес.
Рассрочка от 2-х рублей

5 руб.

Уплатившим **сполна** подписную плату до 1 янв. 1926 г.

будет **немедленно** выслан

Фантастический роман **Н. МУХАНОВА**, с иллюстр. **М. Я. МИЗЕРНЮНА**

„ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ“.

Годовые подписчики на журнал **„МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“**

могут получить за доплату **шести рублей**, (допускается рассрочка по 3 руб.)

ПОЛНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

до 2400 столб.
текста

МАЛЫЙ БРОКГАУЗ

свыше 2000 рис.,
чертеж, диаграмм.

Главная Контора Изд-ва „П. П. СОЙКИН“, ЛЕНИНГРАД.—СТРЕМЯНАЯ, 8.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО ГОДА.

КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИК ПОЛУЧАЕТ НЕМЕДЛЕННО ВСЕ ВЫШЕДШИЕ №№ ЖУРНАЛА И ПРИЛОЖЕНИЙ, НАЧИНАЯ С № 1-го.

ВЕСТНИК ЗНАНИЯ

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор академик-профессор **В. М. Бехтерев**.

„ВЕСТНИК ЗНАНИЯ“ знакомит читателей с новейшими достижениями научной и художественной мысли в общедоступном живом изложении, иллюстрируя богатый и разнообразный материал рисунками, портретами, чертежами и репродукциями с картин и фотографий.

ДЕВИЗ ЖУРНАЛА: самодеятельность, самосообразование, организованный творч. труд.

СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА: Бехтерев, В. М., акад.; Богданов-Катковский, Н. Н., проф.; Бонин, В. А., акад.; Боньковский, В. Ф.; Биков, П. Б.; Завилов, Н. И., проф.; Вагнер, В. П., проф.; Вайнберг, Б. Н., проф.; Васильковский, П. Е., проф.; Генкель, А. Г., проф.; Генкель, Г. Г., проф.; Гербер, А. В., проф.; Глетина, С. П., проф.; Галкина, К. Д., проф.; Греков, Б. З., проф.; Груздев, Н. С., проф.; Груздева, С. О., проф.; Гуров, В. А., радио-инж.; Гуцын, В. П., проф.; Дебу, К. И., проф.; Держачев, Н. С., проф.; Загребин, В. Д., проф.; Коган, П. С., проф.; Ковалев, Н. И., проф.; Конон, А. Ф., акад.; Колларевский, Н. А., акад.; Кузнецов, С. С., проф.; Ланка, Э. А., акад.; Ловатин, А. М., проф.; Локосиль, В. К., проф.; Луначарский, А. В., член-корр.; Маркисас, проф.; Мищенко, А. И., проф.; Мискин, А. Е., проф.; Мирр, Н. Я., акад.; Мобзаевский, В. Л., проф.; Молотов, Н. А., проф.; Надсон, Г. А., проф.; Селитра, А. В., проф.; Никольский, А. М., проф.; Новорусский, М. Е., проф.; Ольденбург, С. Ф., акад.; Овчарский, А. Г., проф.; Паливан, Н. В., проф.; Пирельман, Я. И.; Платонов, С. Ф., акад.; Позднеев, Д. М., проф.; Пресняков, А. Е., проф.; Рожевич, Р. Ю.; Рыжаски, П. А., акад.; Сойкин, В. З., инж.; Салтыков, Л. Н., проф.; Свяцкий, Д. О., проф.; Серебряков, К. К., приват-доцент; Ситов, И. А., проф.; Соловьев, В. В., проф.; Сорокин, Г. Н.; Сум, Н. Р., проф.; Тих-Богораз, В. Г., проф.; Усков, М. В., проф.; Федченко, Б. А., проф.; Ферсмак, А. Е., акад.; Фармаковский, В. В., проф.; Чехов, Н. В., проф.; Ширлес, А. Г.; Шмидт, П. Ю., проф.; Шохальский, Ю. М., проф.; Штейнберг, П. И., проф.

В течение 1925 г. подписчики „Вестника Знания“ получают:

24 №№ ЖУРНАЛА: ОЧЕРКИ И СТАТЬИ ПО ВСЕМ ОТРАСЛЯМ ЗНАНИЯ И ОБЗОРЫ СОВРЕМЕННЫХ ДОСТИЖЕНИЙ ВО ВСЕХ ОБЛАСТЯХ НАУЧНОГО, ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА.

12 №№ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХ СОЧИНЕНИЙ, В ОБЩЕД. ФОРМЕ ЗНАКОМЯЩИХ ЧИТАТЕЛЕЙ С ПРОГРЕССОМ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ.

КНИГА 1. ПОЗНАНИЕ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ СССР. Акад.-проф. А. Е. Фегемани.

КНИГА 2. РАБОТА ГОЛОВНОГО МОЗГА. Акад. проф. В. М. Бехтерева.

КНИГА 3. ПРАБОЩЕННЫЕ СИЛЫ ПРИРОДЫ. Инж. П. А. Рыжкевича.

КНИГА 4. НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ. Проф. В. В. Передольского.

КНИГА 5. В МИРЕ НЕЗРИМЫХ РАБОТНИКОВ ПРИРОДЫ. Проф. А. Г. Генкеля.

КНИГА 6. УСПЕХИ СОВРЕМЕННОЙ ХИМИИ. Проф. К. И. Дебу.

КНИГА 7. НАУКА О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ. Проф. В. В. Фармаковского и проф. В. Л. Богачевского.

КНИГА 8. ГРЕЗЫ И ДУМЫ ВОСТОКА. Очерки литературы Персии, Японии и Китая. проф. Г. Г. Генкеля.

КНИГА 9. МИКРОСКОП. КАК ЕГО САМОМУ СДЕЛАТЬ. Приват-доцента К. К. Серебрякова.

КНИГА 10. ПРОСТЕЙШИЕ ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЧВ В ПОЛЕ. Заслужен. проф. К. Д. Глинки.

КНИГА 11. КАК САМОМУ ПОСТРОИТЬ ПРИЕМНУЮ РАДИО-СТАНЦИЮ. Радио-инжен. В. А. Гурова.

КНИГА 12. ИЗУЧЕНИЕ БЫТА НАРОДОВ. А. Д. Александрова.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на журнал „Вестник Знания“ **8 РУБЛЕЙ** Допускается рассрочка: при подписке на год с прилож. 12 кн. ежемесячных приложений с перес. 4 р., к 1 июля 2 р., к 1 сентября 2 р.

При коллективной подписке рассрочка на 9 мес. по 1 руб.

„ВЕСТНИК ЗНАНИЯ“ имеется в продаже во всех киосках на железных дорогах и у газетчиков. Цена номера 50 коп.

Подписка принимается в Главной Конторе Издательства «П. П. Сойкин»
Ленинград, Стремянная. д. № 8.